

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ*

Тема номера:

ГИБЕЛЬ СССР: ФАКТОРНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КАТАСТРОФЫ.
К 30-ЛЕТИЮ ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ
РАСПАДА СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

2021 / № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2021 / № 4

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2021 / № 4

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д.и.н., проф., МГОУ (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д.пол.н., проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д.и.н., проф., МГОУ

Штоль В. В. — д.пол.н., проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2021. — № 4. — 200 с.

© МГОУ, 2021.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K. A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2021. – № 4. – 200 p.

© MRSU, 2021.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2021.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА:

ГИБЕЛЬ СССР: ФАКТОРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КАТАСТРОФЫ. К 30-ЛЕТИЮ ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ РАСПАДА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Бабурин С. Н., Багдасарян В. Э., Ивашов Л. Г., Катасонов В. Ю., Маслов Д. В., Реснянский С. И., Степанян А. О., Сулакшин С. С. Гибель СССР: факторные основания цивилизационной катастрофы. К 30-летию трагических событий распада Союза Советских Социалистических Республик 6

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Смоленский Н. И., Маслов Д. В., Багдасарян В. Э., Журавлёв С. В., Яснитский Н. А. Проблема формирования исторического сознания в современной России 42

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Володихин Д. М. Изображения святого Георгия («копейный ездец») и конного царя на русских монетах XV–XVIII веков. 78

Захаров В. Н. Внешняя торговля России при Петре I. 91

Маслова О. Б., Линец С. И., Едигарова Г. Н. «Существующая сеть детских учреждений не в силах вместить всей армии беспризорных детей...». Детские дома как основная форма ликвидации беспризорности на Ставрополье и Тереке в 1920-е гг. 104

Калинин Д. А. Советская наградная система: обзор источников. 114

Колокольчикова Р. С. Антропогенное воздействие целлюлозно-бумажных предприятий на окружающую природную среду как фактор формирования экологического кризиса на Европейском севере России в позднесоветский период (на примере Котласского целлюлозно-бумажного комбината) 123

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Морозова Т. П. Сокол как солярный символ в Древнем Египте и у славян-язычников. 134

Алёхина Н. В., Ключев С. А. История Древнего Рима как подтверждение актуальности концепции азиатского способа производства 141

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Тетерин П. В. Осмысление причин развязывания холодной войны в англоязычной историографии. 150

Суханова Н. И. Концепция «национального вопроса» в работах Ленина до 1917 г. 160

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. К различению «партизана» и «террориста» в двух парадигмах политического 173

Петросян Э. Б. Российское присутствие в Нагорном Карабахе: анализ геополитической ситуации 185

CONTENT

THEME OF THE ISSUE:

DEATH OF THE USSR: FACTORIAL FOUNDATIONS OF A CIVILIZATIONAL CATASTROPHE. ON THE 30TH ANNIVERSARY OF THE TRAGIC EVENTS OF THE COLLAPSE OF THE UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS

S. Baburin, V. Baghdasaryan, L. Ivashov, V. Katasonov, D. Maslov, S. Resnyansky, A. Stepanyan, S. Sulakshin. Death of the USSR: Factorial Foundations of a Civilizational Catastrophe. On the 30th Anniversary of the Tragic Events of the Collapse of the Union of Soviet Socialist Republics.....6

ROUND TABLE DISCUSSION

N. Smolensky, D. Maslov, V. Bagdasaryan, S. Zhuravlev, N. Yasnitsky. The Problem of the Formation of Historical Consciousness in Modern Russia42

NATIVE HISTORY

D. Volodokhin. The Equestrian Images of St. George («Rider With Spear») and Tzar on Russian Coins of the 15th–18th Centuries78

V. Zakharov. Russia's Foreign Trade Under Peter the Great.....91

O. Maslova, S. Linets, G. Edigarova. «The Existing Network of Orphanages is Unable to House the Army of Homeless Children...». Orphanages as the Main Form of Liquidation of Homelessness in the Stavropol and Terek Regions in the 1920s..... 104

D. Kalinin. The Soviet Award System: a Review of Sources 114

R. Kolokolchikova. Anthropogenic Impact of Pulp and Paper Enterprises on the Environment as a Factor Leading to the Ecological Crisis in the European North of Russia in the Late Soviet Period (The Case Study of the Kotlas Pulp and Paper Mill) 123

GENERAL HISTORY

T. Morozova. Falcon as a Solar Symbol in Ancient Egypt and Among the Pagan Slavs..... 134

N. Alekhina, S. Klyusov. History of Ancient Rome as a Confirmation of the Relevance of the Asian Mode of Production Concept..... 141

HISTORIOGRAPHY, SOURCE-STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

P. Teterin. Understanding the Causes of the Outbreak of the Cold War in English-Language Historiography..... 150

N. Sukhanova. The Concept of the «National Question» in the Works of Lenin Before 1917 160

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

K. Maltsev, A. Maltseva, L. Lomako. On Distinction Between «Guerrillas» and «Terrorists» in Two Paradigms of the Political..... 173

E. Petrosyan. Russia's Presence in Nagorno-Karabakh: Analysis of Geopolitical Situation..... 185

ГИБЕЛЬ СССР: ФАКТОРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КАТАСТРОФЫ. К 30-ЛЕТИЮ ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ РАСПАДА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-6-41

ГИБЕЛЬ СССР: ФАКТОРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КАТАСТРОФЫ. К 30-ЛЕТИЮ ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ РАСПАДА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

**Бабурин С. Н.¹, Багдасарян В. Э.², Ивашов Л. Г.³, Катасонов В. Ю.⁴, Маслов Д. В.²,
Реснянский С. И.², Степанян А. О.², Сулакшин С. С.⁵**

¹ Институт государства и права РАН

119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10, Российская Федерация

² Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

³ Академия геополитических проблем

121108, г. Москва, ул. Герасима Курина, д. 10, Российская Федерация

⁴ Русское экономическое общество имени С. Ф. Шарапова

115093, г. Москва, ул. Большая Серпуховская, д. 24, Российская Федерация

⁵ Центр научной политической мысли и идеологии

121165, г. Москва, ул. Студенческая, д. 30, к. 2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить причинные основания гибели СССР в масштабах анализа советской цивилизационной системы и развития советского проекта.

Процедуры и методы. Представленные материалы структурировались на основании экспертного интервьюирования ряда историков, политологов и общественных деятелей. Анализ причин распада СССР проводился на уровне осмысления истории советского проекта в целом, преимуществ и недостатков моделей социализма.

Результаты. Большинство экспертов сошлись в выводах об отсутствии предопределённости гибели СССР. При этом указывались факторы кризиса позднесоветской системы, связанные

с допущенными на различных исторических этапах стратегическими ошибками. Важная роль, согласно выводам экспертов, в гибели СССР принадлежала фактору «предательства элит».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого анализа могут быть использованы для выработки целостного подхода в осмыслении гибели СССР и использования его опыта для предотвращения аналогичных цивилизационных катастроф в будущем. Представленные материалы целесообразно использовать также в преподавательской деятельности по широкому спектру дисциплин исторической и политологической направленности.

Ключевые слова: СССР, КПСС, М. С. Горбачёв, социализм, идеология, холодная война, «предательство элит», советский проект, кризис

DEATH OF THE USSR: FACTORIAL FOUNDATIONS OF A CIVILIZATIONAL CATASTROPHE. ON THE 30TH ANNIVERSARY OF THE TRAGIC EVENTS OF THE COLLAPSE OF THE UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS

S. Baburin¹, V. Baghdasaryan², L. Ivashov³, V. Katasonov⁴, D. Maslov², S. Resnyansky², A. Stepanyan², S. Sulakshin⁵

¹ *Institut of the State and Rights of the Russian Academy of Sciences
10 Znamenka ul., Moscow 119019, Russian Federation*

² *Moscow Region State University
24 Very Voloshinoi ul., Mytishchi 141014, Russian Federation*

³ *Academy of Geopolitical Problems
10 Gerasima Kurina ul., Moscow 121108, Russian Federation*

⁴ *Russian Economic Society named after S. F. Sharapov
24 Bolshaya Serpukhovskaya ul., Moscow 115093, Russian Federation*

⁵ *Centre of Scientific Political Thought and Ideology
30-2 Studennicheskaya ul., Moscow 121165, Russian Federation*

Abstract

Aim. Identify the causal reasons for the dissolution of the USSR in terms of the analysis of the Soviet civilizational system and the development of the Soviet project

Methodology. The presented materials were structured on the basis of expert interviews with a number of historians, political scientists and public figures. The analysis of the reasons for the collapse of the USSR was carried out at the level of comprehending the history of the Soviet project as a whole, the advantages and disadvantages of the socialism models.

Results. Most of the experts agreed on the conclusion that there was no predetermination for the fall of the USSR. At the same time, the factors of the crisis of the late Soviet system were indicated, associated with strategic mistakes made at various historical stages. An important role, according to the conclusions of experts, in the fall of the USSR belonged to the factor of «betrayal of the elites».

Research implications. The results of the analysis can be used to develop a holistic approach to understanding the collapse of the USSR and to use the experience to prevent similar civilizational catastrophes in the future. It is advisable to use the presented materials also in teaching a wide range of disciplines of historical and political science orientation.

Keywords: USSR, KPSS, M. S. Gorbachev, socialism, ideology, «Cold War», «betrayal of the elites», Soviet project, crisis

Введение

С гибели Союза Советских Социалистических Республик прошло тридцать лет. Но отдаление от даты произошедшей катастрофы не только не ослабляет представления о величии советского проекта, но, напротив, приходит осмысление его масштабности и потенциалов. Новые актуальные вызовы диктуют общественный запрос на обращение к советскому опыту. Многие эксперты на фоне мирового ценностного кризиса заявляют о потребности выдвижения неосоветской альтернативы. Нуждаются вместе с тем в пересмотре сложившиеся стереотипы в отношении гибели СССР, представление о его нефункциональности в конкуренции с Западом.

Ответить на актуальные вопросы, сопряжённые с осмыслением гибели СССР, было предложено группе известных экспертов-историков, политологов и общественных деятелей. Особый интерес имеет ознакомление с мнением непосредственных участников исторических событий на уровне большой политики тех лет – С. Н. Бабурина, Л. Г. Ивашова, С. С. Сулакшина. Каждому из участников интервьюирования было задано 7 одинаковых вопросов, на которые можно было давать ответ в любом предпочтительном для интервьюируемого формате. Полученные ответы оказались в значительной степени корреспондентны друг другу, давая в совокупности целостное осмысление гибели Советского Союза в контексте большого исторического нарратива. Представленные в логике круглого стола материалы могут быть интересны не только в исторической проекции, но и в проекции актуальной политики и проектирования будущего.

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института госу-

дарства и права РАН, в 1991 г. – народный депутат РСФСР, координатор фракции «Россия», член Верховного Совета РСФСР и Конституционной комиссии.

Была ли исторически predetermined гибель СССР? Имел ли Советский Союз возможность преодоления кризиса конца 1980-х – начала 1990-х годов?

Б. С. Н.: Если для кризиса системы советского социализма были объективные и субъективные предпосылки, если общественный строй, основанный на абсолютизации коллективной собственности и отречении от духовно-нравственных, культурно-исторических основ общества, был просто обречён на исчерпание своего потенциала, то гибель Советского Союза как союзного государства не была закономерной, её можно и нужно было предотвратить.

К концу XX в. советское общество стало переживать системный кризис. Задача ускорения социально-исторического развития (решение Пленума ЦК КПСС, апрель 1985 г.) требовала поставить в центр внимания и заботы всего общества «интенсификацию экономики и ускорение научно-технического прогресса, перестроить управление и планирование, структурную и инвестиционную политику, повсеместно повысить организованность и дисциплину, коренным образом улучшить стиль деятельности». Этого оказалось далеко недостаточно. Тогда на смену концепции ускорения пришла концепция коренной перестройки всех сторон жизни советского общества.

Необходимость такой перестройки была объективна: потенциал монополично государственной планово-распределительной экономики был близок к исчерпанию; монополизм марксистско-ленинской идеологии привёл советское общество к духовно-политическому кризису, усилился поиск альтернатив, сквозь революционные догмы в массовое сознание стали возвращаться традиционные национальные ценности; стабиль-

ная мировоззренческая недооценка роли личных (индивидуальных) интересов вызвала негативные деформации в сфере потребления, породила теневую экономику, несовместимую с принципами справедливости или, в терминологии той эпохи, социализма; ослабление идеологических скреп общества при остававшихся в руинах религиозных скрепах привело к росту напряжения в межнациональных отношениях. Укреплению этнического самосознания способствовал и неравномерный рост материального уровня жизни населения различных регионов страны в 1960–1970-е гг.; в результате антиалкогольной кампании внутри страны и падения мировых цен на нефть рухнул государственный бюджет, резко ограничив свободу маневра КПСС и союзных органов власти во внутренней политике.

Были и «рукотворные» факторы нарастания внутреннего кризиса в СССР: работа в течение многих десятилетий специальных служб многих государств по дестабилизации СССР, завершившаяся успешным созданием извне антисоциалистического, антисоветского потенциала в обществе; передача высшим руководством КПСС основных СМИ под контроль антисоциалистическим «агентам влияния» при пассивности традиционной контрпропаганды; разыгрывание национальной карты внешними, а с 1986 г. – и внутренними силами в борьбе за влияние и власть; скоординированная работа ряда активистов перемен по организации перебоев в поставках продовольствия в Москву и Ленинград, искусственное создание массового дефицита в 1989–1991 гг. и т. д. Однако все эти обстоятельства могли быть преодолены скоординированными усилиями советской власти и общества.

Было необходимо перевести развитие общества на новые принципы, устранив прежде всего монополию государства на собственность. Работа в этом направлении началась. Несмотря на ошибочность в постановке задачи лишь стабилизиро-

вать экономику и перейти к рыночным отношениям, вопрос разгосударствления и развитие многообразных форм собственности был поставлен на повестку дня, чтобы «создать условия для экономической свободы производителей, открыть простор для стимулов к труду, развития конкуренции и предпринимательства». Подчеркивалась необходимость экономической обоснованности оценки государственного имущества, подлежащего приватизации, важность становления негосударственных (гражданских) форм хозяйства. Разгосударствление предлагалось рассматривать не само по себе, а в органической связи с переходом к рыночной экономике, как составную часть такого перехода.

Стремление советского общества развиваться, а не идти назад было пресечено мировоззренческой ошибкой политических и духовных лидеров того времени, которая заключалась в универсализации и идеализации рыночных отношений, в представлениях, что история «не простила нам попытки перескакивания через ступени своего развития, она откатывает нас назад». Впрочем, иных примеров в мире не было. Идеологическая ошибка в 1990–1991 гг. начала исправляться, в обществе стало нарастать понимание важности возрождения культурно-исторической основы многонациональной Русской цивилизации, но здоровые силы не успели преодолеть сумеречное состояние общественного сознания, чему способствовало цивилизационное предательство верхушки советской элиты.

Советский Союз был искусно убит его собственными руководителями.

Каковы, с Вашей точки зрения, важнейшие факторы, приведшие к гибели СССР?

Б. С. Н.: Никакие внешние факторы не смогли бы разрушить СССР, если бы в самом советском обществе не сложилась ситуация, способствовавшая успеху его

разрушения. Причём факторы саморазрушения советского государства имели субъективную природу, а значит, могли быть успешно преодолены при наличии у публичной власти политической воли и желания спасти государство. Разберём подробнее:

1) *Деформация национального самосознания русских.* При всеобщем ослеплении суверенитетом политические деятели РСФСР, а за ними десятки миллионов людей ошибочно отождествили историческую Россию не с Советским Союзом, а только с РСФСР. Если же всё остальное объявлено не Россией, а её обременениями, то зачем за всё остальное держаться? Тем более, при росте инспирированных оскорблений в адрес «старшего брата». Особенно губительным был нараставший раздор внутри собственно русского народа между великороссами, белорусами и украинцами;

2) *Дискредитация власти союзного центра.* Неоднократные акции Центра по наведению порядка (после прилёта М. Руста в Москву, при трагедии в Баку и Сумгаите, Тбилиси и Вильнюсе), заканчивавшиеся наказанием невиновных и решительным отречением от исполнителей Генерального секретаря ЦК КПСС, а потом и Президента СССР, подорвали доверие к армии, КГБ и местным партийным органам. После провала ГКЧП в августе 1991 г. основная часть руководителей СССР была арестована, наиболее активные сторонники сохранения СССР смещены со своих должностей или дискредитированы. И в центре, и во всех союзных республиках;

3) *Высокая лояльность и дисциплинированность членов КПСС.* Демократический централизм и партийная дисциплина в КПСС сыграли роковую роль. Многие активные люди, привыкнув выполнять партийные директивы беспрекословно, чувствовали неладное к 1991 г., но ещё верили в мудрость и чистоту «верхов». Когда руководство партии от-

межевало от действий ГКЧП (и от оставшегося во главе ЦК КПСС в августе О. С. Шенина) и заняло оправдательно-выжидательную позицию (Генеральный секретарь ЦК – откровенно трусливую), то обезглавленная партийная масса оказалась дезорганизована и растеряна.

4) *Боязнь законопослушного большинства спровоцировать гражданскую войну.* На смену победителям 1945 г. в силу возраста к 1991 г. стало приходить поколение, которое с 50-х по 80-е гг. росло в мирной бесконфликтной окружающей среде, не научившись деятельно и лично, по собственной инициативе, отстаивать большую и малую Родину, общие ценности. Даже личные интересы отстаивали плохо, ожидая, что государство само должно о каждом заботиться. Психологическая устойчивость советского человека основывалась на убеждении, что и без личного вмешательства в происходящие события «всё будет хорошо», «всё обойдётся», потому что во главе государства находятся умные и достойные люди, которые не дадут никого в обиду. В широких массах возродилось патриархальное доверие к власти и нежелание (неумение) непосредственно осуществлять власть. Смена поколений сопровождалась параличом народной воли. На уровне массовой психологии и должностные лица, и обычные законопослушные граждане опасались в критических ситуациях совершить действия, способные спровоцировать гражданскую войну;

5) *Иллюзии строительства общечеловеческого дома.* Догматизм марксизма-ленинизма привёл к забвению значительной частью населения традиционной для России системы духовных императивов; миллионы людей поддались соблазну «общечеловеческих ценностей» и просто душно поверили в искренность и продуманность проектов незамедлительного перехода к демократии и рыночной экономике, к бесконфликтному существованию в мире.

С какого исторического периода можно, с Вашей точки зрения, фиксировать тенденцию упадка советского проекта, приведшего в итоге к гибели СССР?

Б. С. Н.: Политическая и экономическая системы, система социального развития и культуры советского проекта к концу 80-х гг. XX в. вошли в полосу системного кризиса. Нерушимый союз рабочих, крестьян и интеллигенции, провозглашённый социальной основой СССР (ст. 19 Конституции СССР), усилиями космополитической части интеллигенции обрёл формальный характер, лишённый надёжной идейно-мировоззренческого деятельного обновления. Тотальное господство в экономике социалистической собственности на средства производства, роковая гипертрофированность государственной собственности, подмявшей под себя к концу века колхозно-кооперативную, привели экономическую систему СССР к окостенению, слабой способности откликаться на вызовы научно-технической революции.

На рубеже 1980–1990-х гг. советский проект подвергся безответной дискредитации со стороны нарождавшихся отечественных неолибералов, когда вместо признания товарно-денежных отношений в социалистическом плановом хозяйстве переход к рыночной экономике стал самоцелью реформ. Именно после начала радикальных реформ произошёл обвал экономической составляющей советского проекта. О таком результате прямо говорит динамика основных социально-экономических показателей в 1989–1991 гг.

Однако упадок политической модели советского социализма начался значительно раньше. Именно поэтому сама модель нуждалась в перестройке.

Принцип демократического централизма, перенесённый из партийной жизни в сферу публичной власти, провозглашённый основой организации и деятельности Советского государства (ст. 3 Конституции СССР), прямо пре-

пятствовал волюнтаризму разрушения СССР, именно поэтому «реформаторы» начали демонтаж политической системы СССР с отказа на уровне союзных республик от обязательности решений органов власти Союза ССР (ноябрь 1988 г., Эстония), ликвидации органов народного контроля (май 1990 г., РСФСР), с лишения трудовых коллективов их прав и полномочий. Сама система Советов имела в СССР к 1991 г. универалистский характер, не отличаясь от моделей управления буржуазно-демократических государств.

Уникальный цивилизационный эксперимент с построением в России справедливого общества свободных тружеников с соответствовавшим ему порядком осуществления государственной власти и управления, начавшийся в октябре 1917 г., прошёл несколько этапов своего развития. Планы немедленного построения такого общественного строя разрушились вместе с провалом политики «военного коммунизма», а с новой экономической политикой 1921 г., предложенной В. И. Лениным формально в качестве временной меры, перешли в плоскость социального поиска. При реализации проекта построения социализма в отдельно взятой стране И. В. Сталину понадобилось идентифицировать ортодоксальных марксистов как троцкистов и их сателлитов, в Советской России, оформленной как Союз Советских Социалистических Республик, начался процесс совмещения революционного марксизма в его ленинской редакции с наследием Русской цивилизации, её культурными и политико-правовыми особенностями. Этот процесс ускорился в годы Великой Отечественной войны.

Политическому развитию традиционно были присущи противоречия. Система власти Советов, существовавшая в 1917–1936 гг. – это развитие традиций российского земства, проходившее при учёте классовых интересов победивших революционеров. Однако конституционная реформа 1936–1937 гг., скопиро-

вавшая в СССР буржуазно-демократическую модель всеобщих выборов, стала закатом советской избирательной системы, хотя сам термин «советы» и был сохранён. В СССР скопировали не только достоинства, но и недостатки буржуазной демократии, дополнив их особенностями однопартийной системы. Гибридность системы советского государства 1938–1988 гг. не могла не привести к заболачиванию власти, её бюрократизации, к падению её эффективности. Определённое время недостатки системы управления нивелировались продуманной кадровой политикой КПСС, но постепенно эта политика утратила классовый характер, перейдя под лозунгом общенародности к номенклатурному подбору кадров.

Модель Съезда народных депутатов СССР, включённая в Конституцию СССР в 1988 г., была попыткой возвращения к историческим традициям отечественного народовластия, давала возможность формировать высший орган государственной власти – Съезд депутатов – по аналогии с земскими соборами, включая выборных лиц от земель, от социальных групп (сословий), от национально-территориальных образований. К сожалению, попытка реформы не сопровождалась публичной аргументацией её глубинного смысла и не была продолжена в союзных республиках. Даже в РСФСР учреждение Съезда народных депутатов имело уже другой характер и не сопровождалось необходимой реформой местного самоуправления. В 1991 г. политическая система, находившаяся в стадии реорганизации, не смогла защитить гибнущее союзное государство.

Почему КПСС, насчитывающая к концу 1980-х гг. в своих рядах более 19 миллионов членов, не организовала действенного политического противодействия процессу декоммунизации?

Б. С. Н.: Советское общество, конструировавшееся большевиками на руинах Российской империи, не могло не иметь

внутренних противоречий. Во-первых, отсутствие противоречий – это смерть развития, во-вторых, трагедия гражданской войны, политические репрессии 1920–1950-х гг., да и последовавшая за ними борьба с инакомыслящими не укрепляли социального единства, будоража историческую память народа. Отсюда стремление широких народных масс к правде о прошлом, к покаянию и примирению. Социальная среда с её конфликтами, кризисами и противоречиями является постоянным источником опасности в любом государстве, а потому требует мудрого государственного управления.

Следует помнить, что идея сохранения Союзного государства была решительно поддержана абсолютным большинством народов Советского Союза, выразивших свою волю на референдуме 17 марта 1991 г. И это при нараставшем кризисе доверия к Центру, вопреки попытке дискредитировать идею единства со стороны движения «Демократическая Россия» в РСФСР (с призывов сказать «нет» на референдуме и начался бесславный закат этого изначально массового объединения) и многочисленных националистических организаций Прибалтики, Закавказья, Молдавии.

Энтузиазм советского общества в начале перемен перестройки был огромен. Он включал и рост доверия к КПСС, когда только за 1985–1988 гг. в партию вступило 2 380 731 чел. Понадобились организованные сверху иезуитские акции 1989–1991 гг. по дискредитации Вооружённых Сил СССР и партийных органов, чтобы использовать этот энтузиазм во зло, извратить его цели, чтобы ослабить влияние КПСС. Решающую роль тут сыграл М. Горбачёв и его сообщники. Чего стоит ситуация, когда в 1989 г. секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачёв убеждал в Баку руководителей Азербайджанской ССР принять все законные меры по обеспечению порядка и территориальной целостности республики, в Ереван прилетел другой секретарь ЦК КПСС, А. Н. Яковлев, и

предложил лидерам Армянской ССР забирать Нагорный Карабах и присоединять его к Армении. Или события ночи с 12 на 13 января 1991 г., когда по указанию М. Горбачёва советскими десантниками и офицерами КГБ СССР из группы «Альфа» для объявления Указа Президента СССР о введении на территории Литвы чрезвычайного положения в Вильнюсе был взят штурмом телецентр. Руководитель Компартии Литвы М. Бурокаявичус каждый час докладывал Горбачёву или его помощнику о развитии ситуации, но, как только телевышка была взята и диктор сел в студию, в Московском Кремле прекратили отвечать на звонки, а утром Горбачёв отмежевался от всех, участвовавших в выполнении его приказа, да и от самого приказа.

Роковую роль сыграло в августе 1991 г. отсутствие прямого обращения советского Правительства к народу. Не с объяснениями (они имелись в документах ГКЧП), а с призывом к тем или иным действиям. Вместо попытки членов ГКЧП до последней минуты опираться на мифический авторитет Президента СССР М. С. Горбачёва следовало сообщить народу, что он арестован за измену Родине, призвать к искоренению результатов его гибельной политики. Всё это сплошной субъективный фактор, погубивший КПСС и единую страну.

Заявляя о выходе из КПСС в августе 1991 г., Горбачёв упреждал партийное расследование августовских событий, фактически обвинил саму партию в попытке разрушения страны. Запрещённая к тому времени указом Б. Ельцина, лишённая помещений, архивов, подвергаемая уголовному преследованию КПСС была обезглавлена и деморализована. Даже я, коммунист и член Верховного Совета РСФСР, член Конституционной комиссии России, не мог понять, что происходит 19–21 августа 1991 г., в чём же упрекать миллионы коммунистов – рабочих и колхозников? Они были готовы защищать Родину, но были дезориентированы.

Тем же порядком с арестом Председателя Верховного Совета СССР А. И. Лукьянова, не входившего в состав ГКЧП, оказался обезглавлен и деморализован V Съезд народных депутатов СССР, принявший под давлением Горбачёва 5 сентября 1991 г. решение о своей фактической самоликвидации. Зачарованный Съезд демонтировал высшие союзные органы власти, превратив Правительство СССР в совет экспертов, а Верховный Совет СССР – в марионеточное собрание депутатий союзных республик. Союзный центр был обезглавлен.

Авторы «Беловежья» в декабре 1991 г. постарались скрыть разрушение Советского Союза за ширмой создания СНГ, обещая в Содружестве нечто более надёжное, более демократическое и благополучное, чем СССР. «Три республики, которые выступали учредителями СССР, приостановили процесс стихийного, анархичного распада того общего пространства, в котором живут наши народы», – цинично заверял Б. Ельцин. «Если государство подписывает договор, оно берёт на себя обязательства затем привести нормы национального права, в т. ч. конституционные, в соответствие с заключённым договором», – уверял С. Шахрай. «Может быть, как раз это Соглашение и является той новой формой Союза, к которой мы начинаем движение сегодня», – витийствовал А. Собчак. В эти и им подобные посулы хотели верить простые люди, ими предпочли обмануться в декабре многие депутаты всех союзных республик, в т. ч. коммунисты.

Связана ли гибель СССР с поражением в холодной войне? Выскажите своё отношение к теории «предательства элит».

Б. С. Н.: Не столько историки, сколько политики любят приукрашивать и интерпретировать ранее случившееся, особенно когда в этом присутствует геополитическая корысть. К моменту гибели СССР холодной войны уже не было. Об её окончании должно было свидетель-

ствовать подписание СССР и США Договора об ограничении стратегических вооружений 18 июня 1979 г. (ОСВ-2). В связи с вводом в декабре 1979 г. войск СССР в Афганистан договор не был ратифицирован Сенатом США, но соблюдался обеими сторонами. С выводом советских войск из Афганистана в 1989 г. и серией встречных шагов США и СССР по укреплению взаимопонимания мир вернулся к политике разрядки напряжённостей. Окончание холодной войны было ознаменовано присуждением Президенту СССР М. Горбачёву 15 октября 1990 г. Нобелевской премии мира.

Гибель СССР имела место за рамками формата холодной войны, хотя для политиков США и выгодно утверждать иное. В 1990–1991 гг. в Европе и СССР уже царила роковая эйфория от «строительства общеевропейского дома», за ширмой которой продолжала свою разрушительную работу пятая колонна недругов СССР, готовившая его ликвидацию. Но это была бессмертная *Realpolitik*, а не продолжение холодной войны.

Теоретики демократии, в т. ч. самые известные теоретики индивидуализма, любят обосновывать «право на власть» политической элиты общества. В элите видят возможность существования «общей» неоформленной воли народа, способной удержать хрупкий баланс между субъективным интересом и коллективизмом (тоталитаризмом). Тем опасней предательство элит как устойчивых социальных общностей, основанных на глубоких внутренних связях входящих в неё политиков, объединённых общими интересами. Хотя будем при этом помнить, что наиболее значимые события в политическом мире всегда происходят, как подчеркивает И. А. Исаев, не на поверхности, а в глубине, где как раз и действуют те самые силы и влияния, которые нередко имеют совсем иную, чем просто человеческую – индивидуальную и коллективную – природу и воздействие которых зачастую носит решающий характер.

Такое предательство в СССР было. Более того, цивилизационное отступничество элиты имело порой и форму примитивной государственной измены. Как иначе назвать сговор М. Горбачёва на Мальте с руководством США о ликвидации Организации Варшавского договора, имевший место 3 декабря 1989 г., за спиной всего остального руководства СССР? Или перехват Горбачёвым Н. Назарбаева в Москве 7 декабря 1991 г., чтобы тот не полетел на встречу Б. Ельцина, Л. Кравчука и С. Шушкевича в Беловежской пуще? Весной 1991 г., когда Ельцин предложил руководителям Белоруссии, Казахстана и Украины подписать соглашение о замене СССР Союзом Суверенных Государств, именно Н. А. Назарбаев и Председатель Верховного Совета Белорусской ССР Н. И. Дементей выступили резко против; поколебавшись, их поддержал и Л. М. Кравчук. Б. Ельцин тогда отступил, сделав вид, что «пошутил». Может быть, Горбачёв опасался, что Назарбаев сорвёт и сговор в Вискулях? Не допустил же он в ту ночь силового пресечения сговора, когда узнал о намерениях его участников ликвидировать СССР. Спецназ дважды ждал лишь приказа.

Однако Горбачёв и его соучастники не смогли бы разрушить страну, их деятельность была бы пресечена, если бы не цивилизационное предательство значительной части советской элиты. В политической элите Советского Союза слишком много оказалось лиц, мечтавших не о светлом будущем всеобщего равенства и счастья, а о личном возвращении к частной собственности, о своём инсайдерском участии в дележе общенародного достояния. Партийно-хозяйственная номенклатура, соединившись с организованной преступностью, решила заняться присвоением собственности.

Были в элите подвижники и бесребреники, люди чести и убеждений, но были и те, которые помогали Б. Ельцину, стремившемуся к личной власти любой ценой, и те, кто потворствовал разруши-

тельными действиям М. Горбачёва. Именно из аппарата ЦК КПСС организовывались оппозиционные народные фронты и иные антисоюзные организации в национальных республиках, разжигались межнациональные конфликты.

Роковую роль сыграл Горбачёв и в судьбе европейского социализма. По его поручению А. Яковлев и руководители КГБ СССР лично занимались низвержением Т. Живкова, Э. Хонеккера, Н. Чаушеску, и не только их; разрушали ГДР.

Примеры подлостей и предательств со стороны ключевых представителей советской элиты могут быть продолжены. Измена стране и народу со стороны высшего руководства СССР имела место. И она остаётся безнаказанной.

Была ли связана декоммунизация с распадом единого государства? Существовала ли возможность обновления Союза на иной идеологической основе?

Б. С. Н.: Бывает пропасть между содержанием одного и того же термина в различные эпохи. Коммунистическая партия Советского Союза к концу существования СССР на практике уже не имела общего с марксизмом начала XX в. и даже с партией большевиков. Она реально трансформировалась в общенародную политическую организацию, призванную формировать органы публичной власти общества. Оставалось завершить назревшее мировоззренческое обновление, вернуться к традиционным культурно-историческим и духовным ценностям многонациональной исторической России. Именно этого боялись думающие антисоветчики и русофобы, именно это им удалось предотвратить.

Многопартийная система не гармонична с общинными традициями русского общества, привыкшего за века все вопросы жизнедеятельности решать соборно, путём поиска общего согласия. В рамках КПСС такая возможность стала формироваться с легализацией многооб-

разия мнений, с публичными дискуссиями о путях и способах решения вопросов.

Не распад единого Союзного государства привёл к декоммунизации, а ликвидация единственной политической скрепы СССР в лице КПСС была условием успешного демонтажа Советского Союза.

Именно особенности культурно-исторического типа общества, к которому принадлежит Россия, цивилизационные качества нашей политической и правовой систем позволяют ныне наметить обновление страны на иной идеологической почве. Это для Запада условием, благоприятствующим экономическому соперничеству и индивидуальному преуспеванию, является «глубокое безразличие по отношению к ближнему, доходящее иногда до презрения». Русский образ жизни предполагает сострадание и солидарность, кооперативность и артельность труда, вселенскую отзывчивость.

Фундаментальное заблуждение большевиков при их попытке строить новое общество может быть сведено к двум главным моментам.

Во-первых, нельзя создать успешного будущего, не опираясь на духовные и формировавшиеся веками нравственные ценности соответствующего общества. Для России это ценности православия, скрепившие помимо русского языка цивилизационный союз славянских, тюркских, угро-финских, кавказских и иных народов.

Во-вторых, построение справедливого общества индивидуальной свободы предполагает достойное решение вопроса о собственности. Таким решением может и должен быть переход в России и братских ей государствах к равной доле индивидуальной собственности. Полное отрицание социализмом частной собственности бесплодно. Только распределение между всеми гражданами страны на равных началах доходов от использования государственной собственности и добычи природных богатств при параллельном развитии кооперативной и

частной собственности создаёт для каждого человека основу истинной свободы, укрепляет достоинство, защищает от произвола бюрократии.

Попытку заложить основы нового общественного строя, который В. С. Нерсесянц предложил именовать цивилизмом (от лат. *civilis* – достойный гражданина, гражданский), предпринял ещё в 1991 г. Съезд народных депутатов РФ в виде закона о приватизации через именные приватизационные счета. Каждому гражданину России гарантировалось участие в приватизации через создание именного приватизационного счёта (книжки), который является государственным свидетельством о праве его владельца на долю в безвозмездно распределяемой государственной и муниципальной собственности, а также о его праве на использование приватизационного вклада в соответствии с законодательством (ст. 1 Закона). Государство гарантировало владельцу приватизационного вклада его право приобретения на этот вклад государственных и муниципальных предприятий, а также принадлежащих государству или местным Советам народных депутатов долей (паёв, акций) в капитале акционерных обществ и товариществ, иных объектов государственной и муниципальной собственности в соответствии с законодательством о приватизации (ст. 6 Закона).

Именные приватизационные счета исключали злоупотребления при приватизации, не давали простора мошенникам, а потому были усилиями Б. Ельцина и А. Чубайса заменены на безымянные приватизационные чеки (ваучеры). После государственного переворота 1993 г. указом Президента Б. Ельцина от 24 декабря 1993 г. № 2288 закон о приватизационных счетах был объявлен недействующим и не подлежащим применению.

Однако только равная долевая собственность граждан на природные богатства, оформленная именными приватизационными счетами, может привести к формированию цивилитарной собствен-

ности и стать основой нового общественного строя, преодолевающего ограниченность как частной собственности при капитализме, так и коллективной собственности при социализме. Только цивилизм может предотвратить возрождение номенклатурного бюрократического контроля над общенародной собственностью, когда конкретные граждане, объявленные частью народа, собственности реально лишены.

К сожалению, всемирная деградация человеческого общества, опирающаяся на секуляризм и бездуховность, когда свободу человека определяют уровнем потребления материальных благ, веру – прихотливым желанием, когда традиции заменяют безнравственной вседозволенностью, ведёт к тому, что коллапсирующее общество не способно жить нравственно, а потому выбирает то, что соответствует его уровню и запросам. Венцом же социального правового государства может быть только нравственное государство.

Отсюда и необходимость новой, развивающей традиционную формационную теорию в цивилизационном направлении идеологии. Только новая идеология должна быть основой возрождения Союзного государства как выверенной веками конкретно-исторической формы Русской цивилизации.

Существуют ли перспективы ресоветизации: восстановление СССР и реализация модели социалистической государственности на постсоветском пространстве?

Б. С. Н.: Анализ причин гибели СССР важен не столько ради академического интереса, сколько для осмысления социальных заблуждений и поиска верного пути построения успешного справедливого общества.

Время реинкарнации Советского Союза пришло. Созрела общественная потребность в его возрождении с учё-

том полученных исторических уроков и только на новых принципах. Не может и не должно быть механического восстановления прежних границ и прежних государственных и социально-экономических форм! Следует формировать союзное государство как Российский Союз, исключающий повторение ошибок XX в. Вновь нужна свободная воля народов, опирающаяся на механизмы интеграционного конституционализма. Вертикаль государственного управления должна вобрать в себя опыт и формы избираемых по вертикали Советов как наиболее близкого к идеалу механизма органов представительной власти. За съездами Советов на всех уровнях – будущее.

Как выше уже было сказано, не нужно возвращаться в советский социализм, к социалистической государственности, показавшей свою односторонность и слабость. Тем более, пора перестать рваться в позавчерашний день, к капитализму, когда в России через криминализацию общественного сознания сформировалось общество криминализма с отсутствием правовой системы ценностей, нравственных начал, правового порядка и правосознания. Понимая, что социальная реальность является объективизацией субъективных действий людей, пора ставить новую высокую цель в развитии человеческого общества, более совершенного, чем социализм или капитализм, и неуклонно, продуманно идти к этой цели!

Катасонов Валентин Юрьевич – доктор экономических наук, профессор, председатель Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова; в 1991 г. – консультант Департамента международных экономических и социальных проблем ООН.

Была ли исторически предопределена гибель СССР? Имел ли Советский Союз возможность преодоления кризиса конца 1980-х – начала 1990-х годов?

К. В. Ю.: Слово «предопределена» имеет оттенок фатализма. Если мы говорим об истории как о некоем предопределённом процессе, то тогда рискуем попасть в капкан безысходности. Конечно, на каждом отрезке истории есть свои развилки, и, наверное, можно было бы предположить, что Советский Союз сохранился, если бы политика его руководства оказалась иной. Но, с другой стороны, мы помним, что история не терпит сослагательного наклонения. Поэтому поднимаемый вопрос относится к сфере философии и метафизики истории.

Конечно, я был свидетелем всех этих интерактивных процессов 1980-х гг. Думаю, что разгон был таков, что, наверное, в 1980-е гг. остановить развал Советского Союза было сложно. Где-нибудь на более раннем периоде нашей истории это было, наверное, возможно. Это, знаете, как автомобиль, который разгоняется, и неожиданно перед ним возникает какая-то преграда. Если препятствие возникло, скажем, за 3 м до столкновения, то и тормоза не помогут, а если же за 50 м, то вполне реально избежать катастрофы. Я бы так сказал: в 1980-е гг. это было уже почти неизбежно. А где-нибудь в 1970-е и, тем более, в 1960-е гг. у нас ещё была возможность как-то выбрать иной маршрут исторического развития без развала Советского Союза.

Возможность преодоления кризиса была почти нулевой. Первоначальное значение слова «кризис» (*κρίσις* – греч.) – суд Божий. Я думаю, что, в 1950–1960-е гг. мы могли ещё исправляться. Позже уже был вынесен окончательный судебный вердикт. Кризис был неизбежен. И он нам был необходим, потому что в основе любых кризисов, любых катаклизмов лежит поведение человека. Люди обычно начинают задумываться о своём поведении только тогда, когда происходит какой-то шок. Видимо, с т. зр. Бога как промыслителя исторического процесса, такой шок нам был нужен именно как, я бы сказал, лечебное средство, потому что люди, к сожалению, деградировали.

Такой деградации не было в 1950-е гг., потому что мы к тому времени прошли серьёзные испытания. Так устроена история: люди, которые проходят через испытание, как правило, имеют некую прививку, в т. ч. от катаклизмов и кризисов. Со временем действие этой прививки ослабевает и исчезает. Думаю, что этот кризис в каком-то смысле можно сравнить с такой прививкой. Сегодня тема прививок очень популярна и, как известно, некоторые прививки заканчиваются летальным исходом. Кончилась бы эта прививка для СССР летальным исходом? Не знаю.

Каковы, с Вашей точки зрения, важнейшие факторы, приведшие к гибели СССР?

К. В. Ю.: Я могу назвать даже 103 фактора, но среди этого многообразия важно выбрать самый главный. Им и ограничусь. Главная причина – это всё-таки человек. Всё время мы ищем причины вне человека: экономика не так функционирует, в политике возникают противоречия, конфликты; внешний фактор – Запад нам угрожает и изматывает нас гонкой вооружений. Можно до бесконечности умножать на количество факторов и причин, но в основе всего этого лежит человек. Повторюсь – происходила деградация человека. Почему-то любят говорить, что это проявление человеческого фактора, но мне не нравится это выражение. Человек есть человек, а не фактор. Так что именно в нём и состояла главная причина.

Я очень уважаю святителя Николая Сербского и люблю обращаться к его мыслям. Он практически наш современник, пережил две мировые войны. Епископ был свидетелем грандиозного экономического кризиса 30-х гг. XX в. И он, как человек верующий, как православный человек, сказал: «Все причины на стороне человека, все следствия на стороне Бога». На стороне человека находятся в т. ч. и кризисы, и войны, и иные потрясения.

С какого исторического периода можно, с Вашей точки зрения, фиксировать тенденцию упадка советского проекта, приведшего в итоге к гибели СССР?

К. В. Ю.: Обычно говорят, что социализм был несовершенным общественным строем, несовершенной социально-экономической моделью. И все примеры несовершенств приводят из поздней советской истории 1980-х гг. Это не совсем правильно, потому что, хотя Советский Союз существовал менее века, он всё-таки просуществовал 73 года. Если подходить формально, то даже в пределах этих 73-х лет можно выделить несколько периодов:

1. 1917–1921 гг. – период военного коммунизма;

2. 1921–1928/29 гг. – период новой экономической политики;

3. 1929 – середина 1950-х гг. – период реального социализма. (Написав в своё время книгу об экономике этого периода, я его называю также периодом экономики Сталина. Это очень интересный период).

4. И, наконец, период угасания этой модели, время умирания.

Период заката начался где-то с середины 1950-х гг., когда начался демонтаж социально-экономической модели, которая выстраивалась на протяжении примерно четверти века. 1953 г. – смерть И. В. Сталина. Произошли серьёзные изменения в политической надстройке Советского Союза.

Почему я говорю «середина 1950-х гг.»? В 1956 г. прошёл XX съезд партии, на котором выступил Н. С. Хрущёв, обличивший Сталина и курс Сталина. Фактически это обличение было не только и не столько выпадом в отношении Сталина, сколько выпадом в отношении той социально-экономической модели, которая выстраивалась на предыдущем периоде примерно четверть века. Дальше начались всякие искривления, демонтаж этой модели. Я, как экономист, конечно, боль-

ше могу рассказать про экономическую сторону этого демонтажа.

Так что период упадка начался с середины 1950-х гг. Хотя, безусловно, какие-то элементы прежней модели сохранялись даже в 1960-е гг. Но окончательный удар, который развалил прежнюю модель, нанесли, конечно, экономические реформы Косыгина-Либермана, пришедшие на середину 1960-х гг.

Почему КПСС, насчитывающая к концу 1980-х гг. в своих рядах более 19 миллионов членов, не организовала действенного политического противодействия процессу декоммунизации?

К. В. Ю.: Потому что идейных коммунистов осталось очень немного. Я не знаю, сколько из 19 миллионов, может быть, 1%, а может быть, и того меньше. Собственно говоря, членство в партии представляло собой уже некий образ существования успешного человека в Советском Союзе. Люди абсолютно не верили в коммунистические идеалы, и тем более они не были готовы реализовывать их в реальной жизни. В силу этого неприятия в 1980-е гг. и происходили интерактивные разрушительные процессы в советском обществе.

Можно вспомнить в контексте поставленного вопроса XXII съезд партии, который проходил в 1961 г. На этом съезде была принята 3-я программа КПСС, в которой заявлялось, что нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме. Была определена дата перехода к коммунистическому обществу – 1980 г. – и сформулирована триединая задача построения коммунизма. Первое – это всемирное развитие материально-технической базы, второе – совершенствование производственных отношений и третье – формирование нового человека. Вульгарный материализм в подходах просто бросался в глаза. Даже немецкие коммунисты вынуждены были заявить, что закат Советского Союза начался с принятия 3-й

программы, потому что если высшими целями общества ставятся цели материальные, то это общество обречено. Честно говоря, когда я читал выступления этих, так называемых, ревизионистов, я тогда их доводы не понимал. Но сейчас, по прошествии многих десятилетий, доводы немецких коммунистов мне понятны. Действительно, принятие новой программы было началом разрушительных процессов советского общества. Так что 19 миллионов – это было чисто формальным членством. Могло быть и 39 миллионов. Но ещё раз повторю, что тех людей, которые верили в коммунистические или социалистические идеалы, было не столь много, и они не делали погоды.

Связана ли гибель СССР с поражением в холодной войне? Выскажите своё отношение к теории «предательства элит».

К. В. Ю.: Трудно сказать, что есть причина, что есть следствие. То ли поражение в холодной войне стало триггером, разрушившим Советский Союз, то ли наоборот – разрушение Советского Союза привело к окончательному поражению в холодной войне. Мне кажется, что предложенный вопрос надуманный. Это то же самое, как сказать: человек умирает, а что у него раньше умерло – нога, рука или голова? Разве это так важно? Главное, что весь организм уже был поражён какой-то болезнью. И, с моей точки зрения, это не так важно для понимания того, как нам выходить из нынешнего состояния. Я думаю, что одновременно произошли и гибель Советского Союза, и поражение в холодной войне.

Была ли связана декоммунизация с распадом единого государства? Существовала ли возможность обновления Союза на иной идеологической основе?

К. В. Ю.: А собственно говоря, какая другая могла быть идеологическая основа? Если рассуждать на уровне идеоло-

гии, то в мире не так много идеологий на сегодняшний день – есть просто модификации двух-трёх основных. О чём могла идти речь – об альтернативной социалистической идеологии или капиталистической идеологии. Конечно, можно было говорить о каких-то нюансах: предположим, там капиталистическая модель шведской разновидности или модель южно-корейской модификации. Это уже не так принципиально важно.

Была ещё, конечно, третья альтернатива, которой на тот момент уже почти нигде не было. Это возвращение к тому, чем была Россия до 1917 г. Даже может быть не до 1917 г., а где-то до середины XIX в. Потому что ведь в 1917 г. уже была буржуазная капиталистическая Россия. Капиталистическое преобразование в России началось с реформ Александра II, поэтому если говорить об идеологической модели более ранней, то мы тогда должны вспомнить формулу Филофея «Москва – третий Рим».

Нельзя вернуться в прошлое. У Советского Союза не так много было вариантов в выборе идеологии. Можно было подвергнуть ремонту – косметическому или капитальному – социалистическую модель, но уже на тот момент не было даже людей, которые были заинтересованы в таком ремонте. Вы говорите о 19 миллионах членов КПСС, а ведь многие из них смотрели с завистью на Запад и считали, что именно там находился земной рай. Я до развала Советского Союза бывал за границей и прекрасно понимал, что никакого рая там нет. Но люди обманывались и обманывали своё окружение. В общем, на самом деле не было людей, которые готовы были провести капитальный ремонт советской социалистической модели.

Это можно было сделать только через самого человека. Всё время возвращаясь к одному: причина всех изменений – человек. Если мы хотим изменения в социуме, то начинать надо с изменений в самом человеке.

Кстати, я упомянул 3-ю программу КПСС и триединую задачу, где совершенно правильно было сказано о необходимости формирования нового человека. Но никто толком даже не понимал, что такое новый человек. Вообще можно сказать, что ни в Советском Союзе, по крайней мере, когда я учился, ни сегодня, тем более в Российской Федерации, никто не думает о том, что начинать изменения в обществе действительно надо, прежде всего, с изменения человека. Даже не изменения, может быть, а совершенствования человека. Таких предметов, насколько мне известно, в высших учебных заведениях нет, поэтому молодёжь, к сожалению, имеет очень смутное представление о том, что такое человек. А человек, как говорили ещё в древней Греции, мера всех вещей. А я бы ещё добавил, что не только мера всех вещей, но и причина всего происходящего в мире.

Существуют ли перспективы ресоветизации: восстановление СССР и реализация модели социалистической государственности на постсоветском пространстве?

К. В. Ю.: Как говорили греки, дважды нельзя войти в одну реку, поэтому восстановление маловероятно. Маловероятно восстановление государственности в первоначальном виде с этими же границами, которые были у Советского Союза и тем более у Российской империи. И даже маловероятен тот социализм, по которому сегодня некоторые ностальгируют. Ещё раз замечу, что я застал тот отрезок советской истории, когда для людей смысл жизни стал сводиться к материальному. К материальному и на персональном уровне, и на уровне микросоциума, и на уровне общества. Эта модель обречена, потому что человек нуждается в каких-то надматериальных идеалах. К сожалению, этого уже не было в позднем социализме, и тем более этого нет сегодня.

Я не знаю, как изменить ситуацию, это так же сложно, как, скажем, заставить человека поднять самого себя за волосы. Только Господь может вмешаться и помочь человеку.

Сулакшин Степан Степанович – доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра научной политической мысли и идеологии; в 1991 г. – народный депутат Верховного Совета СССР, с сентября – полномочный представитель Президента РФ в Томской области.

Была ли исторически предопределена гибель СССР? Имел ли Советский Союз возможность преодоления кризиса конца 1980-х – начала 1990-х гг?

С. С. С.: Историческая предопределённость – это крайне слабо детерминированный термин. При буквальном прочтении надо полагать, что всё, что произошло де-факто, исторически предопределено. Всё, что произошло – исторически предопределено. Но это тривиальное заключение, не содержащее никаких гносеологических, аналитических или прогностических проекций. Ценность суждения – нулевая. Если же между строк вопроса имеется в виду иной, более фундаментальный вопрос, то, скорее всего, он такой: «Развалился СССР как идеократическое государство, проект альтернативного развития мира в силу объективных или сугубо субъективных причин?».

Под главной объективной причиной следует понимать ошибочность теории, ценностно-целевых наборов, лежавших в основе всех формировавших строительство и управление государством факторов. Именно теория социализма (коммунизма) испытывалась историей в примере СССР.

Под субъективными факторами следует видеть, прежде всего, национальное предательство элиты. Борьбу иных

государств на уничтожение СССР «негорячими» методами. Хотя тут можно различать и объективные субфакторы. И чисто субъективные (можно сказать, даже субъектные) факторы в виде персон высшего управленческого эшелона. Политическое устройство СССР было таково, что роль первого лица государства имела критически определяющее значение. Хотя это свойство присуще всем цивилизационным формам российской государственности. Каков был поп, таким становился и приход. Эффективно балансирующих этот фактор подсистем в политическом устройстве государства фактически не было. Как, впрочем, это имеет место и в современности.

Поэтому ответ на заданный вопрос имеет сложный состав.

Ошибочна ли была сама теория в своей основной базе? Содержится ли в ней так называемый автокод смерти социальной системы на основе этой теории? Мой ответ – нет. Автокода смерти социалистической идеи нет, и это на теоретическом уровне доказуемо. Если, конечно, рассуждать не на уровне примитивной догматики «капитализм–социализм», а на уровне множества факторов жизнеспособности больших социальных систем. Хотя тут приходится входить в пространство уже не марксовой и ленинской теории. А собственной теории жизнеспособности (успешности) сложных социальных систем.

Вместе с тем, догматизм, начётничество, уход от научной верификации при превращении общественно-политической доктрины социализма в набор невыблемых лозунгов, едва ли не мантр, сделали своё дело. Научность ушла, ошибочность представлений и управленческих решений пришли. Вот и комплекс: объективно – НЕТ, субъективно – ДА.

В силу этих обстоятельств персоны играли ключевую роль. Статистические показатели не всегда свидетельствуют о правильности действий персон. На самом деле работает ещё и фактор задержки последствий во времени. Сталинизм работа-

ет и сегодня. Хрущёвская безграмотность и безответственность достаёт Россию и сейчас. Преступные наклонности власти, стоящей выше закона, склонность горбачёвской элиты к предательству уродуют и современную путинскую Россию.

Итак, мой ответ. Больше оснований считать, что объективно исторический проект и эксперимент СССР далёко не закончился. Соответственно, если бы были созданы механизмы очистки от управленческого мусора, балансирования монополии власти персон и группировок, гарантий научности дискурса и теоретических доктрин – то вызовы, которые история продемонстрировала, могли бы были быть преодолены. Но важно и ещё одно. Всё перечисленное считаю делом будущего России и настоящего социализма.

Каковы, с Вашей точки зрения, важнейшие факторы, приведшие к гибели СССР?

С. С. С.: Важнейшими факторами, приведшими к гибели СССР, я определяю следующие:

1. Национальное предательство Горбачёва и его группировки. Перерождение элит;

2. Внешнее давление с целью уничтожения страны;

3. Догматизация теории и идеологии, окостенение политической системы, монополия КПСС и её сращивание с государственным механизмом, падение управленческой компетенции правящей группировки.

С какого исторического периода можно, с Вашей точки зрения, фиксировать тенденцию упадка советского проекта, приведшего в итоге к гибели СССР?

С. С. С.: Заметное оглупление и гуманитарное управленческое обезнаучивание страны начались во времена Н. С. Хрущёва. Критическое падение жизнеспособности страны – это период М. С. Горбачёва, 1985 г.

Почему КПСС, насчитывающая к концу 1980-х годов в своих рядах более 19 миллионов членов, не организовала действенного политического противодействия процессу декоммунизации?

С. С. С.: Потому что КПСС не была политической партией с возможностью оппозиционирования власти. Её обнулило, когда власть пришла в руки горбачёвщины, и развернулось предательство страны. КПСС была административной пирамидой собственно власти. Как в Конституции было написано, – «ядром системы». А в любой власти приказ вышестоящего – закон для подчинённого. Такая система обосновывалась ссылками на «демократический централизм».

Линейные коммунисты по привычке не высовываться подчинялись, ничего не понимая, и не высовывались. КПСС сгнила как политический значимый институт. КПСС в тотальной системе убила и себя, и страну. Уничтожение страны произошло, как только её верхушка в действительности поставила задачу развалить СССР.

Связана ли гибель СССР с поражением в холодной войне? Выскажите своё отношение к теории «предательства элит».

С. С. С.: Никакой теории «предательства элит» не существует. Существует факт предательства горбачёвщины и горбачёвской КПСС. Завербован? Корыстно мотивирован? Перерожденец? Болтун и недееспособный руководитель? Естественный продукт мутировавшей КПСС? Вероятно, всего понемногу.

Была ли связана декоммунизация с распадом единого государства? Существовала ли возможность обновления Союза на иной идеологической основе?

С. С. С.: По вопросу о связи декоммунизации с распадом единого государства – да. Таков был метод, план и его реализа-

ция по решению задачи победы над «империей зла».

По вопросу о существовании возможности обновления Союза на иной идеологической основе – нет. Под прикрытием обновления горбачёвщина разваливала СССР.

Существуют ли перспективы ресоветизации: восстановление СССР и реализация модели социалистической государственности на постсоветском пространстве?

С. С. С.: Понимая под СССР то самое государство и ту самую теорию – нет. Перспектива просматривается только многодесятилетняя и то при условии признания новых взглядов на модель успешного, нравственного, справедливого, трудового и народовластного государства. Переход в России, ведущей стране на месте бывшего СССР, к такой модели от нынешнего либерального, фашизирующегося государства в приватизированном виде является обязательным условием реинкарнации социалистической стадии развития человечества. Но это уже речь о событии революционного масштаба. Надо надеяться, переход будет мирным и законным.

Ивашов Леонид Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, генерал-полковник, президент Академии геополитических проблем; в 1991 г. – начальник управления делами Министерства обороны СССР.

Была ли исторически предопределена гибель СССР? Имел ли Советский Союз возможность преодоления кризиса конца 1980-х – начала 1990-х гг.?

И. Л. Г.: Отвечая на вопрос, была ли историческая предопределённость гибели СССР, я однозначно утверждаю, что социалистический мир более перспективен, чем мир капиталистический. И сегодня уже и ведущие теневые мировые

центры управления – Давосский форум, Римский клуб – заявляют о гибели капитализма. При этом социалистический Китай, социалистический Вьетнам, социалистическая Куба подают сегодня пример жизнеспособности социализма.

Советский Союз, конечно, искусственно и плюс по глупости оказался ввергнут в кризис второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. Он был, по сути дела, искусственно разрушен. Искусственный кризис, искусственная гибель СССР, а во все не предопределённость, как заявляют либеральные идеологи демонтажа системы социализма.

Каковы, с Вашей точки зрения, важнейшие факторы, приведшие к гибели СССР?

И. Л. Г.: Говоря о возможных факторах, которые привели к гибели Советского Союза, я бы выделил три. Первый и главный – это безвременная кончина Иосифа Виссарионовича Сталина. Уход Сталина как стратега и идеолога привёл к тому, что оказался проявлен со временем и второй фактор гибели. Он заключался в отсутствии теории социализма и стратегии развития социалистического содружества, включая Советский Союз.

Третий фактор заключался в приходе к власти в соответствии с западными планами людей, неспособных управлять ни социалистическим лагерем, ни собственным государством. Я имею в виду, прежде всего, Н. С. Хрущёва. Сегодня является очевидным, что его приход к власти произошёл в соответствии с планами Соединённых Штатов Америки. К американским планам был подключён весь западный мир, и не только он. Уже 19 марта 1953 г. на уровне Совета национальной безопасности американцы приняли меморандум, а, по сути дела, геополитическую директиву, называвшуюся «Об использовании смерти Сталина в национальных интересах США». Там было всё детально расписано, включая и вопрос о недопущении к приходу на первые позиции в СССР

умных, стратегически мыслящих людей. Среди таких, представляющих угрозу персоналий, указывались и Г. М. Маленков, и Л. П. Берия, и В. М. Молотов, и Г. К. Жуков. И вот в соответствии с этим планом был приведён к власти с помощью самих же коммунистов, посредством запущенных интриг, самый неграмотный в идеологическом отношении и не имеющий должного положительного опыта строительства социализма Никита Хрущёв.

С какого исторического периода можно, с Вашей точки зрения, фиксировать тенденцию упадка советского проекта, приведшего в итоге к гибели СССР?

И. Л. Г.: Опять назову именно смерть Сталина и приход к власти таких интеллектуально ограниченных личностей, как Хрущёв.

Почему КПСС, насчитывающая к концу 1980-х гг. в своих рядах более 19 миллионов членов, не организовала действенного политического противодействия процессу декоммунизации?

И. Л. Г.: Вероятно, здесь виноват принцип демократического централизма. Во-первых, он был извращён. Во-вторых, этот принцип, по сути дела, разоружал и союзные, и региональные партийные организации. Все ждали указаний сверху, привыкли именно верить и надеяться, что в Кремле, на Старой площади, в ЦК, всё знают, всё отслеживают и всё исправят.

Связана ли гибель СССР с поражением в холодной войне? Выскажите своё отношение к теории «предательства элит».

И. Л. Г.: О холодной войне. Советский Союз её не проигрывал. Советская наука, советское образование, советская культура представляли лучшие в мире образцы. По экономическим показателям СССР, как минимум, не уступал Западу. Обороноспособность страны была на высоком уровне.

Кризис произошёл не в силу проигрыша советской системы, а прихода к власти людей наподобие М. С. Горбачёва. Именно то, что пришли люди, которые имели ограниченный международный кругозор, привело к принципиальным стратегическим ошибкам во внешней политике. Мировоззрение у них было на уровне района. И они, не зная геополитических процессов, не зная законов мирового противоборства, системного противостояния, не зная истории, понадеялись, что мы, начав разоружаться, пойдя на уступки, разменяем национальные интересы на некие общие человеческие ценности. Это всё как раз и привело к распаду государства, искусственному его роспуску и к декоммунизации.

А что сделал Б. Н. Ельцин? Роспуск Советского Союза на основании Беловежского соглашения являлся чистым сговором и преступным актом. И о произведённом роспуске он первым делом доложил не советскому народу, не первым секретарям союзных республик, которых должен был бы элементарно оповестить и посоветоваться с ними, а Дж. Бушу-старшему, президенту США.

В тот же день его сообщники проинформировали Ватикан о роспуске СССР. И из Ватикана последовал то ли приказ, то ли приглашение прибыть на встречу с понтификом. Через 10 дней, 19 декабря 1991 г., Ельцин прибыл в Ватикан. Именно оттуда он привёз решение запустить в Россию орден иезуитов, орден мальтийских рыцарей, различные масонские ложи и тому подобные организации. Это было не ельцинской инициативой, а решением, продиктованным извне. Спасибо ещё патриарху Алексию II и Русской Православной Церкви, что они отстаивали право православному христианству в России сохранять позиции доминирующей религии. Требования из Ватикана были таковы: уравнивать католическую церковь по степени влияния с православной, установить иерархию католических кардиналов.

Была ли связана декоммунизация с распадом единого государства? Существовала ли возможность обновления Союза на иной идеологической основе?

И. Л. Г.: Связана ли декоммунизация с распадом государства? Да, безусловно. Распад государства осуществлялся через подрыв цементирующей его советской социалистической системы. Отстранение посредством интриг от власти КПСС подтолкнуло процесс распада страны.

Существуют ли перспективы ресоветизации: восстановление СССР и реализация модели социалистической государственности на постсоветском пространстве?

И. Л. Г.: Такая возможность существует всегда. Другое дело, что сегодня необходима теория социализма не просто в качестве лозунгов, как в 1917 г. («Кому фабрики? Кому земля? Кому заводы?»), а именно в качестве системной научной разработки, отражающей актуальные вызовы времени. Теория нужна и потому, что противная сторона, которая захватила власть в России и ряде постсоветских республик, имеет богатую теоретическую базу либерал-фашизма. Современные коммунисты, к сожалению, такой базы не имеют. Поэтому нужны теория вопроса и стратегия взятия власти.

Важна постановка вопроса о возвращении советской власти. Речь должна идти именно о советской власти, а не о парламентах западного типа. В отличие от них Советы – это общество, где подавляющее большинство населения может формировать органы власти и через них реализовывать свои насущные интересы: политические, социальные и, конечно, экономические.

Восстановление в полной мере Советского Союза невозможно. Копировать его нельзя и нецелесообразно. Но, применяя другие технологии и учитывая ошибки прошлого, нужно создавать систему

народного социализма, выстраивать институты народной власти. Следует руководствоваться в строительстве общества будущего социалистическими принципами, которые одни только способны сегодня спасти человечество, бывшие советские народы, включая российский народ, от гибели.

Реснянский Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени МГОУ, профессор кафедры истории России РУДН; в 1991 г. – доцент Высшей партийной школы при ЦК КПСС.

Благодарности. При поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. № проекта 21-011-43080. «Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката».

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 21-011-43080 “The Soviet Union as a civilization: from dawn to dusk”.

Была ли исторически предопределена гибель СССР? Имел ли Советский Союз возможность преодоления кризиса конца 1980-х – начала 1990-х гг.?

Р. С. И.: Любая социальная система, чтобы быть успешной, требует новых творческих идей для своего развития, не исключение и социалистическая модель, впервые в мире реализованная в СССР. Её жизнедеятельность зависела от того, насколько было незыблемо её базовое основание, насколько она оставалась советской, где власть принадлежала рабочим и крестьянам. Эта коммунистическая идея и объединяла Советский Союз. Однако после смерти И. В. Сталина не было, к сожалению, ни одного руководителя государства его уровня, способного генерировать новые идеологемы согласно вызовам времени.

Догматизм мышления аппарата, на мой взгляд, – одна из главных причин, приведший к гибели СССР, хотя, конеч-

но, здесь надо говорить о комплексном воздействии на его структуру внутренних и внешних причин. В этой связи, используя дефицит творческих идей советского партаппарата, был запущен западными бенефициарами спектакль под названием «цветная революция», построенный по канонам постмодернизма; и трудно сказать, был ли М. С. Горбачёв заложником ситуации в силу догматизма своего мышления или был «петрушкой», «уловленной» западными спецслужбами, и выполнял их план разрушения партии и государства.

Как бы то ни было, сама политика Горбачёва, называемая перестройкой, не имела под собой никакого внятного идеологического основания и стратегической цели, а значит алгоритм действий, на мой взгляд, был предопределён – эта политика вела к государственному коллапсу. Этому также способствовало и предательство российской элиты, жаждавшей вписаться в западную номенклатуру. В этой связи она сознательно проводила как политику расчленения СССР, так и предала Западу страны народной демократии Восточной Европы, хотя там было много наших союзников. (А. Н. Яковлев, «архитектор перестройки», Б. Н. Ельцин и мн. др. (имя им – легион)).

Мог ли при этом сохраниться Советский Союз? Думаю, что мог. Общая территория, общий экономический механизм, общая логистика транспортных коммуникаций, исторически созданная сеть хозяйственных и социальных связей, крупная, успешная тяжёлая промышленность, ядерный паритет с Западом. Эти объективные факторы способствовали бы сохранению советской государственности. Но в Китае, где также была запущена Западом «цветная революция», консолидированная партийная элита сумела пресечь свой распад событиями 1989 г., когда армия на площади Тяньаньмэнь подавила либеральствующую проамериканскую толпу. Наш же силовой блок в лице ГКЧП не смог проявить волю и просуществовал

всего 3 дня. Хотя, возможно, и он исполнил свою опереточную роль в этом спектакле распада советской государственности.

Таким образом, если бы в это время в госаппарате была бы команда с творческим харизматическим лидером, разделявшим традиционные духовные ценности тысячелетней российской государственности (как разделял их И. В. Сталин), Советский Союз был бы сохранён, тем более, большинство населения хотело его сохранить. В ином случае гибель СССР была предопределена.

Каковы, с Вашей точки зрения, важнейшие факторы, приведшие к гибели СССР?

Р. С. И.: Реперными точками невозврата, на мой взгляд, были: субъективный фактор, «предательство элиты», неспособной управлять страной в контексте новых вызовов, перерождение большей её части в партийных функционеров с мелкобуржуазной психологией, весьма далёкой от коммунистической идеи; механизм воспроизводства конфликта интересов, запущенный Западом, который использовал в этой связи принятое решение XXVIII съезда КПСС о полной самостоятельности партийных организаций в союзных республиках. Как известно, именно с этого начался «парад суверенитетов», борьба всех против всех местных национальных элит с опорой на местечковый национализм и выходом этих элит из-под контроля Москвы как составной части «цветной революции»; поражение в холодной войне из-за догматизма мышления госаппарата; сознательное обрушение Западом мировых цен на нефть до крайне минимального уровня. Ну и, пожалуй, теневая экономика, которая породила чиновничью коррупцию и постепенное загнивание государственного управления.

С какого исторического периода можно, с Вашей точки зрения, фиксировать тенденцию упадка советского проекта, приведшего в итоге к гибели СССР?

Р. С. И.: С начала руководства страной Н. С. Хрущёва, с его политикой десталинизации и бездарными экономическими реформами. Именно с этого периода, на мой взгляд, начался постепенный развал партийной системы, был запущен механизм перерождения партийной номенклатуры, ставившей своей целью демонтаж советского строя. Именно с этого периода началось формирование протобуржуазных элит путём постепенного сращивания части партаппарата с теневой экономикой. Вся последующая деятельность властных элит только добавляла энтропийные процессы, постепенно шаг за шагом разрушающие государственный организм.

Почему КПСС, насчитывающая к концу 1980-х гг. в своих рядах более 19 миллионов членов, не организовала действенного политического противодействия процессу декоммунизации?

Р. С. И.: К этому времени КПСС перестала быть ленинской партией. Партийные функционеры стремились ворваться в «бизнес», разлагали партию изнутри, решая строить «новое общество». Рядовых коммунистов предала партийная элита. Коммунистическая идея, как её понимали Ленин и Сталин, была отброшена. Тем самым процесс декоммунизации, а вслед за ним, естественно, и распад советской государственности, был главной мишенью горбачёвской перестройки и западных дирижёров, их совместным проектом.

Связана ли гибель СССР с поражением в холодной войне? Выскажите своё отношение к теории «предательства элит».

Р. С. И.: Поражение в холодной войне и истощение тем самым советской экономики было важным, но не единственным фактором гибели СССР. Что касается моего отношения к теории «предательства элит», то хочу сказать, что во все времена

мировой истории у всех народов в периоды кризисных состояний обществ «предательство элит» было повсеместным. Что касается истории государства российского, здесь также можно приводить многочисленные примеры предательства властных элит. «Смутное время», период государственных переворотов, Февральская буржуазная революция 1917 г.... Тема взаимоотношений правителя и правящей элиты стара, как мир. В этой связи я рекомендую книгу А. С. Панарина «Народ без элиты», где автор талантливо раскрывает механизм деградации советской элиты и цену её предательства.

Была ли связана декоммунизация с распадом единого государства? Существовала ли возможность обновления Союза на иной идеологической основе?

Р. С. И.: Сначала был запущен механизм декоммунизации, а затем произошёл распад единого государства. На мой взгляд, именно в такой последовательности следует рассматривать событийную канву этого процесса. КПСС органически был встроен в тело советской государственности, являясь стержневой основой советского строя. Я всегда считал, ещё будучи студентом истфака МГУ им. М. В. Ломоносова, что если рухнет партия, то вслед за ней наступит коллапс СССР. Существует ли возможность обновления Союза на иной идеологеме, не социалистической? Думаю, что нет. Об этом свидетельствует вся российская история: капитализм в различных его формах с его индивидуализмом и тоталитарным рационализмом глубоко чужд психологии русского народа с его ментальной соборностью, общинностью, метафизической устремлённостью к идеалу.

Существуют ли перспективы ресоветизации: восстановление СССР и реализация модели социалистической государственности на постсоветском пространстве?

Р. С. И.: Перспективы всегда имеют право на существование. Почему бы и нет. Сегодня в мире нет альтернативы мировому капиталу, у которого, на мой взгляд, нет будущего. Социализм плюс православные духовные ценности, их синтез, который возможен только в России, единственно может спасти мир от заразы капиталистического разложения. Я верю в этот идеал будущего.

Степанян Араик Оганесович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени МГОУ, первый вице-президент Академии геополитических проблем; в 1991 г. – участник общественно-политического движения в Армянской ССР за сохранение Советского Союза.

Была ли исторически предопределена гибель СССР? Имел ли Советский Союз возможность преодоления кризиса конца 1980-х – начала 1990-х гг.?

С. А. О.: Гибель СССР не являлась закономерностью, и судьба Советского Союза не была предопределена. В высших эшелонах власти понимали, что стране необходимы реформы. Однако определённые круги КГБ и ЦК КПСС провели их так, что крупные предприятия, нефтегазовые компании, природные ресурсы – лес, уголь, полезные ископаемые, принадлежавшие прежде всему народу, попали в частные руки. Среди части номенклатуры сложилась установка достижения уровня жизни по меркам успешных классов Запада. Эти новоявленные собственники считали, что при СССР они живут скромно, по сравнению с западными визави, хотя обладают колоссальной властью, влиянием и возможностями. Больше одной квартиры в центре Москвы, дачи и машины, они другой роскоши себе позволить не могли. Контролирующие органы (народный контроль, партийный контроль, ОБХСС, МВД, КГБ, проку-

ратура) могли спросить об источниках доходов на приобретение роскоши. Вот поэтому уже 1980-е гг. проводится дискредитация и бесконечные реформы этих органов, приведшие в итоге к их ликвидации. Люди, которые по должности обязаны были противостоять грабежу и развалу страны, которой они давали присягу, сами участвовали в этом грабеже. В развале страны были заинтересованы не только западные противники, но и элиты СССР. Без фактора предательства развал страны был невозможен.

Каковы, с Вашей точки зрения, важнейшие факторы, приведшие к гибели СССР?

С. А. О.: Первый фактор – деградация советской номенклатуры в постсталинскую эпоху. В условиях сталинского драконовского обхождения с неработоспособными номенклатурными особями представители так называемой элиты опасались пристраивать своих детей на ответственные руководящие должности, ибо это могло закончиться карой. В послесталинский период такая угроза исчезла. Все сколь-нибудь заметные номенклатурные начальники начали истоково пристраивать своих детей на возможно более значимые посты, помогая друг другу в реализации родительских забот на номенклатурный манер. Уже через 10–15 лет это привело к первым сокращениям всех институтов управления. Дети номенклатуры, более прочих подверженные радостям жизни без меры, привнесли в жизнь и быт управленческого сословия пьянство, блуд, лживость, подтасовки отчётов о результатах работы и т. п. Ситуация удерживалась на плаву только потому, что существовали обширнейшие зоны, на которые интересы по продвижению кланами «своих» не распространялись: производственные цеха, совхозы, стройки, НИИ, ВПК, служба на атомных подводных ракетолосах и т. п. Там руководили по-прежнему выдвигав-

лись преимущественно благодаря своим личным способностям, дарованиям.

Второй фактор выражается персонально фигурой Н. С. Хрущёва. Он очистил госструктуры от профессиональных сталинских кадров, что критически проявилось в сфере управления в последующие годы.

Для решения накопившихся экономических проблем требовалось пересмотреть некоторые догмы социализма. Политическое руководство на такой пересмотр не пошло. Кадров с масштабным и глубоким мышлением стало критически мало, и формирование новой стратегии оказалось непосильной задачей.

Третий фактор – предательство. Шла холодная война, и в рамках этого противостояния у части элиты возникало искушение перейти на сторону противника, сулившего соответствующие дивиденды.

С какого исторического периода можно, с Вашей точки зрения, фиксировать тенденцию упадка советского проекта, приведшего в итоге к гибели СССР?

С. А. О.: С периода Н. С. Хрущёва начался переход к инерционной фазе. Далее инерционный сценарий плавно переходит в деградационные процессы в идеологии, экономике, госуправлении.

Почему КПСС, насчитывающая к концу 1980-х годов в своих рядах более 19 миллионов членов, не организовала действенного политического противодействия процессу декоммунизации?

С. А. О.: Причина в предательстве высшего партийного руководства. Оно не только не организовало противодействия процессу декоммунизации, но и возглавляло его. В союзных республиках по решению ЦК КПСС создавались народные фронты, антикоммунистические движения и организации. Партийная элита деморализовала и парализовала рядовых членов партии. Разоблачали партийные

руководители разных рангов. Выдвигались ложные лозунги, декларировалось (М. С. Горбачёв) – больше социализма, но уничтожались социалистические принципы. Мобилизовались анархисты, монархисты, либералы, демократы... и почти все эти организации возглавлялись бывшими коммунистами. А поскольку в СССР все общественно-политические организации и процессы находились под контролем КГБ СССР, то становятся понятны приводные ремни декоммунизации.

Связана ли гибель СССР с поражением в холодной войне? Выскажите своё отношение к теории «предательства элит».

С. А. О.: Одна из причин поражения СССР в холодной войне состоит в отсутствии веры у адептов идеологического фронта в идеи социализма. Для некоторых это была просто хорошая работа, привилегии и т. п. Была утрачена вера в социализм и счастливое будущее, которая вдохновляла людей в сталинский период и помогла победить фашизм. В итоге оказалось, что некоторые высокопоставленные борцы идеологической войны симпатизировали противникам, а после поражения своей страны так вообще перешли на их сторону.

Одна из причин распространения синдрома предательства элиты состояла в отсутствии должной угрозы со стороны карательных органов. При отсутствии такой угрозы элита начинает склоняться к любой аванюре с целью сохранения награбленного, положения в обществе и государстве, достигая этого даже ценой предательства. Поэтому нужно держать элиту в ежовых рукавицах, периодически устраивать демонстративные суды коррумпированным её представителям, а при вопиющих случаях и расстреливать, как в Китае. У фашистской Германии не было шпионов в высших эшелонах власти СССР, поскольку чистка рядов элиты была такой, что создание шпионской сети оказывалось нереальным.

Была ли связана декоммунизация с распадом единого государства? Существовала ли возможность обновления Союза на иной идеологической основе?

С. А. О.: В СССР власть принадлежала Советам разных уровней, но стержнем государства являлась компартия Советского Союза. Её руководящая роль была закреплена в 6-й статье Конституции СССР: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу». Противники СССР понимали, что при делигитимизации положения КПСС, государство рухнет. Так и случилось в итоге, поскольку вся общественно-политическая, хозяйственная, финансово-экономическая жизнь замыкалась на компартии. Без её резолюций не выполнялось ничего – от построения космических кораблей до решения бытовых вопросов.

Несмотря на многочисленные и существенные отклонения в процессе практической реализации социалистических ценностей, они явились действительно работающими социальными стандартами в измерениях практики и планов органов советской власти. Социализм как система общественного и государственного устройства даже в крайне неблагоприятных условиях показал себя наиболее эффективной моделью жизнеобеспечения нации, её выживания в экстремальных исторических условиях. Опыт Китая демонстрирует и доказывает, что преобразования в рамках социализма возможны. Китайская элита оказалась более нацеленной на собственный народ и страну, чем элита позднего СССР. Китайцы чётко обозначили цель, усилили механизмы и инструменты (включая карательный аппарат) для достижения цели, проявляли волю к победе. Всего этого не хватило у партийной элиты СССР.

Существуют ли перспективы ресоветизации: восстановление СССР и реализация модели социалистической государственности на постсоветском пространстве?

С. А. О.: В перспективе ресоветизация на постсоветском пространстве возможна при следующих исторических обстоятельствах:

- а) всемирный кризис капитализма и глобализма;
- б) разочарование от фундаментального ислама.

Два эти противоборствующие процесса препятствуют всестороннему развитию человека. Капитализм – это благополучная жизнь только для богатых и за счёт бедных, за счёт неразвитых стран. Исламисты против любого вида развития как такового, за сохранение нормативов патриархального общества. Только советский проект позволял всем слоям общества получить равные возможности для полноценного развития. Без СССР картина мира до и после него была и есть разительно иной, отличаясь, безусловно, в худшую сторону. История знает, какими средствами, с какой сверхзвериной жестокостью велись и ведутся колониальные войны. Особенно жестоко ведутся они против безоружных и беззащитных. И поэтому разочарованные от капитализма и исламистского экстремизма народы могут вернуться к советскому проекту как спасательному ковчегу.

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России МГОУ; в 1991 г. – студент заочного отделения исторического факультета Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской, учитель истории.

Благодарности. При поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. № проекта 21-09-43005 «Методология исследования причин распада СССР»

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 21-09-43005 “The causes of the USSR collapse. Research methodology”

Была ли исторически предопределена гибель СССР? Имел ли Советский Союз возможность преодоления кризиса конца 1980-х – начала 1990-х гг.?

М. Д. В.: Прежде всего, разделим эти два вопроса как имеющие разную смысловую нагрузку. Кризис может быть преодолен, может затянуться, но отнюдь не привести к распаду государства. Распад государства вовсе необязательно имеет те же основания, что и кризис: что порождает кризис, необязательно ведёт к распаду, и наоборот. Государство может длительное время пребывать в кризисе и не распасться. Кризис – нормальное явление в развитии государства (нормальное не значит приятное для его граждан), распад – отклонение от норм.

Поэтому начну с первого вопроса о предопределённости распада СССР. Вопрос этот дискутируется все годы после распада и будет дискутироваться бесконечно, т. к. ответ на него в рамках научного подхода невозможен, а существующие ответы производны лишь от субъективных пристрастий. Всё, что мы слышим на этот счет – или публицистика, или научно-образная аргументация.

Кратко поясню. Предопределённость какого-то события означает, что при наличии предпосылок 1, 2, 3...n событие X не может не произойти. Следовательно, для обоснования того, что распад СССР не был предопределён, необходимо доказать, что при наличии указанных предпосылок событие X могло не произойти, т. е. СССР сохранился бы. Однако любые аргументы такого рода будут связаны с вариантом, не осуществившимся в истории, а потому неизбежно будут носить умозрительный характер. Популярное некогда изучение исторических альтернатив по этой при-

чине уже давно не вызывает серьёзного интереса.

Можно ли поставить вопрос по-другому – о закономерности распада СССР? В этом случае подстерегают другие проблемы методологического порядка. Для выявления закономерности явно недостаточно одного события – распада СССР. Даже если добавить Югославию и Чехословакию, то количество изучаемых фактов возрастёт ненамного. К тому же эти государства были созданы ещё до того, как перешли к социализму. Распад Чехословакии произошёл не сразу после антикоммунистической «бархатной» революции. Максимум, что можно аргументированно утверждать в такой исследовательской ситуации, это констатировать тенденцию возможного распада государства схожего с СССР типа в условиях либерализации режима.

Что же остаётся в таком случае исторической науке? Находясь в её рамках, мы можем утверждать, что при наличии окончательно сложившихся и впервые возникших в годы перестройки условий и факторов распад СССР не был случайным, он имеет свои объективные и субъективные, внутренние и внешние причины. С учётом того, что в крупных исторических процессах (к каковым, безусловно, относится распад СССР) задействована динамичная комбинация всевозможных факторов, мы не можем знать точно, могло бы предотвратить распад СССР изъятие из этой комбинации какого-либо фактора, его изменение или появление других факторов. Самое слабое звено, на мой взгляд, в изучении процесса распада Советского Союза в наши дни – это вопросы методологии исследования, чему будет посвящена монография авторского коллектива под моим руководством, работающая в рамках проекта РФФИ.

Что касается вопроса о возможности преодоления кризиса в СССР, то такие возможности, конечно, были. Проблема опять же в том, что проверить послед-

ствия их реализации невозможно. Возьмём для иллюстрации указание на одну из самых радикальных возможностей – если бы Горбачёв по каким-то причинам не начинал никакой перестройки вообще (об этом часто приходится слышать). Такой вариант, однако, исходит из незыблемости всех остальных факторов, влияющих на процесс, а это нереалистично. Поэтому, с т. зр. исторической науки, продуктивным представляется подход, нацеленный на выявление причин, по которым та или иная возможность не осуществилась.

Каковы, с Вашей точки зрения, важнейшие факторы, приведшие к гибели СССР?

М. Д. В.: Постановка вопроса о важнейших факторах предполагает наличие критериев этой важности. Этот вопрос на сегодняшний день также не отработан. Такие факторы в литературе называются, но основания их выделения, как правило, не обосновываются. Учитывая, что это требует объёмных рассуждений, ограничимся здесь лишь кратким упоминанием таких критериев, более подробный анализ также предполагается представить в исследовании в рамках упомянутого проекта РФФИ.

Выявление значимости факторов предполагает определённую шкалу, на основе которой возможно «измерение веса» каждого фактора. Применительно к распаду СССР значение должны иметь те факторы, которые укрепляют / ослабляют государство. Такими факторами в СССР традиционно являлись власть КПСС с опорой на силовые структуры и официальную идеологию, разрушение которых стало одним из ключевых (если не главным) факторов краха СССР.

Далее, значимость факторов – категория преходящая, со временем одни факторы могут уступать место другим по своей значимости. В этом смысле, к примеру, в 1989–1990 гг. ключевую роль

играл фактор краха институтов союзной власти, а в 1991 г., особенно после августовских событий, эта роль перешла к фактору суверенизации союзных и автономных республик. Конечно, такой учёт динамики значимости разных факторов заметно усложняет исследователям их работу. Поэтому гораздо чаще приходится наблюдать стремление указать факторы, действующие неизменно на всём протяжении изучаемого процесса.

Значимость факторов относительна. Факторы, имеющие значение в рамках одного процесса, могут быть несущественными в рамках другого или могут менять его направленность. Так, фактор краха КПСС имеет однозначно негативную направленность в контексте целостности СССР, но позитивную направленность в рамках процесса демократизации советской политической системы.

С какого исторического периода можно, с Вашей точки зрения, фиксировать тенденцию упадка советского проекта, приведшего в итоге к гибели СССР?

М. Д. В.: Представляется уместным говорить не о какой-то одной временной точке, за которой следует упадок советского проекта. Учитывая, что советский проект – явление собирательное, логично будет выделять для каждого из его ключевых составных элементов своё время начала деградации. Ведь даже на эмпирическом уровне очевидно, что все эти элементы не пришли в упадок одновременно.

Начало деградации теории коммунистического строительства можно отнести к хрущёвским временам – сам Н. С. Хрущёв и последующие советские вожди и их теоретики так и не смогли выработать сколько-нибудь научного представления о возглавляемом ими обществе (М. С. Горбачёв попытался стать исключением, но безуспешно). Экономические трудности стали нарастать в брежневский период. Тогда же в СССР началось формирование общества потребления

и отход всё большего числа граждан от идеалов коммунизма. Кризис власти пришёлся на горбачёвский период. А некоторые противоречия в межнациональных отношениях были заложены ещё в момент создания СССР (из чего, подчеркну особо, совершенно не вытекает вывод о неизбежности распада СССР, как считают некоторые).

Постепенное накопление трудностей и противоречий сошлось в одной точке – горбачёвской перестройке, что и определило распад государства.

Почему КПСС, насчитывающая к концу 1980-х гг. в своих рядах более 19 миллионов членов, не организовала действенного политического противодействия процессу декоммунизации?

М. Д. В.: Здесь целый «букет» объяснений, основанных на изучении мной обширного фактического материала на этот счёт. Причины следующие.

Это слепая, укоренённая партийной традицией вера в генсека, в его правоту даже тогда, когда стало совершенно очевидно, что он завёл партию и страну «не туда». Удивительно, что многие опытные представители партноменклатуры полагали, что это именно они, а не Горбачёв чего-то «не понимают». Генсеку виднее, генсек ошибаться не может. Прозрение запоздало.

Конечно, это личностный фактор Горбачёва. В силу целого ряда своих качеств генсек-президент создавал такую обстановку вокруг себя, когда возможность принятия альтернативных решений оказалась практически невозможной – Горбачёв твердо стоял на своём, уходя при этом в тень в критических ситуациях.

Далее, это неудачные попытки реформировать КПСС в годы перестройки по образцу обычной партии, каковой КПСС никогда не являлась и создавалась отнюдь не для парламентской борьбы. Стремление «перестройщиков» сделать КПСС «нормальной» партией привело к

тому, что партноменклатура на местах и частично в самом центре просто перестала понимать, чего от неё хотят.

Ещё причина – неспособность партноменклатуры на решительные действия. Отбор в её ряды проводился по такой системе, которая заметно затрудняла проникновение в партийную элиту людей, способных брать на себя ответственность и инициативу. Даже самые, казалось бы, непокорные, вроде Е. К. Лигачёва, не осмеливались нарушить мантру святости партийной дисциплины. Факты свидетельствуют, что ни одна из многих попыток смещения Горбачёва с поста генсека не была доведена до осуществления именно по этой причине.

Эта причина не нуждается в комментариях – отрыв партийной элиты от основной части рядовых коммунистов. Не случайно, что именно в кознях «коммуняк» многие граждане усматривали в годы перестройки причины всех трудностей.

Очень интересная и далеко не последняя по значимости причина – КПСС фактически сама организовала оппозицию себе. В нарушение всех законов функционирования политической власти компартия разными способами добровольно рыла себе могилу, в т. ч. создавая в компартиях союзных республик сепаратистскую националистическую оппозицию.

С этой причиной отчасти связана другая – КПСС в последние годы существования фактически уже не была единой партией; раскол был очевиден даже на уровне высшего руководства. Но поскольку партия так до конца и не оформила этот раскол, рядовые коммунисты были дезориентированы в том, на какую группировку равняться. Массовое бегство из рядов КПСС, скорее, стало следствием перечисленных и других причин. Декоммунизация происходила и на уровне массового сознания.

Наконец, общее ухудшение условий жизни населения как фон, на котором разворачивалась политика КПСС.

Связана ли гибель СССР с поражением в холодной войне? Выскажите своё отношение к теории «предательства элит».

М. Д. В.: Я бы предпочёл говорить не о холодной войне, об итогах которой идут отдельные дискуссии, а о внешних факторах в целом. Сегодня никто не отрицает значения этих факторов в распаде СССР. Внешние факторы – это не только противоборство сторон в холодной войне, но это, например, массовая идеализация советским населением западного образа жизни, ориентация на западные потребительские стандарты, образ жизни, политические институты и т. д.

Интересная, но предельно идеологизированная тема – т. н. агенты влияния Запада в СССР. Это тоже внешний фактор в единстве с внутренними проблемами, и его ещё надо изучать без эмоций.

Внешний фактор – это и вопрос о связях советской антикоммунистической оппозиции с всевозможными западными структурами. Подчёркивая эту связь, некоторые исследователи не могут фактически доказать её подлинное влияние на изучаемый процесс.

Надо сказать и о таком важном моменте, как западная финансовая помощь Советскому Союзу в годы перестройки, с недостаточностью которой также связывается усиление советского кризиса.

Всё это ещё требует своего непредвзятого анализа. Этой объективности в наше время особенно мешает устоявшееся мнение, что Запад поголовно стремился к распаду СССР. Отсюда и расхожее мнение о поражении СССР в холодной войне, очень мощно поддерживающее идеи реваншизма (из истории известно к чему они приводили). Источники свидетельствуют, что на Западе наряду с теми, кто действительно стремился к распаду СССР, были и те влиятельные политики, которые считали такой исход опасным для своих национальных интересов. С этим ещё также надо разбираться.

И последнее замечание по вопросу. Внешний фактор играл лишь вспомогательную роль в распаде СССР по отношению к упомянутым внутренним факторам. Практически все внешние факторы, способствующие дезинтеграции СССР, были известны и до перестройки. Но только с приходом Горбачёва и его команды и со складыванием упомянутых внутренних факторов распад СССР стал реальностью.

Была ли связана декоммунизация с распадом единого государства? Существовала ли возможность обновления Союза на иной идеологической основе?

М. Д. В.: Декоммунизация не только была связана с распадом СССР, но и явилась одной из главнейших его причин, что следует из сказанного мной выше.

Про упущенные возможности также было сказано выше. Нельзя исключать и возможность обновления Союза на иной идеологической основе. Одним из механизмов реализации такой возможности в историографии называют замену Горбачёва Ельциным на посту главы СССР. Есть основания полагать, что некое подобие Советского Союза в этом случае сохранилось бы на базе капиталистической, рыночной идеологии. Но здесь важно понять, почему эта и другие гипотетические возможности не осуществились.

Сомнительны попытки притянуть к этому сюжету вероятность развития СССР по т. н. «китайскому пути». Сторонники такой внешне привлекательной идеи игнорируют несходство советского и китайского обществ по многим основаниям.

Судя по всему, за другими возможными альтернативами развития СССР не оказалось прочной социальной базы.

Существуют ли перспективы рессоретизации: восстановление СССР и реализация модели социалистической государственности на постсоветском пространстве?

М. Д. В.: Смотря что понимать под ресоветизацией. Возрождение СССР как государства в прежнем варианте едва ли возможно. Во многом остальном ресоветизация идёт все 30 лет после распада СССР.

Прежде всего, как показало моё исследование о трансформации советского человека, никуда не делся сам объект этого исследования, т. е. советский человек. Интересно то, что элементы «советскости» сегодня можно обнаружить не только у людей старшего поколения, что вполне естественно, но и у молодёжи, знающей об СССР, что называется, по рассказам. В сознании современного российского общества немало упомянутых элементов – патернализм, недоверие к бизнесу и рынку в целом, стремление к социальной справедливости, ностальгия по достижениям СССР и многое другое. В этом смысле хотя бы частичная реставрация социалистических отношений трагедией для массового сознания не станет. Сознание россиянина очень эластично, после революционных (контрреволюционных) процессов конца прошлого века в нашем обществе можно найти не так много людей с твёрдыми убеждениями. А это значит, что при возможной очередной серьёзной смене курса наш человек, скорее всего, сможет адаптироваться к новым обстоятельствам. С тем, чтобы впоследствии, конечно, проклинать эти новые обстоятельства и вспоминать о замечательной жизни в условиях либеральной демократии точно так же, как сейчас многие с удовольствием вспоминают о своей жизни в СССР.

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права МГОУ, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова; в 1991 г. – студент исторического факультета МОПИ имени Н. К. Крупской.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43023.

Acknowledgments. The research was funded by RFBR, project number 21-09-43023.

Была ли исторически предопределена гибель СССР? Имел ли Советский Союз возможность преодоления кризиса конца 1980-х – начала 1990-х годов?

Б. В.Э.: Все произошедшее в истории предопределено всей совокупностью исторических факторов, включая проявление сознания и воли каждого индивидуума. Другое дело – вопрос о жизнеспособности системы социализма, которая была построена в Советском Союзе.

В статье «Почему социализм» Альберт Эйнштейн, сравнивая капиталистическую и социалистическую модели, именно второй отдавал предпочтение. Капитализм в своей сущности является системой, ориентированной на получение прибыли, в силу чего все институты капиталистического общества работают на частные интересы, а не на социум в целом. В случае столкновения социалистической и капиталистической моделей при всех равных составляющих побеждает социализм. При сравнении фактически по любому параметру общественного устройства социализм обнаруживает преимущества перед капитализмом. Социализм исторически приходил на смену капитализму, являясь, соответственно, более высокой ступенькой общественного развития.

Социализм был не просто конкурентом капитализму, а конкурентом эволюционным, имевший все шансы на победу. Грозивший Западу Н. С. Хрущёв («мы вас похороним») не просто грозил и бранился, а заявлял через брань представление об исторической смене капитализма социализмом. В этом смысле реставрация капитализма в постсоветской России являлась шагом назад. Соответственно, с позиций мирового исторического процесса гибель СССР не только не была предопределена, но, напротив, вступала в противоречие с общим направлением мирового развития.

После обрушения системы международного социализма во главе с СССР подверглась ревизии и формационная схема исторического процесса. Социализм стал трактоваться не как более высокая стадия исторического развития, а как девиация в фазе модернизации. Однако проходят годы, и сегодня кризис капитализма, нахождение мира в тупике является общей темой мирового общественного дискурса. Об исчерпанности модели капитализма и продуцируемой ей угрозах для человечества заявляется в настоящее время даже на уровне Римского клуба.

Преимущества социализма перед капитализмом очевидны при сравнении «чистых моделей». Но таковых в реальной истории не бывает. Любая общественная система содержит в себе компоненты разных моделей. Её характеристика, соответственно, должна выстраиваться на понимании доминант и вектора развития. На этапе векторальной направленности к идеалам и ценностям социализма советский проект находился на восходящей фазе. Системный кризис в СССР случился уже на другом этапе, когда произошло отступление от этих ценностей и идеалов. Таким образом, кризис был порождён не социалистической системой, а её ревизией.

Буржуазные компоненты в СССР, не только социальные, но и, прежде всего, культурные, психологические, никогда не были сведены к нулю. О том, что борьба с мелкобуржуазным сознанием в России является более трудной задачей, чем даже взятие и удержание власти, рассуждал ещё В. И. Ленин. С определённого исторического момента эти буржуазные компоненты стали усиливаться. В соответствии с логикой такого усиления со временем встал и вопрос о власти, который и был разрешён в результате событий 1991–1993 гг.

Без всякого сомнения, СССР мог преодолеть кризис. Но для его преодоления надо было действовать в прямой проти-

воположности тому, что делалось. Для преодоления кризиса следовало устранить причины, его порождающие. А эти причины состояли в иносистемных примесях в социализм. Однако их, напротив, поддерживали, «давали зелёный свет» процессам, вступавшим в противоречие с модельными доминантами.

Каковы, с Вашей точки зрения, важнейшие факторы, приведшие к гибели СССР?

Б. В.Э.: СССР не проигрывал США гонки вооружений. Совокупная военная мощь ОВД, по-видимому, даже превосходила мощь НАТО. Не проигрывал Советский Союз и экономической гонки. Темпы роста экономики в позднесоветский период замедлились, но находились на уровне темпов роста в ведущих капиталистических странах, за исключением Японии. Маргарет Тэтчер признавалась, что СССР при его плановой экономике имел все возможности вытеснения западных стран с мировых рынков. Финансовый обвал в США 1987 г. показал, что Советский Союз имел шансы оказаться и победителем в экономической гонке, но не воспользовался ими должным образом.

Национальные отношения в СССР выражались доминантной установкой дружбы народов. Общность советского народа являлась реальностью и выдающимся результатом советской национальной политики. Межнациональные конфликты будут разожжены уже в перестроечные годы, и факт провокации при их возникновении прослеживается достаточно определённо.

Таким образом, вопреки современным учебно-историографическим стереотипам факторы гибели СССР не были программно заложены в советской системе. Они обнаруживаются, прежде всего, в сферах политики и идеологии.

Используемое сегодня как устоявшееся понятие «распад СССР» не впол-

не точно отражает суть произошедшего. Советский Союз не распался в силу внутренних причин, а был политически убит. Концепция «предательства элит» как фактора гибели СССР на настоящее время уже имеет достаточную историографию. И несмотря на то, что она соотносится с оценками Президента, в школьных учебниках по-прежнему даётся версия о системной обречённости Советского Союза.

Но фиксация предательства элит порождает другой вопрос: как могло случиться, что на седьмом десятилетии после Октябрьской революции на уровне высшего партийного руководства оказались противники советского проекта? Ответом на него является другая фиксация – ценностной и мировоззренческой подмены.

Аксиологическим фактором гибели СССР являлась тенденция латентного буржуазного перерождения. Ленин предупреждал об особых сложностях построения социализма в мелкобуржуазной стране. И дело здесь не сводилось к сопротивлению со стороны кулачества. Движению по направлению к нравственным идеалам препятствовало мелкобуржуазное сознание, выражаемое психологией хозяйчика. Это сознание было прекрасно раскрыто Максимом Горьким в образе крестьянина Гаврилы из рассказа «Челкаш». В позднесоветский период установки мелкобуржуазной психологии выражались триадой признаков комфортной жизни – «дача, тачка и собачка». Мелкобуржуазное сознание породило, с одной стороны, антисоветчиков, с другой – конформистов. И когда антисоветчики демонтировали советский строй, конформистское большинство пассивно взирало на осуществляемый демонтаж.

Но и ответ о буржуазном перерождении части партии не исчерпывает всех «почему». Почему же высокие идеалы по мере развёртки советского проекта девальвировались, а материальные интересы и стремление к комфорту стало

преобладающей установкой? Фундаментальная основа этих тенденций видится в секуляризме, мировоззренческом отказе от перспективы вечной жизни. Конфликт с религией явился трагической ошибкой советского руководства. В действительности же альянс коммунизма и христианства был потенциально возможен. О такой возможности писал В. И. Ленин в работе «Социализм и религия», указывая, что противником социал-демократии является не религия, а капитализм, и Церковь в той мере может выступать союзником или противником, в какой она принимает или отвергает капиталистическую систему. При Сталине во время Великой Отечественной войны альянс большевиков с Православной Церковью стал исторической реальностью. Перечёркнут он оказался уже в хрущёвские годы, ставшие фазой надлома в истории советского проекта.

С какого исторического периода можно, с Вашей точки зрения, фиксировать тенденцию упадка советского проекта, приведшего в итоге к гибели СССР?

Б. В. Э.: Исторический надлом в развёртке советского проекта пришелся на хрущёвский период. И дело здесь было не в провале ряда инициатив Хрущёва, как, например, затеи с совнархозами и ликвидацией министерств. Потенциалы системы были таковы, что она способна была вынести даже ошибки такого масштаба. Более болезненные последствия имела хрущёвская десталинизация. И вопрос не в том, что нельзя было критиковать Сталина. Через десталинизацию закладывались сомнения в правильности взятого курса, десакрализировывались базовые принципы проекта. СССР в глазах представителей мирового коммунистического движения утрачивал роль безусловно-морального лидера.

Именно в хрущёвские годы ориентир строительства нового человека стал постепенно замещаться ориентиром мел-

кобуржуазной комфортности. Рубежной датой в этом отношении можно считать 1961 г., когда была принята новая Программа КПСС, провозгласившая в качестве цели максимальное удовлетворение потребностей граждан. Далее реформирование советской системы мыслилось уже в парадигме большей или меньшей инкорпорации в социализм рыночных отношений.

Но этот надлом ещё не означал провала советского проекта. Существовали ещё возможности все исправить. Для этого следовало, прежде всего, дать идеологические ответы на новые вызовы времени. Горбачёв в принципе и дал эти ответы, но уже вне коммунистической платформы.

Непосредственным же началом демонтажа советской системы можно назвать массовую журнальную кампанию 1987 г. критики прежнего опыта строительства социализма. Проведённая операция в идеологическом отношении может быть выражена планом А. Н. Яковлева: вначале ударить авторитетом Ленина по Сталину, затем Марксом и Плехановым по Ленину, а потом уже с позиций либерализма низвергнуть всю марксистскую теорию и идеологию коммунизма.

Почему КПСС, насчитывающая к концу 1980-х годов в своих рядах более 19 миллионов членов, не организовала действенного политического противодействия процессу декоммунизации?

Б. В.Э.: КПСС и ВЛКСМ к концу своего существования уже не являлись тем средоточием пассионариев, каковыми были эти организации на восходящей фазе советского проекта. В партию многие вступали не по убеждениям, а карьерным соображениям. Из комсомольских активистов, следует напомнить, вышли будущие лидеры приватизации. Партия перестала быть «орденом меченосцев» и была не готова к какой-либо борьбе и мобилизации. Фактически повторилась

история с монархическими организациями – самыми массовыми партийными структурами в преддверии Февральской революции, но никаким образом не проявившими себя в политической борьбе 1917 г., не выступившими в решающий момент в защиту монархии.

Но не только одним конформизмом объяснима пассивность 19 миллионов коммунистов. Парализовала сопротивление коммунистов, как это ни парадоксально, партийная дисциплина. Демонтаж СССР возглавляло руководство самой партии, и привыкшая к партийной дисциплине КПСС оказалась фактически блокирована. И вновь можно обратиться к признаниям А. Н. Яковлева – борьбе с партией с помощью структур самой партии, партийной организации.

Связана ли гибель СССР с поражением в холодной войне? Выскажите своё отношение к теории «предательства элит».

Б. В.Э.: Завершение холодной войны принято трактовать в российской учебной литературе как целевой отказ противостоящих друг другу сторон от взаимной конфронтации. М. С. Горбачёв использовал для определения этого курса понятие «новое мышление». В действительности отказ от конфронтации был односторонним. Односторонний отказ от борьбы, когда противник борьбу продолжает, является поражением. Не случайно в США вручают медали за победу в холодной войне. О том, что Соединённые Штаты победили, высказались все без исключения американские президенты, начиная с Дж. Буша-старшего. Как говорил Б. Обама, они выиграли войну, ни разу не выстрелив в советских солдат. Победа была достигнута посредством новых несиловых технологий, что отражало реалии эволюции моделей войны.

Сообразно с терминологией Дж. Уордена, это войны «изнутри наружу». При войнах такого типа особо возрастает роль пятой колонны и идейных симпатизантов

противника. И было бы наивно считать, что пятой колонны в СССР не существовало. Была и пятая колонна, и идейные западники, и сторонники идеи вхождения в мировой рынок. Имело место как прямое предательство, так и идейное пособничество врагу. И, вероятно, настало время обнародовать персоналии представителей пятой колонны, среди которых, вероятно, окажутся известные фигуры.

Важно, осмысляя произошедшее 30 лет назад, уточнить сущность и хронологические рамки того, что определяется понятием «холодная война». Вошедшее в оборот с подачи Дж. Оруэлла, это понятие не есть строгая научная дефиниция, а художественная метафора. Если понимать под холодной войной межгосударственную борьбу, не переходящую в фазу прямого вооруженного столкновения, то такая война со стороны никогда и не заканчивалась. Другое дело, что у позднесоветского и постсоветского российского руководства были иллюзии о её завершенности и исчерпанности. Такие заблуждения принципиально облегчали для противника реализацию его стратегических планов. Сегодня эти иллюзии развеяны. Новая конфронтация может быть охарактеризована в качестве холодной войны 2.0, но более правильно рассматривать её продолжением исторически воспроизводимой межцивилизационной холодной войны Россия–Запад.

Была ли связана декоммунизация с распадом единого государства? Существовала ли возможность обновления Союза на иной идеологической основе?

Б. В.Э.: Коммунистические идеалы и ценности, как это ни парадоксально прозвучит, составляли аксиологический фундамент России задолго до К. Маркса. Н. А. Бердяев писал о русском коммунизме, полагая его синонимичным русской идее. Коммунистические ценности лежали в основе феномена русской общины. Идеалы соборного бытия были фак-

тически коммунистическими идеалами. Марксизм лёг в России на благодатную цивилизационную почву. Русская революция соединила народный коммунизм с коммунизмом научным. И если речь применительно к России идёт не просто об одной из идеологий, а о цивилизационном фундаменте, то обновления СССР на какой-то иной идеологической платформе было невозможно. Неслучайно декоммунизация переросла в десоветизацию и вызвала обвал государственности. Непосредственным подрывом системы, после которой пошёл обвал государственности, стала отмена ст. 6 Конституции СССР. Не случайно именно она оказалась в фокусе борьбы сил оппозиции.

Политологи говорят, как известно, о трёх классических идеологиях: социалистической/коммунистической, либеральной и националистической/фашистской. Переформатирование Союза на основе либерализма или национализма не имело никакой перспективы. Либеральная рецептура в России оборачивалась всякий раз хаосом. Национализм в многоэтнической стране и вовсе бы означал вступление в фазу непрерывных войн и вероятного геноцида. Таким образом, Союз мог быть только союзом социалистических республик, и в любом другом виде был нефункционален.

Существуют ли перспективы ресоветизации: восстановление СССР и реализация модели социалистической государственности на постсоветском пространстве?

Б. В.Э.: По доминантным воззрениям, ценностям, менталитету российское население и население ряда постсоветских республик (хотя и не всех) остаётся советским. Существовало представление, что уйдут поколения, ностальгирующие по СССР, и советские симпатии окажутся сведены к минимуму. Но с гибели СССР минуло три десятилетия, сменилось несколько генераций, а советские симпатии

сохранились. Более того, у молодёжи, как показывают социологические опросы, они оказываются даже более очевидно выражены, чем у представителей среднего возраста.

Но, вместе с тем, понятно, что ценностной ориентированности народа для воссоздания некоего современного ана-

лога СССР недостаточно. Для его воссоздания нужно, как минимум, наличие соответствующего политического актора, обладающего политической волей и артикулирующего неосоветский политический проект.

Дата поступления в редакцию 12.07.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабури́н Серге́й Николаевич – доктор юридических наук, профессор, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН;
e-mail: 1357343@mail.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан истории, политологии и права Московского государственного областного университета, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: vardanb@mail.ru

Ивашов Леонид Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, генерал-полковник, президент Академии геополитических проблем;
e-mail: geoanaliz@mail.ru

Катасонов Валентин Юрьевич – доктор экономических наук, профессор, председатель Русского экономического общества имени С. Ф. Шарапова;
e-mail: info@reosh.ru

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Реснянский Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета, профессор кафедры истории России Российского университета Дружбы народов;
e-mail: s-r44@yandex.ru

Степанян Араик Оганесович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета, первый вице-президент Академии геополитических проблем;
e-mail: academiagr@yandex.ru

Сулакишин Степан Степанович – доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра научной политической мысли и идеологии
e-mail: sulakshin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Baburin – Dr. Sci. (Law), Prof., Scientific Director, Center for Integration and Civilization Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: 1357343@mail.ru

Vardan E. Baghdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of History, Political Science and Law, Moscow Region State University, Moscow State University named after M. V. Lomonosov;
e-mail: vardanb@mail.ru

Leonid G. Ivashov – Dr. Sci. (History), Prof., Colonel General, President, Academy of Geopolitical Problems;
e-mail: geoanaliz@mail.ru

Valentin Yu. Katasonov – Dr. Sci. (Economy), Prof., Chairman of the Russian Economic Society named after S. F. Sharapov;
e-mail: info@reosh.ru

Dmitry V. Maslov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Recent History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Sergey I. Resnyansky – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University, Department of Russian History, Peoples' Friendship University;
e-mail: s-r44@yandex.ru

Araik O. Stepanyan – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Russian History of the Middle Ages and the New Age, Moscow Region State University, First Vice President, Academy of Geopolitical Problems;
e-mail: academiagp@yandex.ru

Stepan S. Sulakshin – Dr. Sci. (Phys.-Math.), Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., General Director, Center for Scientific Political Thought and Ideology;
e-mail: sulakshin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гибель СССР: факторные основания цивилизационной катастрофы. К 30-летию трагических событий распада Союза Советских Социалистических Республик / Бабурин С. Н., Багдасарян В. Э., Ивашов Л. Г., Катасонов В. Ю., Маслов Д. В., Реснянский С. И., Степанян А. О., Сулакшин С. С. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 6–41.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-6-41

FOR CITATION

Baburin S. N., Baghdasaryan V. E., Ivashov L. G., Katasonov V. Yu., Maslov D. V., Resnyansky S. I., Stepanyan A. O., Sulakshin S. S. Death of the USSR: Factorial Foundations of a Civilizational Catastrophe. On the 30th anniversary of the tragic events of the collapse of the Union of Soviet Socialist Republics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 6–41.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-6-41

КРУГЛЫЙ СТОЛ

УДК 159.922 : 94(470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-42-77

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Смоленский Н. И., Маслов Д. В., Багдасарян В. Э., Журавлёв С. В., Яснитский Н. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Институт российской истории РАН

117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация

Аннотация

Цель. В ходе кругло стола рассмотрены проблемы исторического сознания в современной России.

Процедуры и методы. В рамках дискуссии освещались вопросы начала постановки проблемы исторического сознания, движущих сил формирования исторического сознания, соотношения научного исторического знания и исторического сознания в настоящее время.

Результаты. Дана трактовка исторического сознания как связи времени – прошлого, настоящего и будущего – в сознании индивида и общества в целом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Итоги круглого стола могут способствовать формированию варианта исторического сознания по условиям и признакам текущего времени.

Ключевые слова: историческое сознание, исторические инициативы, научное историческое знание, методология, методы исторического исследования

THE PROBLEM OF THE FORMATION OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN MODERN RUSSIA

N. Smolensky, D. Maslov, V. Bagdasaryan, S. Zhuravlev, N. Yasnitsky

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

19 Dmitry Ulyanov ul., Moscow 117292, Russian Federation

Abstract

Aim. The subject of the round table discussion was the analysis of historical consciousness in modern Russia.

Methodology. At the round table the time when the problem of historical consciousness started to be formulated, the driving forces of the historical consciousness formation, the relationship between scientific historical knowledge and historical consciousness at the present time were discussed.

Results. The concept of historical consciousness as time – the past, the present and the future – continuity in individual and public mind was worked out.

Research implications. The discussion contributes to the study of the urgent problem - formation in Russian reality of a variant of historical consciousness corresponding to the conditions and characteristics of this time.

Keywords: historical consciousness, historical initiatives, scientific historical knowledge, methodology, methods of historical research

Н. И. Смоленский

Вступительное слово

Историческое сознание – важная проблема исторического познания, но это, прежде всего, значимая проблема каждого общества в период его развития. Взаимосвязь исторического познания и исторического сознания не отвергает того различия между ними, согласно которому историческое познание всегда есть удел сравнительно небольшой прослойки общества – профессиональных историков, тогда как носителями и в известной степени творцами исторического сознания всегда являются миллионы членов любого общества, зависящих в своих взглядах от результатов исследовательской работы историков, и не только, что является также признаком своеобразия исторического сознания и его отличия от других форм общественного сознания – правового, нравственного и других [24]. Историческое сознание – форма разновидности знания обществом своего прошлого и современности, что не является, однако, результатом каких-либо исследований в области исторического познания относительно источников исторического сознания, проблемы, требующей отдельной самостоятельной трактовки. Представления, складывающиеся в области собственно исторического знания, в любом случае, не являются единственным источником формирования исторического сознания. Анализ проблемы источников формирования исторического сознания – одна из проблем, которая обсуждалась на данном круглом столе.

Источником формирования и сутью исторического сознания в данном слу-

чае признаётся связь времен – прошлого, настоящего и будущего. Необходимость опоры на эту связь определяется общественной природой человека, физической невозможностью его бытия в одном временном измерении. Отличительное свойство человека – в наличии сознательной памяти, содержащей в единстве его прошлое, настоящее и его планы, надежды на будущее: земное бытие человека не протекает в каком-то одном временном измерении из трёх названных модальностей. Речь идёт не об индивидуальной памяти человека, а о коллективной памяти народа, элементом которой является историческое сознание. Образ прошлого в массовом историческом сознании в любом случае не может не отличаться по форме, но также и по содержанию от образа, создаваемого историком-профессионалом, но из массового сознания нельзя изъять требование достоверности, правдивости, адекватности внедряемых в него сведений о прошлом. В противном случае речь идёт о манипуляциях с историческим сознанием, его мифологизации. Конечная цель этих манипуляций – сделать историческое сознание разорванным, клочкообразным, сделать так, чтобы события было невозможно понять, проследить, т. е. разорвать связь времён.

Изложенные представления о природе исторического сознания являются в данном случае основой трактовки участниками круглого стола проблем исторического сознания в современной России. К числу этих проблем относятся:

1. что было началом (по времени и по содержанию) критического пересмотра

советского варианта исторического сознания;

2. роль государства и представлений власти М. С. Горбачёва, А. Н. Яковлева и др.;

3. итоги критики советского времени в период «перестройки».

Постановку и критический научно-обоснованный анализ названных и ряда других проблем дал в своём выступлении д. и. н. Д. В. Маслов.

Проблема исторического сознания и истории современной России дана в выступлении д. и. н., проф. В. Э. Багдасаряна. Он рассматривает ряд проблем исторического сознания современной России на основе сравнительного анализа содержания школьных учебников и исторического сознания российского общества постсоветского времени. Результат этого анализа имеет чрезвычайно важное (без преувеличения) научное значение – если ставить вопрос о его реализации и добиться этого.

Проблема сохранения исторической памяти и популяризации прошлого, т. е. проблема исторического сознания, сформулирована в выступлении д. и. н., проф. С. В. Журавлёва. Средством реализации этой проблемы как реальности 20–40 гг. XX в. в СССР были многочисленные публикации по истории различных промышленных предприятий страны. Авторами этих публикаций стали представители рабочего класса наряду с профессиональными литераторами и историками. Бригады рабочих занимались сбором материала в архивах о деятельности различных фабрик и заводов страны, создавались заводские редакции, что стало опытом «массового редактирования». С середины 1930-х гг. в условиях нарастания политизации жизни появился спад в работе по истории фабрик и заводов.

Заключительной частью круглого стола является выступление к. и. н., проф. Н. А. Яснитского. о становлении проблемы исторического сознания в научном варианте её постановки просветителями. Это актуально в связи с проблемой фор-

мирования первоначального варианта исторического сознания.

Журавлёв С. В.

Исторические инициативы 1920–1940-х гг. и их современное прочтение

В современных условиях, когда приобретают особую актуальность вопросы сохранения исторической памяти и популяризации прошлого, имеет смысл приоткрыться к уникальному и во многом поучительному отечественному опыту исторических инициатив 1920–1940-х гг. Тем более, ничего подобного по характеру и масштабу не было ни до, ни после этого.

История данного сложного и противоречивого периода была необычайно богата на творчество, включая исторические инициативы, в которых наряду с профессиональными историками зачастую принимали участие литераторы и представители широкой общественности. В числе прочих инициатив 1920-х гг., связанных, например, с изучением рабочей истории (темы, к сожалению, оказавшейся после распада СССР и утраты престижа рабочих специальностей, на задворках отечественной науки), следует упомянуть деятельность истпартов, истпрофов, истомолов, начинания с Центрального бюро краеведения и ВЦСПС по монографическому изучению предприятий, работу монографической комиссии и секции по истории пролетариата СССР, которые действовали при Комакадемии [7].

А ещё была целая серия новаторских для своего времени исторических инициатив, с которыми на рубеже 1920–1930-х гг. выступил А. М. Горький: «История гражданской войны в СССР», «История фабрик и заводов», «История городов», «История деревни», «История культуры и быта» и др. Некоторые из этих проектов остались в основном на бумаге, другие оказались более успешными. Правда, ни один из них в итоге не был доведён до конца. При этом многие исторические

проекты осуществлялись одновременно, зачастую силами тех же самых историков, литераторов, актива общественности. Однако вопрос о взаимной сопряжённости проектов в ходе их практической реализации, об их преемственности, заимствовании опыта и методов работы пока в должной мере не изучен. Как не исследована и роль этих инициатив в формировании государственной исторической политики 1920–1940-х гг.

Сравнительно успешной считается ведшаяся в первой половине 1930-х гг. работа по «Истории фабрик и заводов» («ИФЗ»). В этой серии вышел десяток томов по истории отдельных предприятий, но большинство подготовительных материалов и рукописей по разным причинам так и не увидели свет, сохранившись в архиве. Вероятно, самым заметным историографическим и идеологическим явлением, серьёзно повлиявшим на формирование сталинской концепции истории СССР, стала работа по написанию «Истории гражданской войны» («ИГВ»), а фактически – по истории революции 1917 г. и революционной эпохи. Успех этого начинания был во многом связан с личной заинтересованностью в нём И. В. Сталина. Этот проект был самым длительным по времени, он реализовывался в течение 1931–1949 гг. Всё это время ответственным секретарем проекта и заведующим одноимённым издательством был известный историк И. И. Минц. В 1930-е гг. он некоторое время также возглавлял объединённое издательство «ИФЗ и ИГВ».

Одновременно с «ИГВ» в 1941–1945 гг. Минц был фактическим руководителем ещё одного важного исторического начинания, которое в последнее время привлекает заслуженное внимание специалистов – деятельности Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны [4]. Показательно, что в начальный период войны идея собирания материалов о войне, чтобы сохранить память о ней для потомков, независимо друг от друга возникла сразу у многих

историков. Осознавая особенно остро, в силу своей профессии, судьбоносный характер события, свидетелями которого они являются, уже летом–осенью 1941 г. московские историки стали вести дневники, составляли хронику, собирали документы, листовки и обращения, вырезки из газет военных лет. Среди них был, например, известный москвовед, сотрудник Института истории АН СССР П. Н. Миллер.

Однако необходимо было организовать научную структуру со штатом сотрудников и добиться её финансирования. Главным инициатором создания Комиссии по истории Великой Отечественной войны выступил член-корреспондент АН СССР И. И. Минц. Одобрение он получил после того, как в начале декабря 1941 г. немецкие войска были отброшены от Москвы. «Комиссия Минца» (так её для простоты называли), в которой работали профессиональные историки и другие гуманитарии (литераторы, журналисты, др.), была официально создана 10 декабря 1941 г. и просуществовала до декабря 1945 г., влившись затем в структуру Института истории АН СССР на правах его сектора [27, с. 3–8]¹.

Наряду с собиранием официальных документов, фотоматериалов и др. Комиссия Минца уделяла особенное внимание стенографированию бесед с военнослужащими по горячим следам боёв. Говоря современным языком, это был масштабный проект «устной истории», осуществлённый раньше Гарвардского и других схожих западных проектов. Его реализация соответствовала идеям Минца: не только факты и цифры, но и чувства и переживания человека на войне представляют ценность для истории.

¹ Напр.: Шмидт С. О. Тема «История Великой Отечественной войны» и «Историки в Великой Отечественной войне» на страницах Археографических ежегодников // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С. 3–8; Кондакова Н. И., Куманев Г. А. Ученые-гуманитарии в годы Великой Отечественной войны. Документы. Материалы. Комментарии. М., ИРИ РАН, 2004.

Их фиксация в стенограммах бесед стала «визитной карточкой» Комиссии – задолго до того, как в исторической науке произошёл «антропологический поворот» и появилось исследовательское направление «история чувств и эмоций».

Исходя из современных задач популяризации исторических знаний, наибольший интерес представляет опыт 1930-х гг. по созданию «Истории фабрик и заводов», на котором имеет смысл остановиться подробнее. В сентябре 1931 г. обладавший огромным авторитетом в стране пролетарский писатель Максим Горький выступил в центральной печати с призывом написать «историю фабрик и заводов СССР». Работа по ИФЗ должна была ознаменовать начало коренного пересмотра представлений об истории России в целом. Предстояло написать «пролетарскую историю». В ИФЗ всё должно было стать новаторским: форма и содержание книг, их идейный и воспитательный заряд, характер подготовительной и творческой работ.

Впервые в отечественной историографии главным действующим лицом исторических событий должен был стать не хозяин и не директор завода, не машина, а трудовой коллектив и рабочий человек – революционер и созидатель, с его собственным видением мира, собственным голосом и отношением к прошлому и настоящему. Сейчас бы учёные назвали такой подход предтечей «социальной истории» и попыткой предоставить возможность «маленькому человеку труда» рассказать собственным языком о себе самом и о своём времени.

Рабочие – главные творцы современной истории, считал Горький, долгое время были «вычеркнуты» из истории и обделены научными знаниями о своём прошлом. После революции они получили возможность восстановить эту несправедливость, но для них проще сделать это именно через историю предприятий. Рабочие должны были стать активными участниками начинания, т. к.

никто лучше них не знает свой завод. Предполагалось, что ветераны и молодёжь будут собирать документальный материал, делиться своими воспоминаниями, а наиболее талантливые из рабочих примут участие в написании рукописей. Задача же профессиональных литераторов и историков сводилась к тому, чтобы помочь рабочим своими знаниями, «на материале, который даст нам рабочий, усилить, заострить его идеологическое вооружение»¹. В ходе написания ИФЗ должна была родиться новая форма исторической литературы, сочетающая научность и документальность с ярким, популярным и доступным широким кругам читателей стилем изложения, – задача, актуальная и для дня сегодняшнего. Для этого, полагал Горький, необходимо лишь объединить усилия рабочих, литераторов и историков в практической работе.

Инициатива была поддержана руководством страны. 10 октября 1931 г. вышло соответствующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б), ставшее директивой для партийных организаций, предприятий, творческих союзов и др.² Она соответствовала и общественным настроениям начала 1930-х годов. Показательно, что о желании писать свою историю неожиданно заявили не только коллективы крупных заводов, но и группы энтузиастов с небольших артелей, а также железных дорог, шахт, нефтепромыслов, научных учреждений, парикмахерских, мельниц, совхозов и даже лагерей ОГПУ и трудовых коммун для малолетних преступников³.

С самого начала возникла дилемма: как при сохранении массовости и общественной инициативы, на чём настаивал Горький, не допустить «анархию» и ввести эту работу в организованное русло?

¹ А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов: сб. док и мат. / ред.-сост. Л. М. Зак. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 27.

² Правда. 1931. 11 октября.

³ Архив А. М. Горького при ИМЛИ. КГ-П 1-1-27.

Тем временем на местах стала создаваться система соответствующих структур: от заводских, областных и республиканских редакций до Главной редакции и Секретариата ИФЗ. Часть сотрудников работала в них за плату, другие – на общественных началах. Зачастую это зависело от финансовых возможностей предприятий, взявших на себя значительную часть расходов.

Хотя общественная инициатива на словах поощрялась, однако общее руководство работой на местах (и, соответственно, ответственность за политическую корректность) возлагалось на заводской партком, объективно заинтересованный в ограничении «самостоятельности». Кроме того, финансовую, организационную, методическую и иную помощь получали только те объекты, которые присылали в Главную редакцию свои заявки, отчёты, планы рукописей и после соответствующего обсуждения были включены ею в специальные списки объектов первой или второй очереди. Неудивительно, что во многих случаях, не будучи подкреплён организационно либо оказавшись «спущенным на тормозах» парткомом, общественный энтузиазм постепенно затухал.

По мере завершения сбора материалов и появления рукописей возникла потребность в «доработке» и тщательном редактировании авторских текстов. С этой целью в 1932 г. Главной редакцией ИФЗ для каждого из 26 предприятий, историю которых решили подготовить в первую очередь, были созданы Центральные редакционные комиссии (ЦРК), в состав которых входили ответственный руководитель и специалисты: литераторы, историки, журналисты, экономисты. В октябре 1932 г. в составе Главной редакции ИФЗ была образована особая Политическая редакция для окончательного просмотра готовых рукописей перед передачей в набор¹. В начале 1933 г. в си-

стеме ОГИЗа появилось и издательство ИФЗ [7, с. 71–77].

Горькому удалось привлечь к работе многих известных историков и литераторов, в числе последних были Алексей Толстой, Михаил Зощенко, Илья Ильф и Евгений Петров, Валентин Катаев, Фёдор Гладков, Борис Пильняк, Виктор Шкловский, Всеволод Иванов, Юрий Либединский и др. Некоторые из них включились в деятельность авторских коллективов по своей инициативе или по личной просьбе Горького, другие были посланы на заводы творческими организациями. В отличие от рабочей общественности с литераторами заключались гонорарные договоры.

В состав Главной редакции вошли такие влиятельные деятели, как Л. М. Каганович, П. П. Постышев, А. А. Андреев, Н. И. Бухарин, Л. З. Мехлис, А. С. Енукидзе, А. И. Стецкий и др. С одной стороны, это придавало начинанию необходимый политический вес. С другой, занятость на основной работе не позволяла им играть в начинании активную роль. Но при этом без согласования с ними невозможно было решить ни один значимый вопрос. Со временем невозможность оперативного принятия решений переросла в серьёзную проблему.

Начинание оказалось соткано из множества противоречий. С одной стороны, Горький настаивал на необходимости правдивого и исторически достоверного освещения прошлого с опорой на факты, документальные свидетельства и проч. Однако используемые писателями литературные приёмы предполагали допустимость вымысла, вплоть до введения вымышленных персонажей, диалогов и др. Поскольку приёмы работы историков и писателей отличались между собой, их совместная работа над рукописями оказалась проблематичной. Рассеялись и иллюзии относительно рабочих, особенно из числа ветеранов: многие из них по своему образовательному уровню оказались слабо подготовлены к участию в ИФЗ. В

¹ В состав Политредакции вошла пятерка: А. М. Горький, Л. М. Каганович, П. П. Постышев, А. С. Енукидзе и А. С. Стецкий.

итоге актив начинания на местах формировался, главным образом, за счёт рабкоров, литкружковцев и рабочих авторов из числа «молодняка».

Однако центральным противоречием всё же оказалась коллизия между историческим характером начинания и его идеологическими установками. Политизация в работе по ИФЗ постоянно нарастала, чему способствовало появление в конце 1931 г. письма И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» [25, с. 612–613]. Вокруг него развернулась широкая пропагандистская кампания, в т. ч. и в структурах ИФЗ. Сталин предлагал заменить «исторический объективизм», характерный для критикуемых им учёных, классовым содержанием истории. «Кто же, кроме безнадёжных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы», – писал он, ставя под сомнение значимость любых документов как важнейших источников информации о прошлом [7, с. 71–77]. Появление письма Сталина внесло сумятицу в работу заводских коллективов, поскольку указания Горького и сам пафос начального этапа горьковского начинания противоречили новым сталинским директивам.

Крайне важно, что работа ИФЗ возбудила общественный интерес к прошлому, к документальным богатствам архивов. В первый период работы (конец 1931 – начало 1933 гг.) основное внимание заводских редакций было сосредоточено на поиске материалов для будущих книг. Подобная деятельность развернулась как минимум на нескольких сотнях предприятий по всей стране. Именно в данном контексте и применительно к начальному периоду ИФЗ можно говорить о массовом характере горьковского начинания. Ветераны из числа рабочих приносили из дома фотографии, письма и другие личные документы. На заводах начался сбор автобиографий и воспоминаний, а на Метрострое решили вести дневники [8, с. 166–171]. После трудовой смены в свободное время активисты из числа ра-

бочих и служащих разбирали заводские архивы, искали и изучали старые подшивки газет, «прочёсывали» библиотеки. Когда сотрудники редакции московского завода «Красный пролетарий» попали в свой заводской архив, находящийся в подвале, то увидели «тысячи беспорядочно лежащих связок на полках вдоль стен и непроходимые дебри книг и разлетевшихся бумаг на полу, горы которых в отдельных местах превышали человеческого роста...» [20, с. 199]. Необходимо было вначале упорядочить и описать эти документы.

Бригады рабочих явились в читальные залы государственных архивов, чтобы самостоятельно или с помощью архивистов изучить архивные фонды, относящиеся к истории их предприятий. Скопированные ими документы поступали затем в распоряжение заводской редакции и становились документальным «сырьём» для авторов рукописей. Однако для неискушённых в заводской истории рабочих заранее определить важность того или иного документа было затруднительно, поэтому, как правило, они брали «всё подряд».

Другим центральным направлением деятельности заводских редакций стал сбор мемуаров, которые тоже впоследствии пригодились авторам книг. Собственноручные записи воспоминаний и автобиографий рабочими не получили широкого распространения в силу их недостаточной грамотности и владения пером. Но рассказчиками многие из «стариков» были отменными. Они хорошо помнили свою молодость, случаи из жизни, подробности быта ушедшей эпохи, преломляя через собственную судьбу события заводской истории, начиная с конца XIX в. Редакции ИФЗ занялись поиском ветеранов (в т. ч. пенсионеров, выдвинутых, перешедших с завода на другую работу и проч.) и стенографированием индивидуальных или групповых бесед с ними, а также организацией массовых вечеров воспоминаний с при-

глашением молодых рабочих. Как правило, для этого составлялись вопросники, чтобы «сориентировать» приглашённых на главных темах заводской истории и на сюжетах, не получивших отражение в заводских документах. Так, редакция московского Электрозавода наметила опросить около 500 чел. На столичном «Серпе и молоте» было найдено свыше 220 ветеранов – участников первой русской революции, а на «Трёхгорке» – 76 бывших дружинников декабря 1905 г. и 5 участников событий октября 1917 г. [7, с. 92]. Особенно интересно проходили «тематические» групповые вечера воспоминаний, на которых старые рабочие дополняли и поправляли рассказы друг друга, спорили о том или ином событии или сюжете заводской истории. ИФЗ стала одним из первых значительных опытов «устной истории» в России, а сохранившиеся стенограммы вечеров воспоминаний и сегодня не потеряли своей ценности.

В связи со сбором документальной базы для ИФЗ рабочие неминуемо получали широкий доступ к самой разнообразной информации о прошлом своего предприятия. При этом заранее предусмотреть, что именно «крамольного» расскажет на вечере воспоминаний давно вышедший на пенсию ветеран или что удастся найти и прочитать самим рабочим, например, в завалах заводского архива, было невозможно. Многие ветераны, чьи воспоминания стенографировались во время публичных выступлений на заводе, ранее состояли в других партиях, в оппозициях, и в начале 1930-х гг. не скрывали своего «особого мнения» на события недавней истории. Однако нарастание политизации способствовало разочарованию части активистов в ИФЗ и их отходу от горьковского начинания.

Написание текстов на основе собранных документов тоже шло с большим скрипом. В силу объективных и субъективных причин сроки предоставления рукописей неоднократно срывались, часто менялся состав авторов. В обстанов-

ке начавшихся политических репрессий, вымарывания имён «врагов народа» и связанной с этим перестраховкой большинство текстов так и не были доведены до типографии, увязнув в бесконечных обсуждениях, редакторских правках и цензурных ограничениях. Из указанных в изданном рекламном проспекте 30 книг основной серии ИФЗ к началу 1938 г., когда работа была полностью прекращена, было выпущено всего лишь 6 книг, а также ещё 6 наименований, не вошедших в первоначальный список.

Однако не дожидаясь одобрения и выхода книг, заводские редакции стали публиковать «пробные» разделы и отрывки рукописей в своих заводских многотиражках, нередко с практическими целями – собрать мнения работников завода о том, соответствует ли написанное тому, чему они были свидетелями. Летом 1933 г. на московском Автозаводе пошли ещё дальше: написанные к этому времени предварительные тексты четырех глав издали на ротаторе отдельными брошюрами тиражом 400–500 экз. Их распространили среди старых работников и послали в заводскую библиотеку. Через неё поступило более 100 письменных пожеланий, а всего к началу 1935 г. заводская редакция собрала около 400 отзывов [11, с. 191–199]. После их систематизации и изучения авторы приступили к доработке рукописей.

Опыт «массового редактирования» как формы участия рабочих в создании истории своих предприятий был поддержан руководящими органами ИФЗ. В конце 1933 г. Секретариат ИФЗ решил: «для обеспечения массового редактирования и всесторонней проверки предполагающихся к изданию книг считать целесообразным печатание наиболее характерных и важных отрывков и рукописей особыми оттисками...»¹.

Главная редакция и лично Горький были крайне заинтересованы как можно быстрее показать «товар лицом». Поэто-

¹ Архив А. М. Горького при ИМЛИ. КГ изд. 25-50-1.

му они всё время подгоняли заводские редакции. Однако выяснилось, что «кавалерийским наскоком» создать качественную книгу невозможно. Поэтому в список заводов первой очереди было включено много предприятий, на которых уже имелся «задел», а в ряде случаев – почти готовые рукописи, созданные в рамках предшествовавших исторических проектов 1920-х гг.

Стоит учесть и ещё одно обстоятельство – претензию руководства ИФЗ на монополизацию данной тематики, чтобы впредь любая деятельность по истории предприятий согласовывалась с планами горьковского начинания, а соответствующие рукописи издавались исключительно под грифом ИФЗ¹.

В число предприятий, историю которых предполагалось написать и издать в первую очередь, вошли столичные «Трёхгорная мануфактура» и «Серп и молот» (бывший завод Гужона). Коллективы историков Комакадемии начали монографическое исследование этих заводов в 1930 г., а после призыва Горького осенью 1931 г. они продолжили эту работу уже в рамках ИФЗ. Однако пробные рукописи, написанные учёными в академической манере, в 1933 г. были раскритикованы Горьким за «политическое и литературное косноязычие авторов»². Что касается недостатка художественности, то литературное редактирование текста могло исправить ситуацию. Значительно более серьёзные последствия имела критика Горьким, по его мнению, политической «беззубости» историков. Нужно сказать, что обвинения в «объективизме» сопровождали их с самого начала работы ИФЗ.

К числу научных работ, всё же изданных в серии ИФЗ, относится книга историка С. М. Лапицкой «Быт рабочих Трёхгорной мануфактуры» [17]. Сравне-

ние окончательного варианта с первичным материалом, а также с начальными вариантами глав показывает, насколько тщательно шёл процесс редактирования текста с учётом политических реалий эпохи. По этим причинам большое количество материалов, в т. ч. воспоминаний, собранных в подготовительный период работы и дошедших до нас в архиве, оказались невостребованными. К примеру, из стенограммы беседы с Г. Ф. Романовым узнаём о недовольстве рабочих Трёхгорки «великим переломом» конца 1920-х гг. Эта политика Сталина, по их мнению, противоречила ленинским установкам.

Надежды Горького на выработку в ходе создания ИФЗ принципиально новой, коллективной формы книг, а также на сотрудничество профессиональных историков и литераторов, оказались мало осуществимы. Практика показывала, что авторы рукописей тяготели к индивидуальному творчеству.

С середины 1930-х гг. в условиях нарастания политизации жизни наблюдался спад в работе по ИФЗ. Рубежом в истории горьковского начинания стало начало 1935 г. В это время была арестована группа молодых историков – учеников В. И. Невского. Среди репрессированных оказались члены руководящих органов ИФЗ, рецензенты и авторы рукописей по истории заводов П. П. Парадизов, В. З. Зельцер, П. И. Анатольев и др. Тем самым на это историческое начинание легла печать неблагонадёжности. После убийства С. М. Кирова одновременно началась кадровая «перетряска» в Ленинградской областной и в заводских редакциях ИФЗ. С середины 1930-х гг. сворачивается работа на уровне предприятий: одна за другой прекращают функционирование заводские редакции, редким явлением стали вечера воспоминаний. Работа переместилась в плоскость «кабинетной» деятельности немногочисленных авторских коллективов.

По степени конъюнктурности и по-

¹ Это вызвало возражения, в частности, испартов, которые стремились продолжать самостоятельную работу на заводах и издавать книги в Партиздате.

² А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов. С. 214–219.

литической «выверенности» тексты 1936–1937 гг. заметно отличались от материалов начала 1930-х гг. На словах руководители ИФЗ продолжали ратовать за историзм, однако на практике история предприятий всё более жёстко подгонялась под заранее заданную схему. То, что не вписывалось в неё или уже оказалось под запретом (факты, имена, документы), как правило, «отсеивалось». Но для этого от сотрудников ИФЗ, авторов, редакторов, рецензентов рукописей требовались чудеса «политического нюха». Правда, предугадать, кто именно из вчерашних героев заводской истории завтра будет объявлен врагом и «вычеркнут» из истории к моменту завершения рукописи, было непросто. Тем временем среди авторов и сотрудников редакций тоже начались «посадки». А репрессирование автора означало и репрессирование самой готовящейся книги.

Обречённость начинания окончательно стала ясна в связи со смертью Горького в 1936 г. В начале 1938 г. работа по истории фабрик и заводов была официально прекращена.

Исторические проекты 1920–1940-х гг. были, на первый взгляд, довольно разными. Но с другой стороны, они имели немало сходства. Помимо отпечатка, который, безусловно, накладывала на них эпоха, эти проекты зачастую осуществлялись одними и теми же историками или другими гуманитариями, между этими проектами прослеживается преемственность форм и методов работы, все они тяготели к сочетанию научности и популярности, были в конечном итоге ориентированы на формирование исторических представлений у массовой аудитории. Именно поэтому опыт, как положительный, так и отрицательный, исторических инициатив 1920–1940-х гг. актуален для разработки современной исторической политики и для развития исторической науки, в которой презентизм начинает играть всё более важную роль.

Маслов Д. В.

Освещение советской истории в советской историографии периода перестройки¹

Если известное суждение об истории как политике, опрокинутой в прошлое, и имеет под собой основания, то именно период горбачёвской перестройки в СССР дал этому достаточно подтверждений. Остановимся на некоторых причинах, особенностях и результатах переосмысления советской истории в указанный период.

Задумавшийся ещё в 1990 г. о причинах такого пересмотра известный историк В. В. Согрин склонился к выводу, что ни появление новых фактов, ни обновление методологии исследований причинами в данном случае не являются. В качестве причины он назвал неудовлетворённость общества прежними представлениями об отечественной (прежде всего, советской) истории [22, с. 6–7].

Но запрос на пересмотр истории шёл не только со стороны общества, но и «сверху», от власти. Переосмысление истории явилось не только элементом объявленной реформаторами политики гласности, но и важным звеном в обосновании ими тезиса о глубине кризиса, в котором оказалось (по мнению руководства) советское общество к 1985 г. В первые перестроечные годы ссылка на доставшееся реформаторам «тяжёлое историческое наследие» выступала в качестве аргумента, позволяющего объяснить проблемы в реализации самой политики перестройки.

Такие задачи исторической критики во многом определили её содержание и состав главных действующих лиц.

В 1986–1987 гг., на начальном этапе пересмотра истории, критика прошлого была адресована, прежде всего, брежневскому периоду, за которым надолго за-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43005.

крепился ярлык «застоя». То, что начали с Л. И. Брежнева, которому и лично перепала значительная доза порой не столько взвешенной критики, сколько унижительных оскорблений, не случайно. Его эпоха непосредственно предшествовала перестройке, поэтому именно в ней реформаторы попытались обнаружить причины возникших проблем. Примечателен и сам термин («застой»), характеризующий представление о задачах горбачёвской команды, как она ставилась изначально. Главная проблема страны состояла, по мнению лидеров этой команды, в отставании СССР, отсюда и необходимость ускорения. Современные исследователи (в частности, А. В. Шубин) полагают такой подход неверным и породившим новые трудности; проблемы советской экономики носили структурный характер. Но в 1985 г. подходы были иные.

Отсутствие у политики перестройки осязаемых успехов и даже нарастание трудностей вызвали новую волну исторической критики. Примерно в 1987–1988 гг. предстояло доказать, что глубина предперестроечного кризиса оказалась более значительной, чем это виделось ранее. Два десятилетия «застоя» оказывались при таком подходе явно недостаточным периодом для обоснования столь масштабного кризиса. Вводится не только в публицистику, но и в научный оборот термин «административно-командная система», на которую и предстояло списать проблемы, как прошлого, так и самой перестройки. Корни данной «системы», согласно авторам этой концепции (в частности, активно публиковавшегося в те годы экономиста Г. Х. Попова), уходят в период 1930–1950-х гг. Так был сделан следующий шаг в исторической критике – переосмысление сталинской эпохи и роли личности самого вождя.

Нельзя сказать, что критика того, что стали громко именовать «сталинизмом», явилась логическим продолжением того, что было начато во времена хрущёвской оттепели. Инициаторы новой антиста-

линской волны при Горбачёве, наоборот, всячески подчеркивали, что хрущёвская критика Сталина и его эпохи была противоречивой и незавершённой. Но именно в силу такой оценки хрущёвской десталинизации горбачёвская её волна оказалась не просто критической. Она стала, по сути, уничтожающей. Сталину и его системе в короткий срок был вынесен не подлежащий обжалованию «смертный приговор». Личность и деятельность И. В. Сталина были подвергнуты зубодробительной критике, начисто исключающей какие-либо позитивные черты в облике бывшего вождя. Он быстро стал сугубо отрицательным героем по всем «номинациям»: его интеллект, моральные и деловые качества преподносились в самых неприглядных тонах и выражениях. Лишь немногие тогда задумывались об объективности такой «критики», многим она виделась как открытие «белых» («чёрных») пятен в истории. Тот факт, что маятник развенчания Сталина и сталинизма так резко качнулся в одну сторону, станет одной из причин того, что в дальнейшем начнётся своеобразная реабилитация образа вождя и его эпохи в общественном сознании [6]. В этом можно усмотреть определённую закономерность процесса пересмотра истории вообще. Но всё это произойдет в основном уже после перестройки.

Тон в этой критике (если её вообще можно так называть) поначалу задавали не историки, а публицисты, журналисты, представители других творческих профессий. Можно вспомнить сразу ставший культовым фильм Т. Абуладзе «Покаяние», прогремевший на экранах страны в начале 1987 г. Снятый ещё до перестройки, фильм буквально потряс своим антисталинским запалом. И хотя по прошествии лет художественные достоинства фильма, как и его нравственная составляющая (в основе которой чуждый нравственно здоровым людям сюжет гробокопательства), выглядят весьма сомнительными, на пике своей популярности

фильм воспринимался едва ли не как документальный. Подключившиеся к теме «толстые» журналы (А. Рыбаков «Дети Арбата» и другие произведения) застолбили лидерство в освещении сталинской эпохи за деятелями культуры.

Робкие попытки остановить шквал разоблачений пресловутого сталинизма наталкивались на преграды в лице руководителей государства. Показательна в этом плане памятная история с письмом преподавателя вуза из Ленинграда Н. Андреевой «Не могу поступаться принципами». Автор письма, признавая ошибки и преступления сталинской эпохи, призвала не вычёркивать и то положительное, что было в те годы. Содержание письма было выдержано в духе примирения с недавней историей и по нынешним временам выглядит почти банально. Тем удивительнее реакция высшего партийного руководства на этот документ. В условиях, когда проблемы страны становились всё острее, члены Политбюро ЦК КПСС во главе с генсеком 2 дня подряд (!) обсуждали на своих заседаниях эту статью! А спустя несколько недель М. С. Горбачёв провёл в 3 захода ещё и совещания в ЦК КПСС с первыми секретарями региональных партийных организаций, выясняя их отношение к статье Андреевой и заодно «вправляя мозги» тем, кто понимал статью «неправильно»¹. Как выяснилось, повышенное внимание статье рядового ленинградского преподавателя было связано с тем, что руководство КПСС разглядело в газетной публикации вызов политике перестройки. Так история вновь стала полем горячих политических дискуссий. Разгром статьи Н. Андреевой, учинённый на самом «верху», стал сигналом обществу, что остановки в критическом пересмотре истории не будет.

Позиция высшей партийно-государ-

ственной власти по вопросу пересмотра истории – тема отдельного разговора. Здесь же отметим лишь, что в целом ряде случаев она носила характер импровизации. Весьма показателен факт оценки Вторым съездом народных депутатов СССР в декабре 1989 г. советско-германского договора о ненападении. Этот высший на тот момент орган государственной власти СССР, не представив оригинала документа, признал факт наличия «секретного протокола» к договору, чем не только санкционировал не основанное на прочной источниковой базе дальнейшее обсуждение этой темы, но и усилил дезинтеграционные процессы в СССР, дав прибалтийским сепаратистам дополнительные козыри в пользу версии о якобы оккупации их государств Советским Союзом в 1940 г.

Ещё один факт на тему «власть и истории». В 1988 г. группе историков партии решением Политбюро ЦК КПСС было поручено написать «Очерки истории КПСС» в духе новых веяний. Работу курировал член Политбюро А. Н. Яковлев. Участник этой работы В. В. Шелохаев отметил в дневнике по итогам встреч с куратором сложившееся у авторского коллектива мнение о том, что «наверху» не очень понимают, *что* именно хотят получить в результате [26, с. 97, 106–107].

Сообщество профессиональных историков поначалу оказалось несколько в стороне от процесса пересмотра истории. Писать историю по-старому было уже невозможно, а чтобы работать по-новому требовалось время – как для поиска и критического анализа источников, так и для теоретического осмысления пройденного страной пути. Поскольку общество не хотело ждать, а давление на историков усиливалось, на первых порах немалая их часть предпочитала объяснять исторические события по известному принципу «с одной стороны... с другой стороны». Такой осторожный (и вполне разумный для того времени) приём лишь усиливал недоверие к историкам и порождал подозрения в утаивании ими

¹ В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. М.: Горбачев-Фонд, 2008. С. 299–307, 312–347.

неких секретных документов, в которых якобы и сокрыта вся правда истории.

Приметой времени стало постоянное подчёркивание историками относительности своих выводов, призывы к диалогу, поиску истины через дискуссии. Однако в советском обществе на пике перестройки возобладала тенденция к простым и скорым ответам на любые вопросы. Поэтому переход к следующему этапу пересмотра истории становился неизбежным.

Мощная волна десталинизации неизбежно подвела общество к вопросу об истоках сталинизма и административно-командной системы. Как общество в целом, так и историки разделились на тех, кто рассматривал сталинизм как отклонение от гуманистических идеалов Октябрьской революции (или их предательство), и тех, кто усматривал прямую связь между революцией и сталинизмом, выводя одно из другого. В 1989–1990 гг. эта дискуссия стала прологом к постановке немыслимого ранее вопроса о сущности Октября, роли В. И. Ленина и большевиков в российской истории. Активная публикация мемуаров и дневников представителей антибольшевистской политической мысли стала хорошим подспорьем профессионалам; большинству же обывателей пришлось испытать буквально шок от неожиданно и без всякой системы свалившейся на их головы исторической информации. Каким-то образом самостоятельно упорядочить этот хаос фактов и оценок большинство граждан были просто не в состоянии.

Такая ситуация в сфере исторических источников, с одной стороны, и нарастание кризиса политики перестройки, с другой, быстро пополняли ряды тех, кто с лёгкостью разочаровывался в прежних идеалах, усматривая корень всех бед в событиях октября 1917 г. И если двумя годами ранее о Ленине уже начали говорить как о способном сомневаться политическом деятеле (что поначалу у многих вызывало неприятие), то к началу 1990-х гг. и среди историков стали публично

заявлять свою позицию те, кто именно в деятельности вождя большевиков обнаруживал истоки всех последующих проблем (можно назвать Д. А. Волкогонова, В. М. Лаврова и других, которых авторитетнейший исследователь биографии Ленина В. Т. Логинов назвал «лениноедами»). Методология антиленинских разоблачений выстраивалась без особого изящества и выдумки. Использовалась непроверенная информация, особенно из враждебных Ленину кругов, подтасовывались цитаты, действия Ленина вырывались из исторического контекста и объяснялись с абстрактно-гуманистических позиций конца XX в. Столь примитивная технология историописания, несмотря на робкие возражения профессионалов, легко «объясняла» масштабность случившихся со страной в XX в. катаклизмов, давала простые ответы на любые вопросы. К концу перестройки у советских граждан практически не осталось идеалов в советской истории. Даже в изучении Великой Отечественной войны акцент в публикациях смещался с её героической составляющей на трагедию. Так, происходила дегероизация подвигов советских людей, вбрасывались порой фантастические цифры советских военных потерь и пр. Привычная доверчивость советского человека к печатному слову и здесь сыграла на руку любителям сенсаций. Развенчание советского прошлого за столь короткий срок сыграло, как представляется, одну из ключевых ролей в крахе советского строя и СССР как государства, выбив из-под них ценностную основу.

Историкам и не только ещё предстоит разобраться в причинах и содержании столь массового и быстрого отречения от собственной истории. Почему же советская историческая наука так и не успела за быстрыми изменениями общества в годы перестройки? Представим далее некоторые соображения на этот счёт.

Безусловно, нельзя игнорировать достижения советских историков того

периода. Им удалось ввести в научный оборот немало новых источников. В основном заслуга историков в том, что к отечественному читателю вернулись мемуары и исследования представителей русского зарубежья. В исторической науке установился дух поиска научной истины, творчества. Дискуссии стали нормой научной жизни. Сложнее с идеологией и цензурой. Общепринято, что и то и другое уже не довело над исследователями. Это верно в отношении коммунистической идеологии и партийной цензуры в их доперестроечном виде. Однако на смену одной цензуры незаметно подкралась другая, суть которой в том, что теперь уже становилось признаком дурного тона сказать (написать) хоть что-то позитивное о, например, Сталине и его деятельности. Есть масса примеров того, что исследователи, даже не пытавшиеся обелить сталинизм, попадали в «сталинисты» даже за робкую попытку объективного освещения этой темы. Конечно, такая общественная цензура на том этапе не могла способствовать полной свободе научного творчества.

Перейдём к другим объяснениям того, почему историческая наука оказалась не вполне готова к новым общественным вызовам эпохи перестройки [18]. Эти объяснения следует искать в содержании исторического знания того периода.

Серьёзной проблемой для историков (и обществоведов в целом) оказалась необходимость по-новому подойти к решению, как казалось ранее, давно ясных теоретических вопросов. Одним из них стал вопрос об определении сущности построенного в СССР общества. Критика административно-командной системы неизбежно подводила к вопросу: можно ли считать построенное в СССР общество социалистическим. Части обществоведов очень хотелось верить (именно верить, доказательности здесь было мало), что советская история завершилась в 1930-е гг. «не туда» и теперь предстоит выбраться на «правильный» путь. Ме-

тодологической основой такого убеждения чаще всего являлось сопоставление произвольно отобранных признаков советского общества сталинской эпохи с «образцом» социализма, обнаруживаемым обществоведами в работах Маркса, Энгельса и Ленина. Лишь у немногих исследователей возникал вопрос о правомерности сопоставления реальности с теорией и попыток вписать реальность в некие канонические рамки. А из этих немногих вообще единицы (И. М. Клямкин [23, с. 44], А. А. Зиновьев [10, с. 9]) ставили вопрос таким образом, что советский социализм – и есть социализм реальный (Зиновьев даже называет его коммунизмом), и никакого другого нет, коль скоро история этих других вариантов не предложила. Многие обществоведы в своих интеллектуальных построениях пытались нарисовать вариант идеального общества, в чём в очередной раз проявился утопизм сознания части отечественной интеллигенции.

Пока же одна часть обществоведов боролась за «очищение» социализма от сталинизма, другая их часть (в самом конце перестройки) и вовсе заявила, что «очищать» нечего и незачем, т. к. социализм, по их мнению, безоговорочно проиграл историческое соревнование с капитализмом и нуждается не в «капитальном ремонте», а в полном сломе. Тем самым подводились наукообразные предпосылки под грядущую смену общественного строя в СССР.

Рассуждения о моделях и путях развития социализма способствовали тому, что в 1987–1988 гг. особенной популярностью в среде обществоведов становилась идея альтернативности исторического процесса. Интерес к этому вопросу не был случайным, поскольку прежняя схема истории как однонаправленного развития перестала устраивать общество. К тому же необходимо было ответить на актуальный в практическом отношении вопрос: с какого момента советская история зашла «не туда»? На какое-то

время поиск исторических альтернатив («развилки») стал весьма популярным занятием. Эти альтернативы вдруг обнаружились на протяжении едва ли не всей советской истории: и в 1917 г., и в 1918 г. (альтернативы гражданской войне), и в 1929 г. (альтернативы свёртыванию НЭП и складыванию той самой административно-командной системы, «бухаринская альтернатива»), и в 1939 г. (альтернативы советско-германскому договору о ненападении) и т. д. Рассуждения об этих альтернативах, как правило, сопровождались сожалением об их нереализованности. Получалось, что едва ли не всякий раз, как возникали такие альтернативы, советская история неизменно уходила от них по другому, «неправильному» пути.

Подобные рассуждения, конечно, расширяли предметное поле исторических исследований, способствовали повышению внимания к ранее не востребовавшимся сюжетам и персонажам отечественной истории. Однако на этом польза от таких рассуждений в основном заканчивается. Проблема в том, что тексты с описанием таких альтернатив страдали существенными недостатками – абсолютной оторванностью от реальной истории, умозрительностью, игнорированием конкретно-исторического подхода, крайним упрощением исторического процесса. Нередко авторы таких рассуждений увлекались настолько, что начинали всерьёз размышлять на тему «что было бы, если бы...». Достаточно напомнить о том обилии материалов, в которых «доказывались» преимущества победы Бухарина над Сталиным в конце 1920-х гг. Какие только розовые картины при этом не рисовались: и рыночной социально ориентированной экономики, и расцвета демократии в СССР [2]. Робкие попытки некоторых обществоведов (например, И. М. Клямкина) призвать к анализу лишь тех альтернатив, за которыми стояли реальные социальные силы, наталкивались на обвинения в сочувствии ста-

линизму. На наш же взгляд, Клямкин был совершенно прав, заявив ещё в 1988 г., на пике увлечённости поиском альтернатив, что «нельзя, оставаясь в рамках науки, доказать, могли ли события, имевшие место в прошлом, развиваться по-другому». Вопрос «могло ли быть иначе», по справедливому мнению Клямкина, «не из области науки» [23, с. 115]. Однако подобные вразумления остались тогда гласом вопиющего в пустыне.

Понимая, что такая альтернативность может вступить в противоречие с объективностью, Ю. Н. Афанасьев предлагал отделять «правду факта» (безальтернативную) от интерпретации исторического процесса, которая, по его мнению, не может существовать в единственном варианте [1, с. 505].

Несколько позже, в 1990 г., когда уже становилась очевидной сомнительность многих альтернатив, В. В. Согрин предложил выделять альтернативы идеологические (существующие только в сознании исследователя) и альтернативы реальные как тенденции исторического процесса, обеспеченные определённой социальной поддержкой. Применительно к советской истории 1930-х гг., по мнению Согрина, встречающиеся в литературе альтернативы носят в основном идеологический характер, т. к. в сложившейся тогда системе отсутствовал механизм реализации таких альтернатив [22, с. 14].

Увлечённость поиском и обоснованием альтернатив вскоре сойдёт на нет, но в годы перестройки она отнимет немало сил и времени у исследователей.

Говоря о других проблемах изучения советской истории в указанный период, остановлюсь ещё на изъянах в методологии исследований. Примеров применения негодных для изучения определённого сюжета методов научного познания, несоблюдения правил применения таких методов в изучении советской истории настолько много, что об этом можно писать самостоятельное исследование (впрочем, и в наше время ситуация не на-

много лучше). Приведём лишь некоторые иллюстрации сказанного, в которых методологические изъяны подвели к ошибочным выводам в серьёзных вопросах.

Так, в изучении советской эпохи широко применялся метод исторических аналогий. Пытаясь представить дополнительные доказательства отхода от социализма при Сталине, некоторые обществоведы выстраивали такой исторический ряд: сталинская система – средневековый феодализм – восточные деспотии. Понятно, что какие-то элементы сходства найти в обществах указанных типов нетрудно (как и в обществах любых типов вообще). Но как обосновать столь широкие исторические аналогии? Такой вопрос, как правило, на серьёзном уровне даже не поднимался. При этом сторонники таких аналогий нередко подчёркивали, что события советской истории аналогов не имеют [23, с. 9]. В таком столкновении тезисов можно обнаружить и логическое противоречие.

Иногда логическая несуразица выглядит просто вопиющей. Так, пытаясь доказать преступность коллективизации 1930-х гг., известный историк привёл такую статистику. По его сведениям, до начала коллективизации в советской деревне насчитывалось 30 млн лошадей. К 1933 г. (по его же данным) их осталось только 5 млн. При этом деревня получила тракторов общей мощностью 8 млн лошадиных сил. Исследователь легко складывает реальных лошадей с лошадиными силами тракторов, получает 13 млн (так и не ясно чего – лошадей или тракторов с их лошадиными силами) и уверенно делает вывод: 13 млн, естественно, намного меньше 30 млн, вот и доказательство преступности коллективизации [23, с. 110–111]. Как при этом можно умудриться складывать лошадей с лошадиными силами тракторов (понятно, что «лошадиная сила» – категория условная), исследователь не задумывается. Но даже на уровне здравого смысла очевидно, что ни 30, ни даже 100 лошадей не заменят одного

трактора.

Подобных примеров изучения советской истории можно привести в те годы немало.

Подводя итоги, отметим, что как условнившиеся внешние обстоятельства, так и некоторые упомянутые внутренние трудности познания советской истории в годы перестройки не позволили исследователям глубже осмыслить этот непростой период отечественной истории. Цена известна – утрата советским социализмом своей привлекательности в глазах миллионов людей, тихая гибель советского строя и советского государства. Опыт перестройки, помимо прочего, показал необходимость бережного и уважительного отношения к собственной истории, недопустимость в этих вопросах спешки и стремления к простым ответам на любые вопросы.

Яснитский Н. А.

Становление проблемы исторического сознания: просветители о Средних веках

Одной из дискуссионных проблем при оценке исторической мысли эпохи Просвещения является трактовка Средневековья историками-просветителями. Наиболее распространённым в историографии является взгляд, согласно которому историки – просветители оценивали эпоху Средневековья крайне негативно, и в результате большинство историков эпохи Просвещения не уделяли Средневековью большого внимания.

Чаще всего ссылаются на Вольтера, считая, что его трактовка Средневековья являлась преобладающей трактовкой для большинства историков-просветителей. В его «Опыте о нравах и духе народов и о главных событиях истории от Карла Великого до Людовика XIII» при рассмотрении истории варварских народов, погубивших Римскую империю «испытываешь чувство, похожее на чувство путешественника, который покинул ве-

ликопешный город и оказался в пустыне, покрытой терниями». Вместо прекрасного латинского языка – 20 варварских наречий, вместо культуры и законов – только варварские обычаи. Цирки и амфитеатры, возвышавшиеся во всех провинциях, сменились хижинами, крытыми соломой. Большие дороги, такие красивые и прочные, проведённые от подножия Капитолия до гор Тавра, покрылись стоячими водами. Такой же переворот произошел в умах; Григорий Турский и монах Фредегар из Сен-Галлена – это наши Полибии и Титы Ливии. Человеческий разум огрубел среди самых подлых и бессмысленных суеверий... Вся Европа коснеет в этом унижении до XVI в. и освобождается от него лишь путём ужасных судорог». «Историю этого времени, – добавляет он, – необходимо знать лишь для того, чтобы её презирать» [32, р. 310]. Для подтверждения этого взгляда ссылаются и на оценку Средневековья Ж.-Б. Майи (1744–1794). И действительно, Майи называл феодализм «системой угнетения, которая являла собой правление кучки тиранов»: она «уничтожила понятие гражданина»; «человечество, в равной мере павшее и в верхах и в низах, не ведало при ней ничего, кроме гнусностей деспотизма и жестокостей рабства»; это «феодальное правление причинило, – по его словам, – массу зла» [29, р. 6].

В итоге, большая часть современных историков, например, М. А. Заборов, считает, что Средние века представлялись просветителям, принципиальным поборникам прогресса, почти сплошь в самых отрицательных чертах – эпохой анархии, варварства, тирании, нелепым временем мрака и невежества, грубости и насилия, страшных преступлений, выдававшихся за великие деяния, а главное, всепоглощающего мракобесия, фанатизма и суеверий, которые сковывали мысль и ставили неодолимые преграды свободе духа [9].

Такое мнение об оценке историками – просветителями эпохи Средневековья если и справедливо, то только отчасти

и в отношении лишь представителей французского Просвещения, хотя и у них встречаются компромиссные варианты трактовок этого периода. Так, например, Ж. А. Кондорсе (1743–1794) в «Очерке развития человеческого духа», с одной стороны, действительно характеризовал Средневековье как период «глубокого мрака». Но при этом всё же подчеркивал, что уже в XI–XV вв. начался прогресс человеческого духа, выразившийся в подъёме городов, увеличении количества людей, восстающих против коррупции, ханжества и суеверий. Кроме того, общеизвестный пример спора, начавшегося между Анри де Буленвильё (1658–1722) и Жаном Дюбо (1670–1742) и продолжавшийся между их сторонниками до середины XIX в. о сущности и причинах возникновения сословий во Франции, также не позволяет отрицать у историков-просветителей Франции интереса и внимания к Средневековью.

Необходимо отметить и тот факт, что у наиболее заметных историков-просветителей Англии и Шотландии не прослеживается столь же негативное отношение к Средневековью, более того, они уделяют значительное внимание этому периоду. В большинстве исследований, связанных с характеристикой особенностей историографии английского Просвещения, анализируются концепции лишь двух историков-просветителей, так или иначе затрагивающих эпоху Средневековья – Г. Болингброка и Д. Юма. Исходя из этого, мы большее внимание уделим трактовкам Средневековья У. Робертсона и Э. Гиббона.

В отечественной историографии труды Робертсона (1721–1793) рассматриваются крайне редко. Тем не менее, его работы регулярно упоминаются в различных историографических сборниках [3; 12; 13; 15]. В зарубежной историографии также крайне мало фундаментальных работ, его исторические взгляды лишь частично затрагиваются в некоторых исследованиях при характеристике общих черт англий-

ской исторической мысли этого периода [16; 21; 28, р. 432; 33, р. 497–506]. Наиболее известное исследование Дугальда Стюарта «История жизни и сочинений Уильяма Робертсона» (1801), в сущности, носит характер эссе, освещающее лишь жизнь и личность историка.

Взгляды У. Робертсона на Средневековые отражены в его 8-томном сочинении «History of Scotland during the reigns of Queen Mary and King James VI» («История Шотландии во времена правления королевы Марии и короля Якова VI») (Лондон, 1759) и в 3-томном сочинении «History of the reign of the emperor Charles V» («История правления императора Карла V»), правившего в 1519–1556 гг. [30; 31].

Рассматривая историю Шотландии, Робертсон повествует о правлении Карла V (в 3–5 тт.), а в «Истории правления королевы Марии и Якова VI» Робертсон рассматривает период от гибели Римской империи до начала XVI в. Сущность и особенности просветительской концепции истории проявляются у Робертсона в том, что его особенно интересовало изучение социально-психологического аспекта истории. Так, период от 700–1100 гг. Робертсон называет «тёмными веками». Однако он также даёт описание этого периода как времени прогресса общества в Европе после крушения Римской империи, подтверждая это историческими доказательствами и иллюстрациями. Более поздний период (от XII в.) он связывает с дальнейшим увеличением числа образованных людей и формированием в связи с этим «новых нравов».

По его мнению, на протяжении нескольких столетий, с VII до XI вв., в Европе господствовала феодальная система, что делало государства уязвимыми. Причина состояла в отсутствии «внутреннего согласия» и развращении умов и нравов общества.

Робертсон считал, что кардинальные изменения начались во времена крестовых походов. Новые знания о других странах вызвали настоящую бурю соци-

альной энергии. Рыцарям требовалось всё больше и больше денег на удовлетворение своих потребностей, а потому служить барону было уже не выгодно, и на первый план вышли государи. Обращает внимание Робертсон и на экономический аспект, который обычно ускользает от внимания исследователей: с расцветом восточной торговли усиливаются позиции независимых городов, в результате постепенно, но неуклонно происходят изменения и в феодальной системе правления. Это, в свою очередь, порождает «дух промышленности», что повлекло за собой возникновение нового «духа законов».

В период Позднего Средневековья в Европе начала формироваться новая «политическая система», причинами которой стало новое «сословие граждан», возникшее благодаря стремительно развивающейся торговле и «равновесию в могуществе» и в результате перемен в образе жизни и «нравов».

Это новое сословие нуждалось в относительно стабильных политических и экономических отношениях между странами Европы, что и привело к попытке создания новой системы европейской безопасности. Подтверждением этого тезиса является деятельность испанского короля из династии Габсбургов Карла V: этот монарх попытался создать «мировую христианскую державу», но потерпел неудачу, заключив Аугсбургский религиозный мир в 1555 г., и был вынужден отречься от короны.

Робертсону важно было не столько рассказать своим читателям об исторических событиях, не столько дать им свою оценку, сколько вовлечь их в диалог. Это можно увидеть по оборотам, которые постоянно появляются в тексте сочинения. Например: «если мы можем верить нашим историкам», «если мы можем судить», очевидно, направлены на то, чтобы заставить читателя задуматься над приведённым материалом [30]. Так, например, в «Истории Карла V», Робертсон предлагает своему читателю в сопо-

ставлении мнения трёх авторов, которые писали о Тридентском Соборе, и открыто пишет, что он вправе руководствоваться любым из них [31, р. 59–61].

В «Истории Шотландии» историк действует так, будто и вовсе «расследует» преступление. Например: «...либо мы вменим намерение убийства Говрие, либо королю...» [30, р. 158–159]. При описании заговора в Шотландии 1600 г. Робертсон призывает читателя ответить вместе с ним на целый ряд вопросов.

Отдельно стоит отметить и то, что Уильям Робертсон акцентирует внимание читателей на источниковедческой проблеме исторического сочинения. В частности, историк не раз подчёркивал, что чаще всего используют недостоверные баснословные и отрывочные источники о ранних веках шотландской истории [30, р. 1]. Однако сам Робертсон в качестве источников использовал материалы из шотландских и английских архивов, он первым в английской и шотландской историографии стал использовать комплекс ссылок и сносок, которые помещал в конце каждой главы.

На наш взгляд, достаточно оснований, чтобы прийти к выводу как о постановке Робертсоном проблемы достоверности исторических сведений, так и о своеобразии решения им этой проблемы, что существенно отличает его от французских просветителей, чаще всего отрицавших достоверность средневековых источников.

Особенность трактовки Средневековья проявилась и в периодизации, предложенной Робертсоном. Например, он выделил в истории Шотландии 4 периода, исходя не из событий, а из особенностей подходов к изучению шотландской истории, по степени возрастающего интереса и накопления знаний о ней [30, р. 5–6].

Крайне важным представляется и логика построения исторического сочинения у Робертсона, которую он стремится объяснить читателям. Так, он всегда обозначал переход к той или иной теме: «При-

ступаю теперь к обзору политического состояния Германской Империи»; «Я возвращаюсь теперь к истории испанских открытий» и т. д. [30, р. 236–237, 326].

Эдуард Гиббон в своём фундаментальном труде «История упадка и разрушения Римской империи» также не обходит вниманием Средневековье. Б. Рассел приводит собственные слова Э. Гиббона, которые, по его мнению, совпадают с оценкой просветителей: «Я описал триумф варварства и религии».

Попытаемся определить, о чём пишет Гиббон в отношении того периода, что мы именуем Средневековьем. Во-первых, он подробно описывает возникновение варварских королевств на территории империи: королевство вестготов, франков, гепидов, вандалов, остготов, бургундов, лангобардов [5, с. 11–15, 32, 40–41, 75–77, 127–129]. При этом он, приводя подробности, подчёркивает вынужденность действий по использованию одних «варваров» против других для обороны границ империи сначала Аэция, а затем и других имперских военачальников, и попытки использования их междоусобицы для сохранения целостности Западной империи. Так, например, с приглашёнными в качестве вспомогательных войск и поселёнными в западных провинциях варварами Аэций подписывал мирные соглашения, «своевременно заключённый им с Гензерихом мирный договор предохранил Италию от нашествия вандалов; ... в Галлии и в Испании императорская власть была восстановлена, и он заставил побеждённых им на поле брани франков и севов сделаться полезными союзниками республики», две колонии аланов он «предусмотрительно поселил на территории Валенсии и Орлеана, а их ловкая кавалерия оберегала важные переправы через Рону и Луару» [5, с. 11].

Гиббон приводит множество примеров междоусобиц варварских племён, которые использовали римляне. Особое значение он придаёт этой тактике при отражении Атиллы. «После смерти Клодио-

на, царствовавшего двадцать лет, его королевство сделалось театром раздоров и честолюбия двух его сыновей. Младший из них, Меровея, стал искать покровительства Рима; он был принят при императорском дворе как союзник Валентиниана и как приёмный сын патриция Аэция и возвратился на родину с великолепными подарками и с самыми горячими уверениями в дружбе и в готовности оказать ему помощь. Его старший брат в его отсутствие искал с таким же рвением помощи Атиллы...» [5, с. 16].

Во-вторых, Гиббон определяет причины лёгкого «закрепления» варваров на отведённых или захваченных ими землях. По его мнению, одна из причин состояла в том, что «римское правительство становилось с каждым днём всё менее страшным для своих врагов и всё более ненавистным и притеснительным для своих подданных, подати увеличивались вместе с общей нищетой; ...незнакомые с чувством справедливости богачи переложили с самих себя на народ несоразмерное с его силами бремя налогов и обратили в свою пользу все те сложения недоимок, которые могли бы иногда облегчать народную нужду. Строгие расследования, кончавшиеся конфискацией имущества и сопровождавшиеся пыткой обвиняемых, заставляли подданных Валентиниана предпочитать более простодушную тиранию варваров, укрываться среди лесов и гор или вступать в низкое и презренное звание наёмных слуг» [5, с. 36].

В-третьих, Гиббон подробно останавливается на процессе развития всех варварских королевств в эпоху Средневековья, прослеживая влияние религии, взаимодействие и развитие «варварских правд» и законов римского периода, развитие систем землевладения и управления. Особого внимания при этом заслуживает позиция мыслителя относительно дискуссии в XVIII в., возникшей в результате публикаций работ Анри Буленвилле и Жана Дюбо: история «и философия обратили своё внимание на древности

Франции, но даже философы не могли предохранить себя от заразы предрассудков и страстей. Тогда стали опрометчиво придумывать и упорно защищать не допускавшие никаких исключений системы, в которых шла речь или о личном рабстве галлов, или об их добровольном и равноправном союзе с франками, а невоздержанные спорщики стали обвинять друг друга в заговоре или против прерогатив короны и значения дворянства, или против народной свободы» [5, с. 136].

Свою позицию Э. Гиббон формирует в результате кропотливого анализа и сопоставления всех доступных в его время источников: это и Григорий Турский, и Эйнхард. Как пишет сам Гиббон: «я извлёк много сведений из двух учёных сочинений Гейнеция: История и элементы германского законодательства». Обращался он и к трудам Фонсемана, Монтескье, Мабли, Муратори [5, с. 136–137].

В итоге Гиббон считает, что хотя «законы варваров были приспособлены к их нуждам и влечениям, к их занятиям и способностям», а римские законы были более совершенны, «Меровинги не пытались подчинить своих разнохарактерных подданных однообразным правилам поведения, а позволяли каждому живущему в их владениях народу или семейству не стесняясь придерживаться своих местных постановлений. ...Каждый гражданин мог заявить в присутствии судьи, под каким законом он желает жить и к какому национальному обществу он желает принадлежать» [5, с. 138]. И «такая снисходительность должна была совершенно упразднить преимущества победителей, а жившие в завоёванных провинциях римляне должны были терпеливо выносить неприятности своего положения, так как от них самих зависело усвоить особенности вольных и воинственных варваров и тем приобрести одинаковые с последними привилегии» [5, с. 138].

В частности, Гиббон конкретизирует те изменения в обладании землёй, которые произошли в Галлии. Завоеватели

германцы присваивали себе до 2/3 земель, но, как он подчёркивает, такое распределение ограничивалось только теми округами, в которых «победители селились или по собственному выбору, или по политическим соображениям своих вождей», понимавших необходимость иметь для управления территориями грамотных и образованных людей, что приводило к родственным бракам [5, с. 142–143].

Положительные изменения в Галлии, как и в других королевствах, происходили и в управлении, и в экономике [5, с. 153–159]. Вместо коня или воинских доспехов каждый заслуживший награду получал соразмерно своему рангу «бенефицию (это было первоначальное название и самая простая форма феодальных владений)» [5, с. 144]. Однако французское дворянство «превратило свои бенефиции в вечную наследственную собственность, этот переворот был благодеянием для земледелия, остававшегося в пренебрежении у таких хозяев, которые были лишь временными владельцами земли» [5, с. 144]. Делая это замечание, Гиббон ссылается на Мабли, который «удовлетворительно объяснил перемены, происходившие во владении бенефициями и ленными поместьями..., что составляет с его стороны такую важную заслугу, какой не оказал даже Монтескье» [5, с. 144].

Гиббон чётко формулирует свою позицию в отношении дискуссии поднятой Буленвилье и Дюбо, «всё вышеизложенное даёт нам право относиться с пренебрежением к противоречивым и, быть может, преднамеренным искажениям, с помощью которых иные старались ослаблять, а иные – преувеличивать угнетения, вынесенные под управлением Меровингов жившими в Галлии римлянами. Завоеватели никогда не издавали никакого *всеобщего* эдикта о рабстве или о конфискации» [5, с. 150]. Если и были правонарушения, то они «не были повсеместными и совершались без всякой системы, и большинство римлян пережило этот переворот, сохранив за собой

и отличительные особенности, и привилегии граждан. Значительная часть их земель была отобрана в пользу франков, но та, которая у них осталась, была освобождена от всяких налогов, и та же самая грубая сила, которая уничтожила в Галлии всё, что принадлежало к сфере искусств и промышленности, уничтожила и сопряжённую с большими расходами систему императорского деспотизма» [5, с. 150–151]. В подтверждение Гиббон приводит сведения о римлянах, которые занимали должности высших начальников в Бургундии и Галлии. Более того, «свирепые и необразованные варвары не допускались в течение многих поколений ни на церковные должности, ни даже в духовное звание. Галльское духовенство состояло почти исключительно из туземных провинциальных жителей, высокомерные франки преклонялись к стопам своих подданных, украшенных епископскими титулами, и суеверие мало-помалу возвратило этим епископам влияние и богатства, уничтоженные войной» [5, с. 151]. Та же ситуация была характерна и для других территорий, например, лангобардского королевства [5, с. 81–84].

Гиббон считает, что «успехи суеверий и варварства были быстры и повсеместны, поклонение святым скрывало Бога христиан от толпы, а грубый язык крестьян и солдат исказился под влиянием тевтонского языка и тевтонского произношения. Тем не менее, эти религиозные и социальные узы искоренили различия, основанные на правах происхождения и победы, и жившие в Галлии племена мало-помалу слились в один народ под именем и под управлением франков» [5, с. 152].

Ещё одно обстоятельство содействовало закреплению и развитию варварских королевств: это деятельность христианской церкви и особенно епископов Рима – римских пап. Светская власть римских первосвященников разрасталась из-за общественных бедствий и междоусобиц между варварскими королевствами, и

«римские епископы, впоследствии потопившие Европу и Азию в человеческой крови, были вынуждены властвовать в качестве представителей милосердия и мира» [5, с. 89]. Проявлялась светская власть вследствие приобретения «над своими арендаторами и землепашцами права суда не только в гражданских, но и в уголовных делах» [5, с. 89].

Примечательно, что Гиббон, которого чаще всего обвиняли в негативной оценке деятельности христианства, в данном случае подчёркивает её положительную роль: «послания Григория I наполнены полезными наставлениями избегать сомнительных и придиричливых процессов, оберегать правильность весов и мер, соглашаться на всякие благоразумные требования отсрочки в платежах и уменьшать подушную подать...» [5, с. 89]. В расходовании доходов с церковных земель Григорий «действовал как верный эконо́м церкви и бедных и щедро тратил на их нужды <...>. Многотомные отчёты о его доходах и расходах сохранялись более трёхсот лет в латеранском дворце как образец <...>. Во время четырёх больших церковных праздников он раздавал деньги за четверть года на содержание духовенства, своей прислуги, монастырей, церквей, кладбищ, богаделен, римских госпиталей <...>. В первый день каждого месяца он раздавал бедным, смотря по времени года, определённое количество хлеба, вина, сыра, овощей, оливкового масла, рыбы, свежих провизий, одежды и денег...» [5, с. 89].

Усиление власти римских епископов Григория II и Григория III в VIII столетии Гиббон связывает с их противодействием «иконоборческому движению», принявшим вооружённый характер, который привёл к возврату к республиканским формам управления. Византийский флот и армия, посланные для наказания проявивших неповиновение жителей Италии, потерпели поражение: «мужчины взялись за оружие для защиты своей родины, все партии соединились ввиду

общей опасности <...>. Иноземцы отступили к своим кораблям, но густонаселённое побережье выслало множество шлюпок против неприятеля. Воды так сильно окрасились кровью, что местные жители воздерживались в течение 6 лет от употребления в пищу рыбы из этой реки...» [5, с. 244].

В итоге именно организаторская деятельность римских епископов и «необходимость заставила жителей Рима обратиться к самым грубым формам республиканского управления, им пришлось выбирать в мирное время судей, а в военное время – вождей; знать собиралась на совещания, а её решения приводились в исполнение лишь с одобрения народной толпы. И сенат, и народ стали употреблять старинные республиканские выражения, но эти выражения уже утратили прежний смысл, а вновь приобретённую независимость позорили шумные столкновения между своеволием и угнетением. Только влияние религии могло восполнить недостаток законов, а делами и внешней политики, и внутреннего управления руководило влияние епископа» [5, с. 245–246].

Такие формы управления в VIII столетии существовали недолго, поскольку угроза нашествия лангобардов заставила римских епископов, начиная с Григория I и вплоть до Стефана III, неоднократно обращаться к франкам за помощью. Гиббон подчёркивает парадоксальность и неизбежность гибели этой формы управления: «во времена Карла Мартелла и Пипина Лангобардское королевство, отделяя Рим от франкской монархии, угрожало его безопасности, но вместе с тем охраняло его свободу <...>. Могущество и политика Карла Великого уничтожили врага римлян, но дали им повелителя» [5, с. 250].

Однако римские епископы попытались отстоять некоторую самостоятельность, эту попытку Гиббон связывает с «Константиновым даром». «Подлог служит пособием для слабости и лукавства,

и могущественные, но невежественные варвары нередко запутывались в сетях церковной политики. Ватикан и Латеран были арсеналом, мануфактурой, где, смотря по надобности, фабриковались или скрывались разнообразные коллекции подложных или неподдельных, искажённых или подозрительных документов, склонявшихся к поддержанию интересов римской церкви. В конце VIII столетия какой-то апостолический книжник, а может и знаменитый Исидор, составил декреталии и дарственный акт Константина – эти два магических столпа, поддерживавших духовное и светское владычество пап» [5, с. 252–253].

Обращает внимание Гиббон и на изменения, которые произошли в королевстве франков в эпоху Карла Великого. «Не иначе как с уважением я могу упомянуть о законах Карла Великого, которые были предметом стольких похвал со стороны одного почтенного знатока (Эйнхард – Н.Я.). Они представляют не цельную систему, а ряд случайных и мелочных эдиктов касательно уничтожения злоупотреблений, исправления нравов, хозяйственного управления его фермами, ухода за домашней птицей и даже продажи яиц <...>. И как бы ни были слабы и неудовлетворительны попытки <...>, они всё-таки достойны похвалы» [5, с. 260–261]. Не оставляет без внимания Гиббон и изменения в финансовой области и в просвещении: «Он издал законы о строгом взыскании десятинной подати <...>. О заслугах Карла Великого по части просвещения свидетельствуют: основание школ, введение искусств, изданные от его имени сочинения...» и поощрения, которые он оказывал учёным [5, с. 261].

Политические изменения в конце правления Карла Великого Гиббон оценивает негативно, поскольку «единство и прочность его империи зависели от жизни его одного; он последовал опасному обыкновению разделять владения между сыновьями, и, несмотря на то, что он много раз созывал сеймы, оставленные

им учреждения порождали то неурядицу анархии, то неурядицу деспотизма» [5, с. 261].

Ещё одни серьёзные изменения, на которые обращает внимание Гиббон, произошли в XI–XII столетиях. «Жители Ломбардии воодушевились промышленной предприимчивостью и стремлением к свободе». Причину этого Гиббон связывает с тем, что муниципальное управление продолжало существовать в итальянских городах, т. к. это объяснялось «политическими расчётами императоров, которые старались воздвигнуть из привилегии простого народа оплот против притязаний независимой аристократии» [5, с. 273]. Самое большое развитие это получило в Тоскане, где возникли несколько республик. Особенности управления позволяют Гиббону характеризовать их как республики. «Влияние каждого из городов распространялось на весь их диоцез или округ; в деревнях юрисдикция графов, епископов и маркизов была отменена <...>. Законодательная власть принадлежала общему собранию, но исполнительная власть была вверена трём консулам, избиравшихся из трёх сословий, на которые была разделена республика...» [5, с. 273].

Похожая ситуация, но в большем масштабе, была характерна и для германских земель, где возникла «великая федеральная республика. Сеймы, сначала собиравшиеся часто, а потом сделавшиеся постоянным учреждением, поддерживали национальное мужество, и права верховной законодательной власти до сих пор принадлежат трём разрядам или коллегиям избирателей – германским владетельным князьям, вольным городам и имперским городам...» [5, с. 276]. Вскоре, вслед за развитием общества, общины признали третьей законодательной властью, и это нововведение «проникло в ту же самую эпоху, в среду национальных собраний Франции, Англии и Германии» [5, с. 276].

Гиббон проводит интересное сравне-

ние между первым римским императором Августом и императором Карлом IV: «Если мы мысленно перенесёмся через промежуток времени, отделяющий Августа от Карла, мы найдём резкую и поразительную противоположность между двумя Цезарями – между богемцем, скрывающим своё бессилие под маской призрачного величия, и римлянином, скрывающим своё могущество под личной скромности» [5, с. 278].

Совершенно очевидно, что если подходить к эпохе Средневековья с позиций образца для подражания или как к периоду «поучительных примеров», то оценка этой эпохи у французских и английских историков-просветителей близка и явно негативная. Однако то внимание, которое уделяют английские историки попыткам кардинальных изменений, процессу развития обществ и государств в эту эпоху, позволяет говорить о существенном своеобразии их отношения к Средневековью. Косвенными подтверждениями этого вывода являются современные отечественные и зарубежные исследования, посвящённые общим проблемам развития Просвещения.

Современная отечественная историография приходит к выводу, что сегодня Просвещение уже не может рассматриваться как «однородный идейный блок». Его уже не рассматривают как некий доктринальный канон, содержание которого поначалу тесно связывалось с трудами великих мыслителей – от Локка до Юма, от Монтескье до Руссо, от Лейбница до Канта», а затем его распространение на так называемую «периферию» Просвещения [14, с. 100–104].

Таким образом, либо необходимо пересмотреть мнение об отрицательном отношении и недостаточном внимании историков-просветителей к эпохе Средневековья, либо согласиться с существующей в современной историографии трактовкой о наличии нескольких «вариантов», или, по крайней мере, о наличии существенных особенностей у англий-

ского, французского вариантов просветительской исторической мысли. Этой дискуссии был посвящён коллективный сборник зарубежных исследователей «Мир Просвещения. Исторический словарь» [19].

Багдасарян В. Э.

Историческое сознание общества и учебники истории: противоречия в восприятии прошлого

Постановка проблемы

Историческое сознание выступает не только индикатором восприятия и знания прошлого, но и отношения к настоящему. Интерпретация событий и образов истории проецируется на современный политический контекст, задавая принадлежность к той или иной платформе в актуальной политике. Как политика определяет в данном случае взгляд на историю, так и восприятие истории влияет на формирование политической позиции.

При переходе к системе постсоветской государственности сохраняемая в значительной части общества приверженность советским интерпретациям истории объяснялась трудностями адаптации и ностальгией по СССР. Предполагалось, что в процессе смены поколений историческое сознание российского населения будет модернизироваться. Определённые тенденции в этом направлении действительно фиксировались, но они так и не превратились в тренд. Напротив, вопреки прогнозам обнаружился процесс ресоветизации исторического сознания. Позитивное отношение к советскому периоду истории фиксируется в последнее время среди молодёжи. Причём в возрастной группе от 18 до 24 лет симпатии к СССР оказались заметно выше, чем у более старшей молодёжи и у представителей среднего возраста.

Вместе с тем фиксируется и достаточно значительная группа населения, воспринимающая историю через призму

православно-монархического миропонимания. Для неё советский исторический нарратив либо неприемлем вообще, либо неприемлем в отношении к отдельным периодам (в частности, к начальному послереволюционному периоду).

Имеется и определённая группа, воспринимаящая прошлое с позиции либеральных представлений. Однако её удельный вес не столь велик и имеет тенденцию к снижению.

Казалось бы, учебники истории и являются главным инструментом формирования исторического сознания. Однако контент учебной литературы, несмотря на то, что она представлена относительно широким кругом авторов, как минимум, расходится с общественным восприятием прошлого. Доминирующая в нём методологическая линия теории модернизации более соотносится с пониманием истории либеральной группой, составляющей меньшинство.

Задача соотнесения исторического сознания российского общества и школьных учебников истории России и решалась в представляемом рассмотрении. В соответствующем анализе участвовали, с одной стороны, группа рекомендуемых к использованию в образовательном процессе учебников¹, с другой – база резуль-

татов социологических опросов, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фондом общественного мнения (ФОМ) и Левада-центром.

Николай II

С тенденцией ресоветизации вступает в противоречие заметный рост популярности Николая II. Через образ последнего русского царя фактически манифестируется приверженность позициям православия и в части случаев – православного монархизма. За Николая II преимущественно голосует та часть российского общества, которая не готова голосовать за В. И. Ленина и Октябрьскую революцию, но в определённой своей части готово поддержать И. В. Сталина. Канонизацию Николая II на начало 2000-х гг. поддерживало более 20% российского общества, и сегодня часть россиян относится к нему как к святому. При этом, согласно с опросом 2018 г., наиболее негативно к последнему русскому царю относится молодежь в возрастной генерации 18–24 лет².

320 с.; Киселев А. Ф., Попов В. П. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. Учебник. Базовый уровень. М.: Дрофа, 2014. 320 с.; Левандовский А., Мироненко С., Щетинов Ю. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. М.: Просвещение, 2015. 388 с.; Морозов А. Ю., Пазин Р. В. История России. 10–11 классы. XX – начало XXI века. Учебник. М.: Легион, 2019. 528 с.; Сахаров А. Н., Петров Ю. А., Загладин Н. В. История. Конец XIX – начало XXI в. 10–11 классы. Учебник в 2-х ч. Часть 2. Базовый и углубл. уровни. М.: Русское слово, 2019. 448 с.; Соколов А. К., Журавлев С. В. История России. XX – начало XXI в. 10 класс. Учебное пособие. Баз. и углуб. уровни. Часть 2. 1945–2014. М.: Русское слово, 2017. 289 с.; Чубарьян А. О., Пивовар Е. И., Данилов А. А. История России, XX – начало XXI века. 11 класс. Учебник. Профильный и базовый уровни. М.: Просвещение, 2011. 302 с.; Шестаков В. А. История. История России. 11 класс. Учебник. Углубленный уровень. ФГОС. М.: Просвещение, 2014. 415 с.

² Царская семья: общественная оценка спустя столетие // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9210> (дата обращения: 05.07.2021); Гражданская война в России: сто лет спустя // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/>

¹ Горинев М. М., Моруков М. Ю., Токарева А. Я. История России. 10 класс. Учебник. Часть 3. ФГОС. М.: Просвещение, 2019. 176 с.; Данилов А. А., Хлевнюк О. В., Шахрай С. М. История России. 11 класс. Учебное пособие. Базовый и углубленный уровни. В 2-х частях. ФГОС. М.: Просвещение, 2020. 112 с.; Данилов А. А., Косулина Л. Г., Брандт М. История России. XX – начало XXI века. 9 класс. М.: Просвещение, 2013. 400 с.; Данилов А. А., Моруков М. Ю., Горинев М. М. История России. 10 класс. Учебное пособие. Базовый и углубленный уровни. В 2-х частях. ФГОС. М.: Просвещение, 2021. 176 с.; Загладин Н. В., Петров Ю. А. История. Конец XIX – начало XXI века. Базовый уровень. 11 класс. Учебник. ФГОС. М.: Русское слово, 2019. 448 с.; Загладин Н. В., Петров Ю. А., Минаков С. Ф., Козленко С. И. История России. Конец XIX – начало XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных организаций. Углубленный уровень. М.: Русское слово, 2016. 424 с.; Измозик В. С., Рудник С. Н., Журавлева О. Н. История России. 10 класс. Учебное пособие. В 2-х частях. М.: Вентана-Граф, 2019.

Современные российские учебники относятся к Николаю II, безусловно, мягче, чем это было в советской учебной традиции. Однако это отношение всё равно имеет критическую направленность. Критика в основном состоит в том, что Николай II существенно запаздывал в проведении назревших реформ. Такая оценка вступает в противоречие с теми, кто поддерживает царя с православно-монархических событий, а соответственно, не принимает позицию о необходимости реформирования империи. В учебниках, как правило, уделяется достаточное, в соответствии с общим объёмом изданий, место расстрелу царской семьи, оцениваемому в качестве трагедии (но трагедии личной, как гибели людей), и ориентированности большевиков на террор. При этом позицию о «святости» царя, разделяемую частью общества, ни один из рекомендованных к использованию в образовательном процессе учебников не принял.

П. А. Столыпин

Некоторое время во властном дискурсе акцентированную поддержку приобрела фигура П. А. Столыпина. Популяризировался образ реформатора, сочетавшего либерально-реформаторский курс в экономике с приверженностью системе «сильной политической руки» в политике. Такой образ должен был, вероятно, вызвать соответствующие коннотации с актуальной политической ситуацией. Однако в обществе большой популярности фигура Столыпина так и не приобрела. Единственным прецедентом высокой популярности премьер-министра стала его вторая позиция в телевизионном голосовании в рамках проекта «Имя России» 2008 г. Тот факт, что в других опросах Столыпин не поднимался высоко, даёт основание полагать, что имело место искусственное уве-

личение результатов голосования¹.

При этом в учебниках фигуре П. А. Столыпина отводится традиционно большое внимание. Обосновывается, как правило, целесообразность его аграрных преобразований. Критическое направление в историографии столыпинских реформ, дающее отрицательную оценку самого замысла роспуска общины как подрыва цивилизационных основ российской государственности, как правило, в учебниках не представлено.

Первая мировая война

Первая мировая война по-прежнему остаётся одной из наименее известных для российского общества из знаковых событий XX столетия. Доля респондентов, считающих, что Россия победила в Первой мировой войне, примерно равна доле тех, кто осведомлён о её поражении. В объяснении поражения набирает популярность идея «удара в спину», сообразно с которой главным фактором поражения явилась революция. Усилилась имперская позиция в восприятии войны, проявляющаяся в представлении о целесообразности для России участвовать в ней в противоположность прежней точке зрения об империалистическом, антинародном характере конфликта².

Для учебников в целом имперский дискурс в интерпретации войн Российской империи не характерен. В освещении Первой мировой войны большое внимание уделяется различным проявлениям нефункциональности государственной системы, не позволяющей России оказаться победителем. Поражения связываются с сохранением архаических институций, модернизационным запаздыванием.

¹ Имя России [сайт]. URL: <http://www.nameofrussia.ru/> (дата обращения: 05.07.2021).

² Первая мировая в исторической памяти россиян // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9411> (дата обращения: 05.07.2021).

Февральская революция

Заметное расхождение официальной учебной версии с версией общественного восприятия истории проявляется в отношении к Февральской революции. В учебниках доминирует в целом позитивная её оценка как шанса либерализации российского государства и построения гражданского общества. Февральская революция в этой версии открывала для России перспективы модернизационного развития. Однако различные обстоятельства помешали ей пойти по пути либерально-демократической модернизации, перечёркнутой окончательно Октябрьской революцией. Закрепление в историко-культурном стандарте взгляда об одной революции вместо двух – Февральской и Октябрьской – фактически подводит к версии о единой сценарной драме несостоявшегося перехода на модернизационные рельсы развития.

Отношение в обществе к Февральской революции, в отличие от представляемого учебного взгляда, преимущественно негативное. Одна часть респондентов отвергает её с позиций православного монархизма, другая – с позиций социалистической революции. Феврализм в целом, ассоциирующийся с либерально-западнической идеологией, обнаруживает низкую популярность в современном российском обществе (при оговорке наличия у респондентов первичных знаний по истории). Получил распространение взгляд о Февральской революции как аналоге современных «цветных революций»¹.

В. И. Ленин

Наилучшей характеристикой сохранения советской исторической матрицы служит отношение в обществе к фигуре

В. И. Ленина. Положительные оценки его фигуры явно доминировали во всех опросах над отрицательными. Долгое время уже в постсоветский период он оставался самой популярной политической фигурой российской истории, уступив затем эту позицию И. В. Сталину. Некоторое снижение доли безоговорочно поддерживающих Ленина соотносится с одновременным снижением доли категорически не принимающих его фигуру. Поддержка Ленина молодёжью тоже остаётся на достаточно высоком уровне – до 60%, что противоречит представлению о том, что популярность советских исторических образов будет объективно снижаться при смене поколений².

Оценки учебников по отношению к фигуре Ленина явно резонируют с общественным мнением. В них лидер большевиков представлен в большей степени как аполитический авантюрист, радикал. Взгляды Ленина характеризуются как утопические, которые он был вынужден корректировать, столкнувшись с реалиями развития России и мира.

Октябрьская революция

Общество по-прежнему оценивает Октябрьскую революцию как величайшее, наряду с победой в Великой Отечественной войне, событие отечественной истории. Все социологические замеры показывают отношение к ней как явлению социально прогрессивному, исторически неизбежному и наилучшему сценарию в сравнении со всеми альтернативами³.

¹ Февральская революция: 90 лет без монархии // База данных ФОМ : [сайт]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/hist_ro/d070825; Февральская революция 1917. URL: <https://www.levada.ru/2017/02/14/fevral'skaya-revolutsiya-1917/> (дата обращения: 05.07.2021).

² Владимир Ленин // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/19/vladimir-lenin/>; Герои и жертвы Русской революции // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2835>; Ленин жил, Ленин жив, Ленин...? // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115661>; О Ленине // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/11472>; 150-летие Ленина // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14381> (дата обращения: 05.07.2021).

³ Back in the USSR? // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116009>; Владимир Ленин // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/19/vladimir-lenin/>

Для учебников характерно в целом негативное отношение к революции. Доминирует оценка о порочности насильственного революционного пути как такового. Революция в России рассматривается в качестве причины Гражданской войны, ставшей трагедией для российского социума. Обращает внимание расхождение этой интерпретации революции в России с революциями в странах Европы, оцениваемых как выражение социального прогресса.

Гражданская война

В изложении событий Гражданской войны, трактуемой как война братоубийственная, авторы учебников стремятся занять позицию над схваткой, уйти от маркировки правых и виноватых. Вместе с тем даётся параллельно изложение политики подавления большевиками оппозиции, «красногвардейской атаки на капитал», «военного коммунизма», «красного террора», определяющих более предпочтительное представление в целом позиции белых.

При этом общество преимущественно солидаризируется в конфликте Гражданской войны с красными. Около 1/3 населения заявляют о том, что в ситуации Гражданской войны они были бы готовы выступить на стороне красных, притом о готовности выступления на стороне белых говорит только 7% опрошенных. Большинство опрошенных полагает, что

Гражданской войны в сложившейся ситуации избежать было невозможно. И это расходится с позицией учебников о том, что к войне привёл политический радикализм оппонентов, а следовательно, и её предопределённости не существовало¹.

Симпатию общества к красным связывают также с их борьбой с иностранными интервентами. Акцентировка внимания на этом противостоянии определяет отношение к большевикам как к национальной силе. При этом в учебниках, напротив, иностранная составляющая конфликта оказывается нивелирована. Вместо используемого в советской учебной литературе наименования соответствующего раздела «Гражданская война и иностранная военная интервенция» теперь в историко-культурном стандарте и опирающихся на него учебниках используется название «Гражданская война».

И. В. Сталин и репрессии

Самым большим вызовом при рассмотрении трансформаций исторического сознания является стремительный рост популярности И. В. Сталина, ставшего по рейтингу популярности фигурой № 1 российской истории. При этом он не ассоциируется исключительно с коммунистической идеологией, и поддерживается помимо коммунистов респондентами, стоящими на православно-державных позициях. Сталин, чего не было ранее, оказался в последние годы брендовой фигурой и для значительной части молодёжи. Менее критично население стало относиться к практике сталинских политических репрессий. Приблизительно с 2015 г.

levada.ru/2017/04/19/vladimir-lenin/; Герои и жертвы Русской революции // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2835>; Ленин жил, Ленин жив, Ленин..? // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115661>; О Ленине // База данных ФОМ: [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/11472>; Октябрьская революция // Левада-центр: [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolutsiya-2/>; Октябрьская революция: 1917–2017 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446>; 1917–2017. Память о революции Инфографика ФОМ с основными результатами опросов про революцию // База данных ФОМ: [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/13839> (дата обращения: 05.07.2021).

¹ Гражданская война в России: сто лет спустя // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9180> (дата обращения: 04.07.2021); Гражданская война. Александр Колчак // База данных ФОМ: [сайт]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/hist_ro/rev_war/d084122 (дата обращения: 04.07.2021); 1917–2017. Память о революции Инфографика ФОМ с основными результатами опросов про революцию // База данных ФОМ: [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/13839> (дата обращения: 05.07.2021).

доля тех, кто считает, что репрессии могут быть оправданы, превысило удельный вес не находящихся им никакого оправдания¹.

Представления о роли Сталина в истории в российском обществе отличаются не только от современных, но и советских исторических учебников, в которых, как известно, в контексте политики «забвения» упоминания о нём были минимизированы. В современных учебниках, несмотря на то, что оценки в сравнении с генерацией учебников 1990-х гг. были несколько смягчены, даётся в целом негативная оценка сталинской политики. Политика Сталина рассматривается в значительной мере через призму его борьбы за личную власть. Репрессии определённо осуждаются и характеризуются как тягчайшая национальная трагедия. Объективных оснований для проведения репрессивной политики учебники не указывают. Негативно оценивается в учебной литературе также и политика коллективизации, тогда как в обществе к ней сохраняется преимущественно положительное отношение.

Великая Отечественная война

Великая Отечественная война справедливо оценивается в качестве важнейшего аттрактора консолидации российского общества. И общественное мнение,

и мнение авторов учебников в отношении к ней как к величайшему народному подвигу совпадают. Рецидивы учебников «соросовской» генерации по теме Великой Отечественной войны подверглись в своё время критике и были в целом преодолены. Однако обнаруживаются все же различия в акцентах интерпретации деятельности руководства страны в военные годы.

Учебники гораздо более критичны к власти, уделяют повышенное внимание её ошибкам, проявлениям неоправданной жестокости в ряде решений. Общество в большей степени настроено на оправдание деятельности советского руководства, признание целесообразности принимаемых жёстких мер. Если учебники подводят к позиции об одержанной победе вопреки тоталитарным рецидивам системы, то в общественном мнении утвердилось представление о её сопряжённости с образом Сталина. Точка зрения о том, что сталинское руководство не считалось с жертвами, имевшее значительную поддержку в 1990-е гг., оказалась в последних опросах минимизирована. Доля респондентов, разделяющих такой взгляд, снизилась с 36 и 34% в опросах 1991 и 1997 гг. соответственно до 9% по результатам опроса 2018 гг.².

Н. С. Хрущёв

Стремительный подъём рейтинга Сталина сказался соответственно на снижении популярности Н. С. Хрущёва, воспринимаемого под маркером «десталинизатора». Он и ранее не являлся особо популярной фигурой в российском обществе, не входил в перечень исторических героев. Однако в последние годы Хрущёв в общественном восприятии стал вос-

¹ Десталинизация: за и против // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1690>; Динамика отношения к Сталину // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/>; И. Сталин // База данных ФОМ : [сайт]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/old_pol/stalin/dd030831; О репрессиях, репрессированных и сильной руке // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2713>; Память о Сталине: за и против // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2891>; Сталин: тиран или герой? // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3031>; Уровень одобрения Сталина россиянами побил исторический рекорд // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2019/5cb0bb979a794780a4592d0c>; XX съезд КПСС: разоблачение культа личности // База данных ФОМ : [сайт]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/old_pol/stalin/dd060822 (дата обращения: 05.07.2021).

² Великая Отечественная война // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2018/06/20/velikaya-otechestvennaya-vojna-3/>; Война и Победа // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/13313>; День Победы // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/05/08/den-pobedy-4/> (дата обращения: 05.07.2021).

приниматься в качестве сугубо отрицательного персонажа, предшественника Горбачёва и Ельцина в демонтаже СССР. Судя по имеющимся тенденциям опросов, он всё очевиднее превращается в одного из главных российских антигероев¹.

В учебниках деятельность Хрущёва оценивается в целом неоднозначно, но в соотношении плюсов и минусов позитивная оценка все-таки преобладает. В заслугу ему ставится, прежде всего, то, за что его отвергает значительная часть общества – политика десталинизации. Положительно оценивается феномен хрущёвской оттепели, авторы учебников симпатизируют деятелям культуры, включившимся активно в процесс десталинизации.

Л. И. Брежнев

Напротив, отношение к брежневскому периоду в учебниках преимущественно негативное. Соответствующий этап в истории развития страны характеризуется через маркер «застой», подчёркивается рост за вывеской внутреннего благополучия латентных противоречий и конфликтов. Указывается на неготовность руководящих кадров и лично Л. И. Брежнева дать ответ на стоящие перед страной вызовы. В качестве стратегических ошибок учебники оценивают ввод советских войск в Чехословакию и Афганистан.

Население, напротив, относится к брежневскому времени с симпатией. Сам генеральный секретарь как политик имеет в общественном восприятии высокий рейтинг популярности. По результатам опроса Левада-центра 2017 г. он по разности положительных и отрицательных голосов и вовсе оказался определён в качестве лучшего правителя XX столетия. Диссонирует с оценками учебников и восприятие в обществе прецедентов применения советских вооружённых сил за рубежом. Ввод войск Организации Вар-

шавского договора в Чехословакию считают, согласно опросам ФОМ и Левада-центра, правильным решением больше респондентов, нежели полагающих, что это было ошибкой. По вводу войск в Афганистан пока ещё преобладает его оценка как ошибки, но тенденция изменения такой позиции по динамике социологических опросов прослеживается очевидно. По данным опроса ВЦИОМ 2019 г., среди молодежи 18–24 лет, только 19% считают ввод войск в Афганистан ошибкой, тогда как 48% считают вторжение целесообразным².

Распад СССР

Принципиально расходятся оценки обществом и учебников по вопросу об обстоятельствах гибели СССР. Учебная литература исходит из тезиса о предопределённости Советского Союза к гибели. Утверждается, что в условиях перехода в постиндустриальную фазу развития советская социалистическая модель оказывалась неконкурентоспособной по отношению к идущим по пути рыночной экономики странам Запада. Данная позиция нашла отражение в историко-культурном стандарте: «Мобилизационная модель экономики, созданная в СССР в 1930-е гг., оказалась эффективной лишь в экстремальных условиях форсированной индустриализации, войны и во время восстановления разрушенного хозяйства, когда продолжали действовать многие чрезвычайные законы военного времени. Однако в длительной перспективе мирного развития эта модель

¹ Россияне о Никите Хрущеве // Левада-центр : [сайт]. URL: <http://www.levada.ru/2014/10/17/rossiyane-onikite-hrushheve/> (дата обращения: 05.07.2021).

² Ввод войск в Чехословакию: 50-я годовщина // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14084>; Вывод войск из Афганистана: 30 лет спустя // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9556> «Левада-центр: более трети россиян не знают о вводе войск в Чехословакию в 1968 году // Новая газета : [сайт]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/08/20/144322-levada-tsentr-bolshe-treti-rossiyan-ne-znayut-o-vvode-voysk-v-chehoslovakiyu-v-1968-godu>; Правители // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2017/02/15/15388/> (дата обращения: 05.07.2021).

проигрывала соревнование с Западом, который в послевоенный период демонстрировал способность к эволюции, включая адаптацию многих достижений социализма». Сообразно с этими представлениями даётся позитивная оценка самой попытки реформирования советской системы, начатой М. С. Горбачёвым и продолженной Б. Н. Ельциным. Оба президента оцениваются в учебниках в большей степени положительно. Причины провала реформ видятся не в отступлении от модели социализма, а в ошибках, совершённых в ходе реализации проводимых изменений.

Общество не разделяет учебной версии о предопределённости распада СССР. Большинство респондентов, что устойчиво подтверждается различными опросами, придерживаются позиции, что гибели Советского Союза возможно было избежать. Советской системе, как политической, так и экономической, респонденты отдают предпочтение перед западной и постсоветской системами. Всё более широкую популярность приобретает такое объяснение причин распада СССР, как предательство элит. Горбачёв и Ельцин воспринимаются в обществе как резко отрицательные фигуры, занявшие позиции главных антигероев России¹.

¹ Августовский путч // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/14/avgustovskij-putch-2/>; Восприятие «Перестройки» // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/03/vospriyatie-perestrojki/>; Михаил Горбачев: преступник или жертва? // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115603>; Ностальгия по СССР // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgiya-po-sssr-2/>; О распаде СССР // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/11314>; О роли Михаила Горбачева // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Politika/12542>; Память о Борисе Ельцине и 90-х // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/12408>; «Перестройка» // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/23/perestrojka/>; Распад СССР: неизбежность или случайность? // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1732>; Эпоха Ельцина и распад СССР // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2016/02/01/epoha->

Выводы

Проведённое сравнение позволяет сделать вывод о критическом расколе в представлении официальной версии истории и историческом сознании населения. Обнаруживаемый раскол можно трактовать и в качестве дихотомии: взгляд элиты – взгляд народа. При этом приходится констатировать, что позиция учебников далеко не всегда выглядит более убедительной, чем позиция общества.

Диагноз сложившейся ситуации позволяет артикулировать запрос на формирование нового поколения учебников истории. Эти будущие учебники, очевидно, должны быть ценностно и концептуально ближе к историческому сознанию народа. Такой ориентир не означает предписания воспроизводить распространённые ошибки и заблуждения. Вопрос в другом: необходима учебная литература, и прежде всего по истории, выстраиваемая на ценностном фундаменте российской цивилизации, приоритетности задачи патриотического воспитания и формирования у подрастающего поколения чувства гордости за своё Отечество.

Смоленский Н. И.

Заключительное слово

Проблемой круглого стола является анализ формирования исторического сознания современной России. Начальной фазой переосмысления советской истории д. и. н., проф. Д. В. Маслов считает период перестройки и обоснованно доказывает этот выбор своим анализом соответствующей литературы. Переосмыслению подверглась и сталинская эпоха. Одним из главных источников переосмысления была политическая власть во главе с М. С. Горбачёвым. Основной и вполне обоснованный вывод проф. Д. В. Маслова заключается в том, что раз-

[eltsina-i-raspad-sssr/](https://www.levada.ru/2016/02/01/epoha-eltsina-i-raspad-sssr/); «Эпоха Ельцина» как мы ее помним // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115565> (дата обращения: 05.07.2021).

венчание советского прошлого в период перестройки сыграло одну из ключевых ролей в крахе советского строя и СССР как государства.

Принципиально важное научное и социально-политическое значение имеет выступление д. и. н., проф. В. Э. Багдасаряна, главным итогом которого является констатация несовпадения трактовки истории (в основном советского времени) в учебниках с тем, что относится к сфере исторического сознания. Отсюда вывод очевидной практической значимости: нужны новые учебники, основывающиеся на содержании исторического сознания в большей степени, чем это имеет место сейчас. Остаётся только не лишней проверка достоверности результатов социологических опросов, а дальше – обращение в Рособрнадзор по поводу обновления содержания учебников.

Вывод д. и. н. С. В. Журавлёва о важности многочисленных изданий по истории промышленных предприятий в СССР 1920–1940 гг. актуален и сегодня, однако является проблемой: в какой мере это реализуемо в условиях современной общественно-политической ситуации в России.

В выступлении к. и. н., проф. Н. А. Яснитского анализируется проблема истолкования просветителями средних веков, что имеет отношение к временным рамкам возникновения структуры и содержания исторического сознания. Связь времён как фактор исторической реальности имела и имеет место всегда, её превращение в вариант мышления, т. е. исторического сознания стало продуктом времени. В развитии философско-исторической мысли это впервые проявилось, судя по всему, у просветителей на основе их отношения к средним векам. Две эпохи – средние века и время бытия самих просветителей – связаны и обладают разницей в отношении их сущности, хотя обоснованной трактовки этой разницы просветители не дали. Однако всё же это был ранний вариант формирования исторического сознания. Он стал одной из причин формирования

другой модели исторического сознания представителями романтизма в немецкой и не только историографии конца XVIII в. – первой трети XIX в. Романтиков отличала ярко выраженная враждебность идеям просвещения и оценка средних веков как исторически необходимых и закономерных, а французской революции – как случайности. Взгляды просветителей и романтиков не были лишь научными позициями представителей философии истории и историографии, а характеризовали социально-политические взгляды двух прослоек общества той поры – зарождавшейся буржуазии и дворянства. Общей их основой было лишь одно – путь к смене общественного строя: насильственный или мирный (в зависимости от конкретной ситуации). Однако в любом случае это означало разрыв связи времён. Таким образом, необходимым и неизбежным условием смены исторического сознания является разрыв связи времён – мирный или насильственный; современная Россия переживает, как известно, первый вариант перемен в содержании исторического сознания.

Однако смена общественного строя не является единственной основой формирования нового исторического сознания в настоящее время, хотя, в конечном счёте, дело обстоит именно так.

Материалы круглого стола показывают, что первоначальный толчок к смене исторического сознания СССР исходил от государства, власти (Перестройка). Однако реальность сегодняшнего дня показывает, что источниками формирования исторического сознания является образование (учебники), средства массовой информации (телевидение, радио, пресса), структуры искусства. Зависят ли эти источники от властных структур общества? Конечно, да. Но какой может быть мера этой зависимости в интересах дела, может ли она быть безграничной? Конечно, нет. Наиболее острой и болезненной является проблема отношения к советскому прошлому, что разъединяет

сегодня многих. В образовании, в средах массовой информации следует не допускать неограниченного зачёркивания советского прошлого. Следует опереться хотя бы на такой исторический опыт, ставший одним из уроков истории: учебник М. Н. Покровского первых лет советского времени отличался отказом от систематического изучения российского прошлого, его «фрагментаризацией». Прошло некоторое время, и этот

учебник пришлось поправить: бывшее сделать не бывшим не удавалось никому. Впрочем, решение одной из основных проблем формирования современного исторического сознания в России – проблемы отношения к советскому прошлому – не исчерпывает всех задач указанного формирования и требует своих мер и усилий.

Дата поступления в редакцию 29.06.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Ю. Н. Иного не дано: судьбы перестройки, вглядываясь в прошлое, возвращение к будущему. М.: Прогресс, 1988. 674 с.
2. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М.: Политиздат, 1992. 352 с.
3. Высокова В. В. Шотландские просветители: круг идей // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 78–90.
4. Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / отв. ред. С. В. Журавлёв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 383 с.
5. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. В 7 т. Т. 4. СПб.: Наука, 1998. 402 с. Т. 4. Гл. XXXV, XXXVI. С. 11–13, 14–15, 32, 40–41, 75–77, 127–129.
6. Емельянов Ю. В. Сталин перед судом пигмеев. М., 2009. 416 с.
7. Журавлёв С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х гг. М., ИРИ РАН, 1997. 213 с.
8. Журавлёв С. В. Дневники московских метростроевцев 1930-х гг. как историко-культурный феномен // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 166–171.
9. Заборов М. А. Историография крестовых походов (XV–XIX вв.). М.: Наука, 1971 г. 386 с.
10. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. 494 с.
11. Иослович В. Массовое редактирование «Истории Автозавода им. Сталина» // История заводов. 1934. Вып. 3-4. С. 191–199.
12. Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / под ред. И. С. Галкина. Т. 1. М., 1967. 576 с.
13. Историография истории Нового времени стран Европы и Америки / ред. И. П. Дементьев. М.: Высшая школа, 1990. 512 с.
14. Карп С. Я. Что такое Просвещение? // Всемирная история. Мир в XVIII веке. Т. 4. М., 2013. С. 100–103.
15. Косминский Е. А.. Историография средних веков: V – середина XIX в. М., 1963. 430 с.
16. Кроче Б. Теория и история историографии. Раздел 2. Гл. V. М.: 1998. 192 с.
17. Лапицкая С. М. Быт рабочих Трёхгорной мануфактуры. М.: ГИИСТ, 1935. 200 с.
18. Логунов А. П. Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг. // Советская историография / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 447–487.
19. Мир Просвещения. Исторический словарь / под ред. В. Ферроне, Д. Роша. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 668 с.
20. Полянская Г. Из опыта работы в заводском архиве // История заводов. 1933. Вып. 4-5. 390 с.
21. Рид Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла. СПб.: Алетейя, 2000. 432 с.
22. Согрин В. В. К новому историческому сознанию // Историки отвечают на вопросы / сост. В. В. Поликарпов. Вып. 2. М.: Московский рабочий, 1990. 368 с.
23. Социализм: между прошлым и будущим / ред.-сост. В. П. Киселёв, И. М. Клямкин. М.: Прогресс, 1989. 424 с.

24. Смоленский Н. И. История и логика. Проблемы общесторической теории и природы исторических понятий. М., 2013. 183 с.
25. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М.: Политиздат, 1952. 805 с.
26. Шелохаев В. В. Дневник историка. М.: РОССПЭН, 2013. 510 с.
27. Шмидт С. О. Тема «История Великой Отечественной войны» и «Историки в Великой Отечественной войне» на страницах Археографических ежегодников // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. 383 с.
28. Brading D. The First America: The Spanish Monarchy, Creole Patriots, and the Liberal State 1492–1867. New York: Cambridge University Press, 1991. 761 p.
29. Mailly J.-B. L'Esprit des croisades ou Histoire politique et militaire des guerres entreprises... Dijon: Chez l'Auteur..., 1780. 508 p.
30. Robertson W. The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I–III // Robertson W. The works of W. Robertson in 12 volumes. Vol. I–III. Edinburgh; London, 1819. 745 p.
31. Robertson W. The history of Scotland 1542–1603. T. IV. London, 1759. 210 p.
32. Voltaire, Essai sur les mœurs. V. I. 520 p.
33. Womersley D. J. The historical writings of William Robertson // Journal of the History of Ideas. 1986. P. 497–506.

REFERENCES

1. Afanasev Yu. N. *Inogo ne dano: sudby perestroiki, vglyadyvayas v proshloe, vozvrashchenie k budushchemu* [No other way: the fate of perestroika. Looking into the past. Coming back to the future]. Moscow, Progress Publ., 1988. 674 p.
2. Bordyugov G. A., Kozlov V. A. *Istoriya i konyunktura: subektivnye zametki ob istorii sovetskogo obshchestva* [History and conjuncture: subjective notes on the history of Soviet society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 352 p.
3. Vysokova V. V. [Scottish educators: a circle of ideas]. In: *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Series: Humanities], 2013, no. 3 (117), pp. 78–90.
4. Zhuravlev S. V., ed. *Vklad istorikov v sokhranenie istoricheskoi pamyati o Velikoi Otechestvennoi voine. Na materialakh Komissii po istorii Velikoi Otechestvennoi voiny AN SSSR, 1941–1945 gg.* [The historians contribution to the preservation of the historical memory of the Great Patriotic War. Works of the Commission for the History of the Great Patriotic War of the Academy of Sciences of the USSR, 1941–1945]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr humanitarnykh initsiativ Publ., 2015. 383 p.
5. Gibbon E. *Istoriya upadka i razrusheniya Rimskoi imperii*. V 7 t. T. 4. [The history of the decline and destruction of the Roman Empire. In 7 volumes. Vol. 4]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 402 p. Part XXXV, XXXVI. P. 11–13, 14–15, 32, 40–41, 75–77, 127–129.
6. Emelyanov Yu. V. *Stalin pered sudom pigmeev* [Stalin before the pygmy court]. Moscow, 2009. 416 p.
7. Zhuravlev S. V. *Fenomen «Istorii fabrik i zavodov»: gor'kovskoe nachinanie v kontekste epokhi 1930-kh gg.* [The Phenomenon of the History of Factories and Plants: Gorky Initiative in the Context of the Era of the 1930s]. Moscow, IRI RAS Publ., 1997. 213 p.
8. Zhuravlev S. V. [Diaries of Moscow metro builders in the 1930s as a historical and cultural phenomenon]. In: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1997 god* [Archeographic Yearbook for 1997]. Moscow, 1997, pp. 166–171.
9. Zaborov M. A. *Istoriografiya krestovykh pokhodov (XV–XIX vv.)* [Historiography of the Crusades (15th–19th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 386 p.
10. Zinovev A. A. *Kommunizm kak realnost* [Communism as reality]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 1994. 494 p.
11. Ioslovich V. [Bulk editing of the «History of the Avtozavod im. Stalin»]. In: *Istoriya zavodov* [History of plants], 1934, no. 3–4, pp. 191–199.
12. Galkin I. S., ed. *Istoriografiya novoi i noveishei istorii stran Evropy i Ameriki*. T. 1 [Historiography of modern and recent history of the countries of Europe and America. Vol. 1]. Moscow, 1967. 576 p.

13. Dementev I. P., ed. *Istoriografiya istorii Novogo vremeni stran Evropy i Ameriki* [Historiography of the history of modern times in Europe and America]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 512 p.
14. Karp S. Ya. [What is Enlightenment?]. In: *Vsemirnaya istoriya. Mir v XVIII v. T. 4.* [The World History. Peace in the 18th century. Vol. 4]. Moscow, 2013, pp. 100–103.
15. Kosminsky E. A. *Istoriografiya srednikh vekov: V – seredina 19 veka* [Historiography of the Middle Ages: 5th – mid of 19th century]. Moscow, 1963. 430 p.
16. Kroche B. *Teoriya i istoriya istoriografii. Razdel 2. Gl. V* [Theory and history of historiography. Section 2. Ch. V]. Moscow, 1998. 192 p.
17. Lapitskaya S. M. *Byt rabochikh Trekhgornoi manufaktury* [Life of Trekhgornaya Manufactory workers]. Moscow, GIST Publ., 1935. 200 p.
18. Logunov A. P. [The crisis of historical science or science in the context of a social crisis: Russian historiography of the second half 80 – early 90s]. In: Afanasyev Yu. N., ed. *Soviet historiography* [Soviet historiography]. Moscow, 1996. P. 447–487.
19. Ferrone V., Rosh D., eds. *Mir Prosveshcheniya. Istoricheskii slovar* [World of Enlightenment. Historical Dictionary]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2003. 668 p.
20. Polyanskaya G. [Work in the factory archive]. In: *Istoriya zavodov* [History of factories], 1933, iss. 4-5, 390 p.
21. Reed T. Issledovanie chelovecheskogo uma na printsipakh zdravogo smysla [An inquiry into the Human Mind on the Principles of Common Sense]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000. 432 p.
22. Sogrin V. V. [Towards a new historical consciousness]. In: Polikarpov V. V., ed. *Istoriki otvechayut na voprosy. Vyp. 2* [Historians answer questions. Iss. 2]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1990. 368 p.
23. Kiselev V. P., Klyamkin I. M., ed. *Sotsializm: mezhdru proshlym i budushchim* [Socialism: between the past and the future]. Moscow, Progress Publ., 1989. 424 p.
24. Smolensky N. I. *Istoriya i logika. Problemy obshcheistoricheskoy teorii i prirody istoricheskikh ponyatiy* [History and logic. Problems of general historical theory and the nature of historical concepts]. Moscow, 2013. 183 p.
25. Stalin I. V. *Voprosy leninizma* [Questions of Leninism]. Moscow, Politizdat Publ., 1952. 805 p.
26. Shelokhaev V. V. *Dnevnik istorika* [Diary of a historian]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 510 p.
27. Shmidt S. O. [The topic «History of the Great Patriotic War» and «Historians in the Great Patriotic War» on the pages of the Archeographic Yearbooks]. In: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2005 god* [Archeographic Yearbook for 2005]. Moscow, 2007. 383 p.
28. Brading D. *The First America: The Spanish Monarchy, Creole Patriots, and the Liberal State 1492–1867*. New York, Cambridge University Press, 1991. 761 p.
29. Maiily J.-B. *L'Esprit des croisades ou Histoire politique et militaire des guerres entreprises...* Dijon, Chez l'Auteur, 1780. 508 p.
30. Robertson W. *The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I–III.* In: Robertson W. *The works of W. Robertson in 12 volumes. Vol. I–III.* Edinburgh; London, 1819. 745 p.
31. Robertson W. *The history of Scotland 1542–1603. T. IV. London, 1759.* 210 p.
32. Voltaire, *Essai sur les moeurs. V. I.* 520 p.
33. Womersley D. J. *The historical writings of William Robertson.* In: *Journal of the History of Ideas*, 1986, pp. 497–506.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;

e-mail: vardanb@mail.ru

Журавлёв Валерий Васильевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета;

e-mail: kaf-nnir@mgou.ru

Яснитский Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;

e-mail: yasnitsky@bk.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Nikolay I. Smolensky – Dr. Sci. (History), Departmentally Head, Department at the of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;

e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Dmitry V. Maslov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Recent History of Russia, Moscow Region State University;

e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean at the Faculty of History, Political Science and Law, Departmentally Head, Department of Medieval and Modern Russian History, Moscow Region State University;

e-mail: vardanb@mail.ru

Valeriy V. Zhuravlev – Dr. Sci. (History), Departmentally Head, Department of Contemporary Russian History, Moscow Region State University;

e-mail: kaf-nnir@mgou.ru

Nikolay A. Yasnitsky – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;

e-mail: yasnitsky@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Смоленский Н. И., Маслов Д. В., Багдасарян В. Э., Журавлёв С. В., Яснитский Н. А. Проблема формирования исторического сознания в современной России : круглый стол // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 42–77.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-42-77

FOR CITATION

Smolensky N. I., Maslov D. V., Bagdasaryan V. E., Zhuravlev S. V., Yasnitsky N. A. The problem of the formation of historical consciousness in modern Russia : round table discussion. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 42–77.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-42-77

УДК 930.85

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-78-90

ИЗОБРАЖЕНИЯ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ («КОПЕЙНЫЙ ЕЗДЕЦ») И КОННОГО ЦАРЯ НА РУССКИХ МОНЕТАХ XV–XVIII ВЕКОВ

Володихин Д. М.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Попытка определить происхождение, смысл, время и поводы к появлению в московской монетной чеканке символа «копейный ездец», который впоследствии обрёл положение ведущего регионального символа.

Процедура и методы. В статье рассматривается конкретный пример выявления имплицитной информации политического характера из нумизматических источников. В исследовании применялся неокантианский метод.

Результаты. Выдвигается концепция, согласно которой изображение «копейный ездец» (св. Георгий на коне), ставшее одним из ведущих символов сначала московской, а затем и российской государственности, взято из западноевропейской, скорее всего, из северо-итальянской иконографии и, возможно, связано с деятельностью гентуэзских монетариев. Сделан аргументированный вывод, согласно которому изображение «копейного ездоца» изначально не связано с изображением правителя, но в XVI столетии сливается с конным изображением русского царя.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в историю российской государственной символики.

Ключевые слова: историческая наука, Василий II, Иван III, Юрий Звенигородский, монетарии, «копейный ездец», конное изображение царя, российская государственность, чеканка монет, деньга, аспр

THE EQUESTRIAN IMAGES OF ST. GEORGE («RIDER WITH SPEAR») AND TZAR ON RUSSIAN COINS OF THE 15TH–18TH CENTURIES

D. Volodikhin

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the origin, meaning, time and reasons for the appearance in the Moscow coinage of the «penny rider» (or «rider with a spear») symbol which subsequently acquired the position of the leading regional symbol.

© CC BY Володихин Д. М., 2021.

Methodology. The article considers a specific example of identifying implicit information of a political nature from numismatic sources. The method is neokantian.

Results. A concept is put forward according to which the image of the «penny rider» (St. George on horse), which has become one of the leading symbols of Moscow and then Russian statehood, is taken from Western European, most likely from North Italian iconography and, possibly, is associated with the activities of Genoese monetaries. A reasoned conclusion was made, according to which the image of the «penny rider» was not initially associated with the image of the ruler, but in the 16th century it merged with the equestrian image of the Russian tsar.

Research implications. The results of the study contribute to the history of Russian state symbols.

Keywords: historical science, Vasily II, Ivan III, Yuri Zvenigorodsky, monetaries, «rider with spear», the equestrian image of tsar, Russian statehood, coinage, money, aspron

Введение

Для духовной сферы Московской Руси XIV–XVI столетий необходимо констатировать безоговорочное господство православия, активно влияющего и на государственную политику, и на область политической идеологии, а значит, и на государственную символику.

Складывание национально-государственной символики является одной из значимых составляющих грандиозного процесса формирования централизованных государств в Европе и России на излёте Средневековья, а также в начальный период Нового времени. Для юной России времён Ивана III и его ближайших преемников главными символами подобного уровня становятся двуглавый орёл и «копейный ездец». Если первый из них представляет собой «импорт» идеологической концепции в чистом виде, то второй – явление гораздо более укоренённое в русской почве и, что не менее важно, в почве православной. Это, в сущности, элемент региональной (московской) символики, получивший, в силу присвоения данному региону роли главного центра объединения русских земель, общегосударственный статус.

Но на вопросы о том, когда, по какой причине, при каких обстоятельствах «копейный ездец» обрёл положение ведущего регионального символа, пока не получено ясного и чёткого ответа.

Монетная чеканка в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. вообще напоминает своим разнообразием пёстрый восточ-

ный ковер. Разнобой заметен в весе, пробе монет и, разумеется, в прокламативных элементах оформления.

Понимание смысла тех или иных символов, попавших на монеты, крайне затруднено, в ряде случаев невозможно, более того, локализация и датировка монет, имеющих этот символ, встречает не меньше сложностей. Поэтому многое в большей степени «угадывается», вынужденно пребывает в зоне предположений, а не твёрдого знания. Происхождение, смысл и поводы к появлению в чеканке Великого Московского княжества принципиально нового символа, который получил наименование «копейный ездец», – ещё один из множества предметов дискуссии на этом поле.

Соображения, излагаемые автором в настоящей статье, представляют собой попытку хотя бы отчасти решить проблему, поставленную выше, с использованием нумизматических источников. Это не более чем гипотеза. Источники по данному вопросу настолько скудны, что на нынешнем уровне изученности проблемы нет ни единого шанса окончательно подтвердить или категорически опровергнуть выдвигаемые в данной работе предположения.

Смысл и использование символа «копейный ездец»

«Копейный ездец» – символ, хорошо известный по монетам, а затем по печатям (с 1480–1490-х гг.) великих князей московских. Автор статьи разделяет по-

зицию тех исследователей, кто видит в нём (как минимум, на раннем этапе, до XVI столетия) изображение святого Георгия, поражающего змия.

Популярность этого символа в монетной чеканке Великого княжества Московского росла постепенно. Роль первенствующего, главнейшего была приобретена им далеко не сразу. В период со второй половины XIV до середины XV столетия он значительно уступает по частоте использования иным символам московской государственности: прежде всего, всаднику с соколом в руке, петуху, человеку с секирой. Первенствует, несомненно, «сокольник» или «человек с соколом в руке». А если говорить конкретно о XIV столетии, то присутствие «копейного ездоца» на русской монете для этого периода вообще недоказуемо. Иными словами, названное изображение на монетах Москвы в ту пору, видимо, не использовалось.

Появляется «копейный ездец» на московских монетах в первой половине XV в. Распространённость его как символа, изображаемого на монетах, первые десятилетия растёт медленно, он, стоит повторить и подчеркнуть, явно проигрывает другим типам нумизматической иконографии.

При Иване III (1462–1505 гг.) всадник с копьём оказывается чуть более распространённым среди монетных типов, однако ведущее место всё же не занимает. При Иване Васильевиче намного чаще (фактически массово) эмитируются монетные типы московской деньги с «мечевым» всадником, а вот «копейных» – всего 3 типа [2, с. 32–33]. А при великом князе Василии III (1505–1533 гг.) «копейный ездец» совершенно уходит из монетного производства в Московском государстве и возвращается лишь при Иване IV [2, с. 65–90].

Лидировать в монетном чекане «копейный ездец» начинает лишь с середины XVI столетия, как раз со времён Ивана IV (1533–1584 гг.), и то в «сравнении» с

тем же «мечевым ездецом» [2, с. 95–128]. Господство «копейный ездец» обретает лишь в царствование его сына, царя Федора Ивановича (1584–1598 гг.) [2, с. 132–143]. Собственно, именно в середине – второй половине XVI столетия знак «копейного ездоца» становится не только наиболее «частотным» символом Российской державы, но и фактически обозначением номинала монеты достоинством в 1 копейку, а «мечевой ездец» – таким же обозначением номинала на гораздо более редкой в чеканке России монете достоинством в 0,5 копейки (деньга).

Большая часть серебряной монеты России второй половины XVI – начала XVIII столетия изготавливается с изображением «копейного ездоца», и это, безусловно, самое распространённое изображение в русской монетной чеканке при последних Рюриковичах, Годуновых, Лжедмитрии I, во 2-м земском ополчении. А при первых Романовых (от Михаила Федоровича до Петра I) он сохраняет абсолютное лидерство в монетной чеканке.

В начале XVIII в. Петр I проводит реформу монетного дела. В связи с этим «копейный ездец» меняет металл, перейдя с серебряных «чешуек» старомосковского типа на крупную медную копейку. Впоследствии он фигурирует на медных монетах Петра II, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II, затем вновь исчезает при императоре Павле I.

Позднее, уже в XIX в., этот символ, уйдя с пространства монеты в целом и уменьшившись, переместится на гербовые щиты, расположенные на груди двуглавого орла, который отчеканивали на аверсах общегосударственной монеты России самых разных номиналов – от золотой монеты до медной. В подобном виде «копейный ездец» сохранится на монетах Империи до 1917 г.

В советское время его, конечно же, вычеркнут из государственной символики и, следовательно, уберут с монет. Но после исчезновения советской социали-

стической государственности произойдет его реставрация: сначала на монетах малых номиналов, в размер всего монетного диска, затем – как элемент гербового щита на двуглавых орлах более крупных номиналов. И, разумеется, св. Георгий-всадник будет восстановлен как региональный символ, символ Москвы.

Происхождение и смысл названного символа трактуется по-разному. В «копейном ездеце» в разное время специалисты видели «правителя на коне», «воина», «св. Георгия Победоносца», а также некую фигуру, аккумулирующую сразу несколько смыслов из числа названных выше.

Выше уже было сказано, что автор настоящей статьи принимает в качестве единственно возможной третью из перечисленных трактовок (св. Георгий-всадник). Нумизматические источники говорят о правильности названной версии однозначно: среди монет XV в. (а в XIV в. этого символа в русском чекане ещё не существовало), как правило, обнаруживаются варианты «копейного ездеца» с отлично различимым змием под копытами. Реже – змия не видно или видно плохо. Иначе говоря, у истоков монетного чекана Москвы с данным символом стоит именно св. Георгий, а не правитель и не конный ратник. Позднее, в период Московского царства и Российской империи, появляются варианты, где змия нет. Уточним: если говорить о чекане допетровского и раннепетровского старомосковского типа, то речь идёт о периоде с середины XVI в. до второго десятилетия XVIII в. Предположение Г. А. Федорова-Давыдова, согласно которому «ездец» (имеется в виду любой «ездец», без разбора: копейный или нет) – это «символическое изображение самого князя» [16, с. 131–135], автором этих строк отвергается.

Но этот тезис касается лишь изначального варианта с изображением «копейного ездеца» на московских монетах. Любопытно проследить, когда именно

всадник с копьём лишается элементов иконографии, чётко связывающей его с большим христианским святым, и когда именно он начинается ассоциироваться с государем.

Нумизматический материал Московского государства, хорошо изученный и каталогизированный, позволяет дать чёткий ответ на этот вопрос. При великом князе Иване III на монетах всех трёх типов, отмеченных изображением «копейного ездеца» [2, с. 32–33], видно, что это, с одной стороны, св. Георгий, и под копытами его коня отчётливо виден змий; с другой стороны, на голове у всадника – трёхзубцовая корона, что позволяет видеть в нём ещё и правителя. Так оказались слиты два принципиально разных образа: св. Георгия и государя на коне. Все три монетных типа с «копейным ездецом» отмечены также именем великого князя, написанным арабской вязью. Подобного рода монеты выпускались для хождения на землях Казани, завоёванной в 1487 г. и надолго превращённой в московский протекторат. Можно предположить, что мусульманскому населению, не сведущему в христианской агиографии, показали святого как правителя, желая, быть может, усилить авторитет нового платёжного средства. Впрочем, нельзя исключить и другой версии: изображение св. Георгия в монаршем головном уборе может быть связано с рождением у Ивана III сына Юрия, тезоименитого св. Георгию, весной 1480 г. В честь знаменательного события могло быть запущено несколько монетных эмиссий, представлявших Георгия-Юрия как «царскую кровь», а имя отца на арабской вязи в этом случае связывается с победой над ханом Ахматом на Угре осенью того же года: ордынцам «представляли» победителя, который в будущем может претендовать на власть и над ними. Конечно, это не более чем гипотезы.

При Иване IV (1533–1584 гг.) змия нет ни на одной монете с «копейным ездецом». А вот корона (или подобие «Шапки

Мономаха») присутствует почти у всех – за исключением весьма немногочисленных чеканов Новгородского и Псковского монетных дворов, относящихся ко времени до принятия Иваном IV царского титула в 1547 г. [2, с. 114–115, 125]. И. Г. Спасский и А. С. Мельникова даже писали о возможности прямого портретного сходства между всадником на монетах и живым, постепенно взрослеющим, а затем стареющим Иваном IV [5, с. 121–123; 12, с. 49–53].

Итак, в конце XV столетия два образа сливаются воедино, а в середине XVI в. понимание «копейного ездоца» как царя на коне оказывается преобладающим и продолжит таковым оставаться на российской серебряной монете вплоть до Петра I, точнее, до 1717 г. В 1717 г. «староманерное» серебро (чешуйки) уйдёт из монетного производства. Любопытно, что на петровской медной копейке (массово выпускалась в 1704–1718 гг.) изображение «копейного ездоца» лишается атрибутов как царя, так и святого: ни короны, ни змия [15, с. 183–187]. Изображался некий абстрактный «ездок», сохранивший у народа ассоциацию с государем российским, но для самого Петра I представляющий собой, как видно, архаику, сохраняемую на грани терпения. «Воскреснет» святой Георгий ненадолго при Петре II – на медной же копейке (именно как святой: без короны, но со змием¹), а потом, после перерыва на два царствования, окончательно утвердится на монетах императрицы Елизаветы Петровны – как святой, безо всяких признаков царственности [15, с. 192, 196].

Происхождение символа «копейный ездец»

Итак, пришло время вернуться к вопросу о происхождении названного символа в момент самого раннего появления

его в монетной чеканке Москвы. Можно назвать две более или менее обоснованные трактовки вопроса.

Первая из них, менее вероятная, состоит в том, что великокняжеские чеканщики решили воспользоваться дурно расшифрованной символикой крупного малоазиатского православного государства, Трапезундской империи. Там со времён императора Алексея II (1297–1330 гг.) до правления императора Иоанна IV (1447–1458 гг.) включительно чеканились серебряные аспры с конными портретами св. Евгения Трапезундского и правителя (на другой стороне). У «соседей», государей Киликийской Армении, конное изображение государя появилось на монетах раньше, оно могло быть воспринято ими от антиохийских крестоносцев (у них, кстати, это был не государь, а именно св. Георгий-змееборец) или сельджуков Рума и, возможно, трапезундцы переняли его у армян. Св. Евгений на монетах Трапезунда держит в руке длинную крестовину, а император – скипетр. Притом в XV в. изображения обоих становятся до такой степени грубыми и слабо читаемыми, что и крестовину, и скипетр нетрудно было принять за копьё; этому могло способствовать ещё и другое обстоятельство: трапезундская монета мельчает, на сравнительно небольших «чешуйках» позднего чекана порой вообще не очень просто что-либо разобрать. Иконографически оба портретных изображения недалеки от московского «копейного ездоца». Монеты Трапезундской чеканки были знакомы Москве, как минимум, по торговым и политическим отношениям с крымским княжеством Феодоро, где трапезундская монета ходила в больших массах (подтверждается археологическими находками).

Любопытно, что другой символ русской государственности (в основе своей – старомосковской государственности) был, вероятно, также связан с «импортом» из Трапезундской империи. Речь идёт о двуглавом орле, который чеканил-

¹ Хотя копейки Петра II и выглядят, мягко говоря, экзотично: большой святой из III в. н.э. восседает на коне в европейской широкополой шляпе Нового времени.

ся на поздней меди трапезундцев, а не только присутствовал в Палеологовской символике. Так, например, двуглавый орёл совершенно отчётливо прочитывается на медных монетах императоров Иоанна II Великого Комнина (1280–1297 гг.) и Алексея III Великого Комнина (1349–1390 гг.).¹

Теоретически иконография святого Евгения Трапезундского напоминает иконографию святого Георгия-Победоносца. Современному человеку может показаться, что принять одного за другого не столь уж сложно, более того, могла произойти «трансформация» иконографии, так сказать «по подобию». Но для образованных книжников Средневековья подобная путаница вряд ли представляема. Поэтому первая трактовка вопроса содержит натяжку.

Более правдоподобной выглядит вторая трактовка: в «копейном ездеце» великого княжества Московского легче увидеть вариацию на тему иконографии св. Георгия, распространённой в Западной Европе.

Важная оговорка: именно западной, а не трапезундской, византийской, южнославянской и собственно русской. На монетах и печатях Константинопольской империи св. Георгий присутствует как минимум с XI столетия, а в XII столетии его изображения получают весьма широкое распространение на электровых аспрах Иоанна II Комнина (1118–1143 гг.) и медных тетартеронах Мануила I Комнина (1143–1180 гг.). Да и позднее, вплоть до второй половины XIII столетия, на византийской монете (включая сюда чеканку монетного двора в Магнезии) св. Георгий встречается нередко. Как тезоименитый правителю, св. Георгий помещался на монетах трапезундского

императора Георгия I Великого Комнина (1267–1280 гг.). На Руси св. Георгий как символ используется в монетном деле с первой половины XI в. – на хорошо известных сребрениках Ярослава Мудрого.

Но даже самое внимательное прочтение символики нумизматических памятников как древнерусской, так и византийской государственности указанного периода не позволяет найти схожие типы изображения. Во всех перечисленных случаях это другая, притом широко распространённая, иконография св. Георгия. На монетах и печатях видны погрудные изображения святого, порой поясные или ростовые. Святой Георгий-всадник не используется монетариями и не появляется на памятниках сфрагистики. Более того, сам факт появления конных портретов в чекане «Империи ромеев» – явление редкое, случайное. При Палеологах, видимо, под влиянием западноевропейской монеты, конные портреты появляются в середине XIV столетия, используются на протяжении нескольких десятилетий (притом нечасто, можно сказать, на периферии монетного производства) и исчезают в первой четверти XV в. Стоит подчеркнуть: ни один из монетных типов подобного рода не может трактоваться как изображение св. Георгия.

Св. Георгий-всадник, поражающий копьём змия, вообще исключительно редок в византийском искусстве, и уж точно в искусстве столицы Империи, духовном и интеллектуальном средоточии державы. Следует назвать разве что фрески в провинциальных храмах малоазийской области Каппадокии (постройки XI в.), Кипра (постройки конца XII в.), Крита (последние – поздние, Палеологовской эпохи) [13, с. 107]. Во всех случаях это периферийные области Империи.

Святой Георгий-конник с копьём, поражающий змия, слабо известен и русским художникам вплоть до XV–XVI вв. В качестве исключения можно назвать фреску «чудо св. Георгия о змие» в Георгиевском храме Старой Ладogi. Но здесь

¹ Прим.: Наиболее полно представлены в книге Соколовой И. В. [11] и на электронном ресурсе Labarum project: Монеты Византии, Трапезунда и Христианского Востока <http://labarum.info/cat/thumbnails.php?album=72>; <http://labarum.info/cat/thumbnails.php?album=44> (дата обращения 11.03.2020).

возникает серьёзная проблема с датировкой: появление памятника живописи напрямую связано с датой соответствующего этапа строительных работ храмового здания церкви; а время её возведения не отражено в письменных источниках: ни в летописях, ни в документах. Отсюда – известный спор В. Н. Лазарева и В. Д. Сарабьянова по этому поводу. Впрочем, проблема шире спора между этими двумя исследователями.

В сущности, нынешняя датировка возведения этой церкви (XII в., где-то между 1180 г. и 1200 г.) основывается на хрупких рассуждениях, связанных со стилистикой зодчества и, весьма возможно, будущие исследования скорректируют её, отнеся к значительно более позднему времени. Ведь в письменном источнике храм упоминается впервые лишь под 1445 г.

В. Д. Сарабьянов, видимо, понимая всю уязвимость своих теоретических построений, делает ряд оговорок, оставляющих всё же вопрос о датировке первого здания храма открытым. Имеет смысл привести значительный фрагмент из его монографии, специально посвящённой этой церковной постройке: «Георгиевская церковь представляет собой характерный для Новгорода второй половины XII столетия вариант четырёхстолпного храма, увенчанного одной главой и имеющего три равновысокие апсиды ... Существующая ныне церковь св. Георгия возведена на более древних фундаментах. Недавние исследования памятника показали, что его первоначальный план имел принципиальные типологические отличия от существующей постройки. Согласно первоначальному замыслу, боковые апсиды храма были пониженными, а хоры в нём отсутствовали. Подобный тип храма, редкий для древнерусского зодчества XII в., известен нам на примере двух построек архиепископа Нифонта – Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря во Пскове (ок. 1140 г.) и ... Климентовской церкви в Старой Ладогe (1153 г.). Логично предпо-

ложить, что Георгиевская церковь также была заложена ещё при владыке Нифонте, т. е. в середине 1150-х гг. Однако после его кончины в 1156 г. возведение церкви было отложено на неопределённый срок. Возобновление строительства произошло уже в другой период деятельности артели, когда новгородскими зодчими был разработан и хорошо усвоен новый тип небольшого храма с тремя высокими равновеликими апсидами и хорами, на которые вела внутрстенная лестница в толще западной стены. Этот тип храма, сложившийся в 1160–1170-х гг., во многом определял новгородское строительство вплоть до конца XII столетия. Строители церкви использовали старый фундамент, мастерски приспособив его к новой типологии храмового здания, но это неизбежно повлекло за собой отмеченное нарушение пропорциональных соотношений ... В нашем распоряжении нет никаких документальных сведений о времени постройки Георгиевской церкви и украшения её фресками. Основываясь на технологических особенностях памятника, можно с уверенностью констатировать лишь тот факт, что возведение храма и написание фресок произошли почти одновременно, с перерывом не более чем на год. Однако художественные, типологические и иконографические особенности архитектуры и стенописи позволяют достаточно уверенно ограничить время создания памятника последними двумя десятилетиями XII в. Определённость подобной датировки, основывающейся на категориях, не подлежащих, казалось бы, строго рациональному анализу, не должна тем не менее вызывать скептическое отношение. Не следует забывать, что эволюция средневекового искусства, являясь во многом коллективным процессом, опирающимся на веками вырабатываемые каноны и правила, весьма последовательно и объективно отражала закономерности исторического и духовного развития общества. Поэтому постижение этого процесса во всей его полноте

позволяет порой очень точно определить время строительства храма, создания фрески или иконы» [9, с. 4, 8–9].

Итак, с одной стороны, «логично предположить...», с другой – «определённость подобной датировки, основывающейся на категориях, не подлежащих, казалось бы, строго рациональному анализу, не должна, тем не менее, вызывать скептическое отношение...». Должна и вызывает. А последние строки приведённой выше цитаты больше напоминают не научную аргументацию, а заклинание или самоуверение автора. Строительство храма могло происходить и гораздо позднее, пусть и под влиянием более древних образцов...

Фактом же остаётся то, что время строительства фундаментов неизвестно, время возведения храма в неполном соответствии с фундаментами тоже неизвестно и, следовательно, датировка фрески по сию пору – нерешённая научная проблема.

Такой знаток древнерусской архитектуры домонгольского периода как П. А. Раппопорт осторожно пишет: «Датировка памятника не вполне ясна. Большинство исследователей относят его к XII в., главным образом, ко второй его половине»; и далее идёт ссылка на мнение В. Н. Лазарева, относившего возведение храма к 1160-м гг. на основе «предполагаемой связи храма с политическими событиями», – иначе говоря, опираясь на весьма зыбкую почву [8, с. 78].

В целом же следует сказать, что вопрос о том, когда именно распространилась в древнерусской живописи иконография св. Георгия на коне, попирающем змия, требует дальнейшего основательного изучения. Даже если правы те, кто с максимумом оговорок датирует названную фреску в ладожской Свято-Георгиевской церкви XII столетием, единичный факт тенденции не создаёт.

Та же ситуация и с памятниками сфрагистики. До настоящего времени известна лишь одна печать (в 3-х экземпля-

рах) домонгольского времени, которая совершенно определённо несёт на себе конный портрет св. Георгия; датировка и атрибуция её вызывают вопросы: это, возможно, печать князя Всеволода Юрьевича (1220-е гг.), однако её также соотносят и с некоторыми другими князьями XIII столетия, в частности, с его отцом и дедом; более того, на этой печати св. Георгий-всадник не имеет в руках оружия, а под копытами его коня нет чудовища [13, с. 109–111]. Таким образом, названная иконография далека от традиционных изображений московского «копейного ездоца» как змееборца.

Тогда откуда же пришла в Москву иконография св. Георгия-всадника? Вероятно, изображение св. Георгия на коне, сражающегося со змием, ставшего прототипом для символа, принятого московскими монетариями («копейного ездоца»), привито старомосковской культуре не новгородцами и не представителями «Империи ромеев», а мастерами-денежниками одного из государств Северной Италии.

Их трудом великие князья московские пользовались в режиме откупов, которые могли быть пожалованы частным лицам. Источники отмечают подобную практику при Иване III. Но скудость документов по средневековой Москве XIV–XV столетий позволяет заподозрить, что она существовала и ранее, просто не может быть прослежена по дошедшей до наших дней источниковой базе.

Для западноевропейской традиции св. Георгий на коне, с копьём, своего рода «рыцарственный святой» – изображение широко распространённое. Притом не только в живописи, но и на монетах. Антиохийское княжество крестоносцев ещё в XII в., при Рожере Салернском, выпускало монету с именно такой иконографией св. Георгия. Мало того, видимо, от крестоносцев она перешла к сельджукам Рума, также чеканившим монеты со всадником схожего вида. Такой же «святой рыцарь» характерен и для Северной

Италии, особенно же для геральдики Генуи – «республики святого Георгия».

Уместно предположить, что определённое влияние на «иконографию» московского ездеца оказала именно генуэзская геральдика, в частности, символика генуэзского банка св. Георгия, известная в Москве, например, по медным монетам Каффы (фолларо) середины XV в., а также по торговым связям с Генуей.

Влияние новгородской и в целом северо-русской традиции изображения Георгия-воина на московскую утверждал В. Н. Лазарев, в то время как полемизировавший с ним М. В. Алпатов с некоторой натяжкой пытался напрямую связать редкие византийские изображения конного св. Георгия с поздними московскими [1, с. 292–310; 4, с. 217–220]. А вот Н. А. Соболева прямо писала о северо-итальянском влиянии на московские конные изображения Георгия-воина, правда, лишь при Иване III [10, с. 100–120].

Утверждение «копейного ездеца» в качестве регионального московского символа произошло *намного ранее правления Ивана III*. Вполне допустимо предположение Н. Д. Мец, согласно которому великий князь московский Юрий Дмитриевич, тезоименитый св. Георгию, в 1434 г. «...на своих монетах помещает изображение всадника с копьём, поражающего змея. Изображение всадника с копьём вытесняет изображение всадника с соколом в чекане великого княжества Московского и остаётся в нём также после возвращения Василия II в Москву. В дальнейшем ему суждено будет стать основным монетным типом Московского княжества и даже его гербом в образе “ездеца с копьём”» [6, с. 54].

Предположим, что именно Юрий Дмитриевич призвал генуэзских монетариев из Каффы. Или он воспользовался услугами уже известной с более ранних времён бригады монетариев для чеканки монет с избранным символом. Это возможно. Ведь нет твёрдо установленной датировки появления мастеров-денеж-

ников при дворе московских правителей. Более того, надо отметить, что качество и технология изготовления колониальных генуэзских аспров Каффы XV в., аспров, предположительно отчеканенных в Тане, а также малых аспров позднего Трапезунда весьма схожи с монетной чеканкой как в Крымском ханстве ранних Гиреев (акче), так и в Московском великом княжестве Калитичей, преемников Дмитрия Донского (деньга).

В данном случае мы обращаемся к монете как к вещественному источнику. И под этим углом зрения открывается разительное сходство огромного количества массовых эмиссий серебряной монеты XV столетия в Восточной Европе и Малой Азии. Вес тысяч и тысяч нумизматических памятников, открытых археологами и лежащих в музеях, а также попавших в частные коллекции, пребывает в диапазоне от 0,5 г. до 1,0 г. Серебро Трапезунда периода самостоятельной государственности (до 1461 г.), Крымского ханства (с середины XV столетия), Московской Руси (на протяжении всего XV в.), Таны (нет чёткой хронологической привязки, но, скорее всего, первые три четверти XV в., и, возможно, чеканка производилась по заказу княжества Феодоро), а также генуэзской Каффы (20-е–70-е гг. XV столетия) – привозное. Его во всех перечисленных случаях получали не из собственных рудников, а от торговли, пошлин, а также из военной добычи.

Что касается производства аспров, акче, московских денег на этом колоссальном пространстве, то оно имело однотипный характер. Из серебра «волочили» проволоку. Разрубив её на маленькие кусочки, впоследствии эти фрагменты плющили и осуществляли на полученных заготовках чеканку монеты. Состояние многих тысяч монет греческого, итальянского, татарского и русского происхождения позволяет судить об этом без тени сомнения.

Следует отметить также и тот факт, что во всех перечисленных случаях мо-

нетариев не интересовало достижение высокого уровня качества. Нормальным делом считались сдвиг штемпеля и значительный отход веса монеты от нормативного. В большинстве случаев часть надписей и изображений прочесть в принципе невозможно: в процессе чеканки они «ушли» за пределы монетного диска.

Принципиальной разницы в рабочих процессах нет, как нет её и в эстетическом уровне продукции. Наверное, имеет смысл сделать акцент на этой концепции: в XV столетии целый ряд типов трапезундских и каффинских аспров, акче Хаджи-Гирея, Нур-Давлета, Менгли I Гирея (в меньшей степени), а также ряда более поздних крымских ханов до середины XVI столетия даже в композиционном оформлении легенды и изображений имеют явное сходство как между собой, так и с московской великокняжеской деньгой времён Василия II Тёмного и Ивана III Великого. На деньгах Ивана III двух типов [2] по центру размещена 8-лучевая звезда в круге, а по краям – арабская надпись с обозначением номинала. На целом ряде крымско-татарских монет, отчеканенных при названных выше правителях, также по центру изображена звезда (колесо?), только с меньшим количеством лучей. Родовая тамга Гиреев располагается чаще всего в ободке, имеющем форму круга (сплошного или из точек), а время от времени – ромба, совершенно так же, как на многих типах каффинских аспров расположен символ эмиттента – «замок». На деньге другого типа, относящейся к правлению того же Ивана III, с именем великого князя, переданным по-арабски («Ибан») в круге по центру монеты [2], другая сторона занята изображением «копейного ездоца».

Поневоле возникает предположение: а не обслуживала ли одновременно несколько государств одна корпорация каффинских денежных мастеров? Или шире – денежных мастеров генуэзского происхождения? Подтвердить прямо и

веско эту идею невозможно за отсутствием документальной базы, но косвенные признаки использования «общей команды» или хотя бы «общей традиции» в работе монетариев, связанных, видимо, с итальянскими колониями в Крыму, налицо. Эти признаки относятся как к сфере производства, так и к сфере оформления нумизматических памятников.

В. В. Зайцев оспаривает идею Н. Д. Мец, полагая, что сюжет с всадником-змееборцем мог появиться уже в чекане Василия I (1389–1425 гг.), но доказательств его спорны [3, с. 27–28]. В частности, он опирается на чекан с «копейным ездоцем», который упоминался ещё у И. И. Толстого, приписан великому князю московскому Василию Дмитриевичу А. В. Орешниковым и Г. А. Федоровым-Давыдовым: там круговая легенда вроде бы читается «КНЯЗЬВЕЛИКИВАСИДМ» [7, с. 91; 16, с. 29]. Но, во-первых, такая монета известна всего в одном экземпляре; во-вторых, «ДМ» в конце круговой легенды читается неуверенно, это может быть и грубо вырезанное либо поврежденное «ЛИ»; в-третьих, нигде более на монетах Василия I не видно странного сокращения имени великого князя «ВАСИ»; наконец, в-четвёртых, монеты аналогичного чекана явно дают в конце «ЛИ» [16, с. с. 29, 209], а значит, это мог быть и чекан Василия II, что уже никак не противоречит теории Н. Д. Мец о распространении «копейного ездоца» лишь с 1430-х гг., со времён правления Юрия II и Василия II.

Аргумент о тезоименитстве государя и большого православного святого всё же даёт серьёзную почву для данной гипотезы о происхождении «копейного ездоца» в чекане Москвы. Имеет смысл добавить ещё один аргумент в пользу этой концепции. Имя Георгия-Юрия и далее будет одним из самых распространённых у династии московских Рюриковичей-Калитичей. Так, двое сыновей Василия II получают имя Юрия, а вслед за тем один сын Ивана III и один сын Василия III

(брат Ивана Грозного). Чеканка монеты с изображением святого, тезоименитого сыну, – логичный шаг с т. зр. государя-отца. Так же, как и в некоторых случаях, чеканка монеты с изображением святого, тезоименитого брату, – логичный шаг с т. зр. государя-брата.

Что же касается влияния денежных мастеров-итальянцев на весь строй московской монетной чеканки, то оно до настоящего времени является научной проблемой, не получившей сколько-нибудь полного раскрытия, а потому требует углублённого внимания. Интенсивные связи Московского великого княжества с Северной Италией, активизировавшиеся в середине XV столетия, ни для кого не секрет, как и работа в Москве множества итальянских мастеров самого разного профиля (архитекторы, литейщики, типографы, военные инженеры). Итальянцы («фряги») привлекались в Московской Руси, среди прочего, и к монетной чеканке. Конечно, это могли быть и мастера из генуэзских колоний Северного Причерноморья.

О службе «фряжских» монетариев великим князьям московским свидетельствуют, как минимум, два факта, известных из хорошо изученных источников. Это, во-первых, служба при дворе Ивана III «денежного мастера Ивана Фряжина» (Джан Баттиста делла Вольпе из Виченцы) [17, с. 138–144]; и, во-вторых, появление в Москве монет с надписью «Ornistoteles», ныне убедительно атри-

бутированных Аристотелю Фиораванти [14, с. 160–164]. Прочие предположения в этой сфере (что итальянцами были некий денежный мастер «Александр», «Заманин-Замантоний», а также автор надписи на монете «дозор») дискуссионны, однако до настоящего времени не опровергнуты.

Заключение

Итак, подведём итоги: наиболее вероятным вариантом происхождения символа «копейный ездец» в московской монетной чеканке является использование западноевропейской иконографии св. Георгия-змееборца, которая оказалась транслирована на Русь через итальянских мастеров-«денежников».

В сущности, вопрос, на который пока нет ответа, состоит лишь в том, когда именно Москва впервые призвала к себе на службу первого итальянского монетария. Но нет ничего удивительного и невозможного в том, что этот первый денежный мастер на великокняжеской службе мог появиться в 1430-х гг.

А для национально-государственного развития страны важен, прежде всего, тот факт, что Московская Русь выбрала и утвердила для себя символ христианского происхождения в качестве основного в административном и финансовом быту. Это показывает, сколь значительное место её духовной жизни занимало православие.

Статья поступила в редакцию 15.04.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы. 1956. Т. XII. С. 292–310.
2. Гарост С. А. Монеты России. 1462–1717 : каталог-справочник. 2012. 560 с.
3. Зайцев В. В. Материалы по русской нумизматике XV века. Киев, 2004. 144 с.
4. Лазарев В. Н. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский временник. 1953. Т. VI. С. 186–222.
5. Мельникова А. С. Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. Т. XVII. С. 121–133.
6. Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского (1425–1462) // Нумизматический сборник (Материалы к сводному каталогу). Ч. 3. М., 1974. 145 с.
7. Орешников А. В. Русские монеты до 1547 года. М., 1996 (репринт издания 1896 г.). 306 с.
8. Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. 136 с.

9. Сарабянов В. Д. Георгиевская церковь в Старой Ладогѣ. М., 2003. 96 с.
10. Соболева Н. А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. 487 с.
11. Соколова И. В. Медные монеты Трапезундской империи из собрания Эрмитажа // Нумизматика и эпиграфика. 1984. Т. XIV. С. 61–75.
12. Спасский И. Г. К прижизненной иконографии Ивана Грозного // Сообщения Государственного Эрмитажа (Сообщения Государственного Ордена Ленина Эрмитажа). 1976. Т. XLI. С. 49–53.
13. Степаненко В. П. Образ святого Георгия-всадника в византийской и древнерусской сфрагистике домонгольского периода // Проблемы истории России : сборник научных трудов. Выпуск. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 106–117.
14. Таценко С. Н. Кто такой Ornistoteles? // Русское денежное обращение в X–XVII вв. Нумизматический сборник к 60-летию Петра Григорьевича Гайдукова / ред. И. В. Волков, В. В. Зайцев, К. В. Орлов. М., 2015. С. 158–164.
15. Уздеников В. В. Монеты России. 1700–1917. М., 1986. 504 с.
16. Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое централизованное государство). М., 1981. 222 с.
17. Федоров-Давыдов Г. А. Монеты – свидетели прошлого. М., 1985. 194 с.

REFERENCES

1. Alpatov M. V. [The image of George the warrior in the art of Byzantium and Ancient Russia]. In: *Trudy otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature], 1956, vol. XII, pp. 292–310.
2. Harost S. A. *Monety Rossii. 1462–1717 : katalog-spravochnik* [Russian Coins. 1462–1717 : catalogue-reference]. 2012. 560 p.
3. Zaitsev V. V. *Materialy po russkoi numizmatike XV veka* [Materials on Russian numismatics of the 15th century]. Kiev, 2004. 144 p.
4. Lazarev V. N. [A new monument of easel painting of the 12th century and the image of George the warrior in Byzantine and Old Russian art]. In: *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine timeline], 1953, vol. VI, pp. 186–222.
5. Melnikova A. S. [Place of coins of Ivan the Terrible among the monuments of the ideology of autocratic power]. In: *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny* [Ancillary Historical Disciplines], 1985, vol. XVII, pp. 121–133.
6. Mets N. D. [Coins of the Grand Duchy of Moscow (1425–1462)]. In: *Numizmaticheskii sbornik (Materialy k svodnomu katalogu). Ch. 3* [Numismatic collection (Materials for the consolidated catalog). Part 3]. Moscow, 1974. 145 p.
7. Oreshnikov A. V. *Russkie monety do 1547 goda* [Russian coins before 1547]. М., 1996 (reprint of the 1896 edition). 306 p.
8. Rappoport P. A. *Russkaya arkhitektura X–XIII vv. Katalog pamyatnikov* [Russian architecture of the 10–13th centuries. Monuments catalog]. Leningrad, 1982. 136 p.
9. Sarabyanov V. D. *Georgievskaya tserkov v Staroi Ladoge* [St. George Church in Staraya Ladoga]. Moscow, 2003. 96 p.
10. Soboлева N. A. *Ocherki istorii rossiiskoi s imvoliki. Ot tamgi do simvolov gosudarstvennogo suvereniteta* [Essays on the history of Russian symbolism. From tamga to symbols of state sovereignty]. Moscow, 2006. 487 p.
11. Sokolova I. V. [Copper coins of the Trebizond Empire from the Hermitage collection]. In: *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy]. 1984, vol. XIV, pp. 61–75.
12. Spassky I. G. [To the lifetime iconography of Ivan the Terrible]. In: *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha (Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ordena Lenina Ermitazha)* [Reports of the Order of Lenin State Hermitage Museum (Reports of the State Hermitage Museum)], 1976, vol. XLI, pp. 49–53.
13. Stepanenko V. P. [The image of St. George the Horseman in Byzantine and Old Russian sphragistics of the pre-Mongol period]. In: *Problemy istorii Rossii: sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 3: Novgorodskaya Rus': istoricheskoye prostranstvo i kulturnoye nasledie* [Problems of the history of Russia: a collection of scientific works. Issue 3: Novgorod Rus: historical space and cultural heritage]. Yekaterinburg, 2000. P. 106–117.

14. Tatsenko S. N. [Who is Ornistoteles?]. In: Volkov I. V., Zaitsev V. V., Orlov K. V., eds. *Russkoe denzhnoe obrashchenie v X–XVII vv. Numizmaticheskii sbornik k 60-letiyu Petra Grigorevicha Gaidukova* [Russian money circulation in the 10–17th centuries. Articles on numismatics for the 60th anniversary of Pyotr Grigorievich Gaidukov]. Moscow, 2015. P. 158–164.
15. Uzdenikov V. V. *Monety Rossii. 1700–1917* [Coins of Russia. 1700–1917]. Moscow, 1986. 504 p.
16. Fedorov-Davydov G. A. *Monety Moskovskoi Rusi (Moskva v borbe za nezavisimoe tsentralizovannoe gosudarstvo)* [Coins of Moscow Russia (Moscow in the struggle for an independent centralized state)]. Moscow, 1981. 222 p.
17. Fedorov-Davydov G. A. *Monety – svideteli proshlogo* [Coins as witnesses of the past]. Moscow, 1985. 194 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Володихин Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: volodih@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy M. Volodikhin – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: volodih@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Володихин Д. М. Изображения святого Георгия («копейный ездец») и конного царя на русских монетах XV–XVIII веков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 78–90.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-78-90

FOR CITATION

Volodikhin D. M. The equestrian images of St. George («rider with spear») and tzar on Russian coins of the XV–XVIII centuries. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 78–90.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-78-90

УДК 339.5.053 : 94(470)"17/18"

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-91-103

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ I¹

Захаров В. Н.*Институт российской истории РАН**117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить основные тенденции развития и результаты внешней торговли России в правление Петра I.

Процедура и методы. Исследование построено на работе автора в отечественных архивах, а также обобщении существующих данных в отечественной и зарубежной литературе.

Результаты. Определены основные перемены во внешней торговле России, происходившие в правление Петра: становление Санкт-Петербурга как ведущего порта России на западноевропейском направлении, возвращение преобладания англичан среди иностранных купцов, действовавших на русском рынке, и одновременно начало непосредственных регулярных контактов с Францией, Испанией, Италией, Португалией, развитие контактов с северо-германскими портами на Балтике (Любек, Росток и др.), введение таможенного тарифа как эффективного инструмента политики меркантилизма и протекционизма, всемирная поддержка устойчивых торговых связей со странами Востока через Астрахань и Каспийское море. Рассмотрены также намерения в сфере расширения внешнеторговых связей, оставшиеся при Петре I в значительной мере нереализованными: развитие экспорта зерна, установление непосредственных торговых связей с Индией, стабилизация торговли с Китаем.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования имеют значение для понимания задач и результатов преобразований Петра I.

Ключевые слова: внешняя торговля России, преобразования Петра I, внешнеторговый баланс, структура экспорта и импорта, таможенный тариф, торговля со странами Западной Европы, торговля со странами Востока

RUSSIA'S FOREIGN TRADE UNDER PETER THE GREAT

V. Zakharov*The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences**19 ul. Dmitriya Ulyanova, Moscow, 117292, Russian Federation*

Abstract

Aim. The aim of this paper is to find out the main tendencies in the development and the results of Russian foreign trade during Peter the Great's reign.

Methodology. The study is based upon the author's survey in the national archives and summarizing the data in domestic and foreign literature.

Results. The study covers the main changes in the foreign trade of Russia that took place during Peter the Great reign due to his reforms. They are: setting St. Petersburg as the leading Russian port in the Western European direction, return to domination of the English merchants among other foreign

© CC BY Захаров В. Н., 2021.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта ИРИ РАН по изданию коллективного труда «История России» в 20-ти томах.

merchants in the Russian market and simultaneously starting regular direct contacts with France, Spain, Italy, Portugal, developing contacts with Northern German ports in the Baltic (Lubeck, Rosstock and others), imposition of customs tariff as a tool for mercantilism and protectionism policy. Stable trade contacts with Eastern countries through Astrakhan and the Caspian sea were sustained. Intentions to expand the foreign trade initiated under Peter I are seen as unfulfilled: such as grain export, setting up direct trade with India, moderating trade with China.

Research implications. The results of the study are significant for understanding the aims and the results of Peter's reforms.

Keywords: foreign trade of Russia, balance of trade, structure of exports and imports, customs duties, trade with Western European countries, trade with Eastern countries

Введение

Цель настоящего очерка – дать общую оценку перемен и достижений в сфере внешней торговли России, произошедших в эпоху преобразований Петра I. Эта задача решается на основе исследований современных отечественных и зарубежных специалистов, материалов, выявленных автором непосредственно в ходе архивных поисков, и размещённых в сети Интернет баз данных, полученных на основе систематизации сведений массовых источников.

Очевидно, что основные перемены в сфере внешней торговли не могли не коснуться направлений внешнеторговых связей, состава зарубежных партнёров, ассортимента товарооборота, таможенной политики. При этом далеко не все намечаемые планы по расширению и активизации внешнеторговых связей были осуществлены. Именно эти вопросы стали предметом рассмотрения данной статьи.

Основные тенденции и результаты развития внешней торговли России на западном направлении

Из всех возможных направлений внешней торговли России наибольшее значение имела торговля со странами Западной Европы. В XVII в. единственным крупным портом, через который Россия могла вести непосредственную торговлю на западном направлении, был Архангельск. Вместе с тем активно функционировали порты Восточной Прибалтики, принадлежавшие Швеции, через которые также осуществлялась связь с обширным

российским рынком. Шведское правительство пыталось всеми доступными средствами добиться сокращения российской торговли через Архангельск. Эти усилия об «отклонении» товарооборота к северо-западу (*derivation politics*) имели определённый успех к концу XVII в. [16, р. 178]. С наибольшей интенсивностью контакты с русским рынком на Балтике проходили через Нарву. В 90-е гг. к концу XVII в. из Нарвы отправлялось в 2,5 раза больше торговых судов, чем в 70-е гг. Особенно стремительный рост происходит буквально накануне Северной войны. В 1697 г. из Нарвы в страны Западной Европы через Зунд, в частности, в Северное море прошли 53 корабля, в 1698 – 88, в 1699 – 139, в 1700 – уже 147 [8, с. 40–41]. Это было результатом не только политики шведского правительства, но и отражало объективные преимущества балтийского направления по сравнению с северным в обеспечении внешних контактов русского рынка. Понимание этой ситуации стало важным мотивом для Петра I к началу войны со Швецией.

Но едва война началась, она тут же оборвала торговлю в восточном секторе Балтики. В результате резко возросла роль Архангельска. Он стал не только главным, но и практически единственным портом, через которые Россия могла осуществлять торговые контакты с европейским рынком.

В это же время произошли и существенные изменения в контактах России на европейском рынке, в соотношении сил разных групп иностранного купече-

ства, действовавших на этом направлении. После того, как в 1649 г. английские купцы по указу царя Алексея Михайловича лишились своих привилегий в России, на первые роли вышли голландские купцы. Активизировалась деятельность гамбургских купцов, многие из которых по происхождению и деловым контактам были связаны с голландцами.

Но на рубеже XVII–XVIII вв. ситуация вновь начала меняться. В связи с приближающейся большой европейской войной за испанское наследство резко возросла потребность Англии в материалах для оснащения флота (*naval stores*), которые в изобилии могли поступать из России. Многие британские коммерсанты были готовы наладить контакты с российским рынком, но с XVI в. монопольное право на торговлю с Россией имела находившаяся в Лондоне «Московская компания», представлявшая собой в конце XVII в. закрытое немногочисленное общество. Во время пребывания Петра I в Лондоне, в ходе Великого посольства, был подписан договор с компанией «Tobacco adventurers to Russia» на продажу в России табака из Виргинии. Компания обязалась вносить в российскую казну изрядные отчисления. Чтобы открыть ей доступ на русский рынок, Парламент принял билль о том, что членом «Московской компании» может стать всякий, кто внесёт в её казну практически символическую сумму в 5 фунтов стерлингов [17, р. 46]. Сразу после принятия парламентского билля в один день, 14 апреля 1699 г., в компанию были приняты 73 новых члена, на следующий день – ещё 26, и в дальнейшем к ней присоединялись всё новые и новые участники [16, pp. 119–120].

Продажа виргинского табака в России через несколько лет закончилась крахом в силу дороговизны самого товара, больших издержек и конкуренции со стороны контрабандного «черкасского» табака, поступавшего с Украины. Но её договор с Петром I привёл к тому, что доступ английских купцов на русский рынок стал

фактически свободным. В течение короткого времени англичане вернули утраченные в XVII в. позиции.

Сохранились счётные выписи иностранных купцов, составленные в Архангелогородской таможне в 1710 г.¹. Тогда через Архангельск проходило до 100% товарооборота со странами Западной Европы. По подсчётам Р. И. Козинцевой, которая ввела выписи в научный дискурс, товарооборот иностранных купцов составил 2 701 тыс. рублей. На долю английских купцов приходится 1 138 тыс. руб., т. е. 42%. Они значительно превосходили голландцев с их товарооборотом в 762 тыс. руб. (28%). Около 30% товарооборота приходится на так называемую «гамбургскую статью» [3, с. 120, табл. 1]. В неё, кроме собственно гамбургских купцов с общим оборотом в 738 тыс. руб. (27%), входят представители Бремена, несколько коммерсантов обозначенных как «цесарской земли торговые иноземцы», и наконец, датчане (14,1 тыс. руб. или 0,5%) [1, с. 105, 108, 110, 116]. Купцами «цесарской земли» следует считать торговцев из различных немецких городов, так или иначе находившихся в составе Священной Римской империи. Таким образом, торговля России на западном направлении находилась в основном в руках купцов трёх национальностей: англичан (точнее, британцев, т. к. среди них были и шотландцы), голландцев и немцев, среди которых доминировали гамбуржцы.

Основав уже в 1703 г. Санкт-Петербург в устье Невы, Пётр I воспринимал его не только как свою новую столичную резиденцию, но и как новый международный порт. Казалось, его мечта стала сбываться необыкновенно быстро. В том же 1703 г. в Петербург прибыл голландский торговый корабль, оказавшийся первым в истории порта [2, с. 267–268]. Но вряд ли Петербург успел приобрести известность торговой гавани, скорее всего, этот корабль

¹ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Далее – АСПИИ). Ф. 10. Оп. 3. Д. 145.

направлялся в Ниеншанц, основанный шведами в устье Охты в середине XVII в. и являвшийся одним из портов, через который осуществлялись контакты России с европейским рынком на Балтике.

Систематические данные о движении торговых судов на севере Европы отразились в книгах регистрации о взимании пошлин в датскую королевскую казну с судов, проходивших Зундский пролив из Балтики в Северное море и обратно. Записи об этих сборах велись с XVI в. по XIX в. и сохранились в архиве в Копенгагене¹. На основании этих записей мы не можем судить о контактах Петербурга с портами Балтийского моря, но сведения о прибытии судов из-за Зунда, т. е. из Нидерландов, Англии и более дальних стран дают представление о наиболее значимых внешнеторговых связях нового порта. В 1710 г. впервые зафиксирован корабль, направлявшийся в Петербург через Зунд. В 1711–1712 гг. судов, прошедших в Петербург, не отмечается. И только с 1713 г. можно говорить о начале стабильных контактов Петербурга с западноевропейским рынком. В этом году через Зунд в новый российский порт прошло 4 судна и обратно – 5².

Пётр I стремился ускорить развитие торговли Петербурга, применяя законодательные и административные меры с целью ограничить контакты Архангельска с внутренним рынком. В 1713 г. издаётся указ о запрете доставки в Архангельск пеньки и юфти, главных экспортных товаров, которые теперь следовало направлять только в Петербург³. Но эта мера оказалась чрезмерно жёсткой.

¹ В настоящее время практически весь материал записных книг о сборе Зундской пошлины представлен в виде базы данных, основательно разработанной под руководством нидерландских учёных Я. В. Велувенкампа и С. ван дер Воуде (см.: URL www.sound.toll.nl (дата обращения: 20.03.2021)).

² Там же.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Тип. II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. 5. № 2732.

Для её реализации не существовало необходимых условий: не было транспортных путей по доставке больших масс товаров в Петербург, инфраструктура нового порта находилась в зачаточном состоянии. А в Архангельске действовал обширный гостиный двор, имелось несколько пристаней, обеспечивалась проводка судов по фарватеру Северной Двины. Торговые иноземцы в течение нескольких поколений торговали здесь, имели налаженные контакты с русскими купцами, от Архангельска к центру страны вёл тысячевёрстный Сухоно-Двинский водный путь и далее – наезженный сухопутный тракт от Вологды до Ярославля и Москвы. В дальнейшем ограничения торговли Архангельска были ослаблены. В 1719 г. – доля экспорта через Санкт-Петербург снижалась до 1/3 [9, с. 16].

С победоносным завершением Северной войны Пётр I решил нанести окончательный удар по торговле Архангельска, не ожидая завершения строительства транспортных коммуникаций к Петербургу (прежде всего Вышневолоцкой воднотранспортной системы). По указу от 2 декабря 1721 г. в Архангельск было разрешено доставлять товары на экспорт только из региона бассейна Северной Двины⁴. Торговля Архангельска стремительно сократилась, в 1725 г. товарооборот порта упал до 9 тыс. руб.⁵ (в 25 раз меньше, чем в 1710 г.). Иноземные купцы, издавна обосновавшиеся на Русском Севере, были крайне недовольны столь жёсткими мерами, выступили с жалобами и протестами.

Что касается Петербурга, то его торговля переживала быстрый подъём: в 1725 г. его товарооборот составил 3,4 млн руб. (в 1718 г. – 422 тыс. руб.) [9, с. 21].

Изменение главного направления внешней торговли стало необратимым и имело целый ряд важных последствий.

⁴ ПСЗ. Т. 6. № 3860.

⁵ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 276. Оп.1. Д. 85. Л. 10–11.

Существенно сократился путь из России в порты европейских стран. В 2 раза увеличился период навигации. В Архангельске он составлял 3,5 месяца (с конца мая до середины сентября), в Петербурге – 7 месяцев (с начала апреля до начала ноября). Весь товарооборот перешёл под контроль России, таможенные доходы в полной мере стали её достоянием, правительство имело все возможности вести внешнеторговую политику в соответствии с потребностями страны в сфере экономики и внешней политики.

Пётр I стремился установить непосредственные контакты по возможности с большим количеством зарубежных стран, рассчитывая видеть в Петербурге корабли под самыми разными флагами. Уже в первые годы XVIII в. подобные попытки предпринимались в отношении Франции. Основным препятствием стали противоречия в сфере внешней политики, поскольку Франция оказывала дипломатическую и иную поддержку Швеции и Турции. По окончании Войны за испанское наследство и Прутского похода открылись новые возможности для торговых взаимоотношений с Францией. В 1714 г. в Петербург прибыл французский коммерсант Анри Лави, который вскоре получил дипломатический ранг консула. Отправляясь в 1716 г. в длительную зарубежную поездку, одной из целей которой был поиск путей для завершения Северной войны, Пётр I думал и о развитии внешней торговли с той же Францией и другими странами. В 1717 г. в Амстердаме был подписан договор между Россией, Францией и Пруссией. В нём речь шла и о намерении трёх стран заключить между собой торговый договор. Впервые в международном договоре с участием России провозглашается принцип «наилучше фаворизованных наций»¹. Это означает, что французские и прусские купцы в России могли рассчитывать на привилегии, не меньшие, чем пользовались коммерсанты какой бы то ни было страны. Ана-

логично – и в отношении русских купцов во Франции или Пруссии. Этот принцип тогда в полной мере реализовать не удалось, торговый договор заключён не был, да и русско-французские отношения вскоре вступили в стадию охлаждения. Но идея «наилучше фаворизованных наций», впервые здесь провозглашённая, позднее была применена в торговых договорах, заключаемых Россией с европейскими странами уже после Петра I, в течение всего XVIII в.

Начиная с 1714 г., в Петербург ежегодно направляются корабли из дальних стран Юго-Западной и Южной Европы: из Франции (Бордо), Италии (Ливорно), Испании (Кадис, Малага), Португалии (Лиссабон, Порту). Так, в 1722 г. в Петербург прошли через Зунд 2 корабля из Бордо, 3 – из Лиссабона, по одному – из Испании и Италии, в 1723 г. – 4 корабля из Бордо и 3 – из Ливорно [2, с. 274, табл. 2].

За 1722 г. сохранилась записная книга судов, прибывших в Петербург². В ней зафиксировано 104 судна. На её основании можно судить и о контактах нового российского порта на Балтике. Всего в этой книге отмечено 29 судов, прибывших из портов Балтийского моря. Показательно, что 12 из них пришли из Любека. Этот крупный порт на Балтике теперь становится важнейшим в торговых контактах России с немецкими землями. Гамбург уступает на российском направлении Любеку, откуда путь в Петербург по Балтике был намного короче, чем из устья Эльбы, впадающей в Северное море. Кроме Любека, устанавливаются регулярные связи с Ростоком. Этот порт был главным в герцогстве Мекленбург, контакты с которым были важны для Петра I на завершающем этапе Северной войны. Но и после Петра I, когда внешнеполитические контакты с Мекленбургом утратили свою значимость, корабли из Ростока прибывали в Петербург регулярно.

² Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 212. Оп. 1. 1722 г. Д. 65.

¹ ПСЗ. Т. 5. № 3098. С. 504.

Несмотря на установление прямых контактов с Францией, Италией, Португалией, Испанией, расширением контактов на Балтике, имеющиеся данные свидетельствуют, что в результате переноса главного направления внешней торговли в Петербург произошло дальнейшее упрочение позиций английских купцов и связей с Британией. Англичане с самого начала проявили наибольшую активность в торговле нового российского порта. В 1714 г. из Англии в Петербург направилось 18 судов, из Нидерландов – только 4. Правда, в конце Северной войны из-за ухудшения российско-британских отношений, голландцы, казалось, вышли на первые позиции (18 кораблей против 13 в 1720 г.). Но по окончании войны гегемония окончательно и на многие десятилетия перешла к англичанам. В 1725 г. из Англии прибыл 61 корабль, из Голландии – 38. Доля голландских купцов необратимо сокращалась, росла роль немцев, которые практически сравнялись с голландцами.

Рассматривая перемены во внешней торговле при Петре I, важно обратить внимание на роль русских купцов. В историографии давно утвердилось мнение о доминировании иностранцев во внешней торговле России на западном направлении, важнейшем в то время [15, р. 263]. Могло измениться что-либо в этой сфере под влиянием преобразований Петра I, который заявлял о поддержке русского купечества, о своём желании видеть его представителей активными участниками международной торговли? Русские купцы обычно участвовали во внешней торговле, встречаясь со своими иностранными партнёрами в самой России. Но в данном случае важен вопрос о выходе российских купцов непосредственно на внешние рынки. Для XVIII в. это уже не означает поездки с товарами за рубеж. Теперь организация международной морской торговли достигла такого уровня, что находившийся за рубежом коммерсант отправлял товары своему

партнёру в сопровождении документов, которые передавались капитану корабля. Проблема в том, что партнёрами заморских торговых компаний были также иностранцы, находившиеся в России. В результате прибыль от экспортных и импортных операций на русском рынке в любом случае доставалась иностранцам. Качественно новым уровнем развития внешней торговли русских купцов стало бы установление ими непосредственных контактов с партнёрами, находившимися за рубежом. Выявить подобные случаи можно на основании документов о регистрации торговых судов, которые содержат сведения, к кому направляется корабль или товары на нём. Так, в 1705 г. из 147 кораблей, прибывших в Архангельск, только 1 пришёл к русскому купцу – к архангелогородцу Осипу Баженину¹. Следовательно, мы имеем дело с самым зарождением непосредственного участия русских купцов во внешней торговле на западном направлении.

Что касается Петербурга, то сохранившиеся записи за 1722 г. не содержат сведений, к кому был направлен корабль, зато отмечены имеющиеся на судах партии товаров с указанием, к кому они были направлены. Всего прибыли 104 корабля, 40 из них пришли с балластом, т. е. без груза, чтобы взять в Петербурге экспортный товар. Остальные более 60 судов имели на борту до 10 и более партий товаров, а всего их, таким образом, насчитываются сотни. И менее 10 партий из них прибыли в адрес 5 русских купцов – это примерно 1% товарооборота. Следовательно, перенос внешней торговли в Петербург не привёл на первых порах к возрастанию доли русских купцов в непосредственной торговле с европейскими странами. Как и прежде, она оставалась крайне незначительной. Причинами гегемонии иностранцев во внешней морской торговле можно считать и недостаток капиталов у русских купцов, отсутствие торгового флота. Важно и то, что русские купцы не

¹ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1, 1708 г. Д. 92.

владели информацией о ситуации на зарубежных рынках, не знали иностранных языков, не владели приёмами общепринятой в Европе бухгалтерии, не имели доверенных партнеров за рубежом. Решить эти проблемы нельзя было немедленно, даже при всей стремительности петровских преобразований.

Одним из важнейших вопросов в истории внешней торговли остаётся структура товарооборота, состав экспорта и импорта. Выявить изменения, имевшие место в правление Петра I, сложно, поскольку мы не располагаем систематическими данными на протяжении ряда лет. Одномоментный срез можно получить на основании счётных выписей Архангелогородской таможни за 1710 г. Подсчёты показывают, что в начале XVIII в. основу российского экспорта составляла продукция сельского хозяйства (в т. ч. пенька – 32% стоимости экспорта, говяжье сало – 10,5%, лён – 2,5%), а также ремесла, (прежде всего, юфть – кожи крупного рогатого скота, высокого уровня выработки на специальных кожевенных предприятиях – 37%). Доля готовых изделий (канаты, верёвки, мыло, холсты) в экспорте была незначительной – 5%.

Важнейшим результатом промышленной политики Петра I стало начало экспорта железа. Наиболее ранние сохранившиеся на этот счёт сведения относятся к 1715 г., когда через Архангельск за рубеж было отправлено 2 846 пудов железа с заводов Меллеров, иностранцев по происхождению [9, с. 31]. В последующие годы вывоз железа стал регулярным. Из Петербурга и других портов Балтики в 1720–1725 гг. вывозилось, по данным о взимании Зундской пошлины, от 2 тыс. до 4 тыс. шиффунтов¹ в год [15, р. 183]. Это уже на порядок больше, чем первая поставка.

Что касается такого потенциально важного экспортного товара как зерно, то его вывоз регулировался правительством и мог осуществляться при условии

обеспечения внутренних потребностей. Индикатором считался уровень цен на хлеб внутри страны. В 1701 г. вышел указ, повторённый в 1713 г., который запрещал вывоз хлеба, если его цена внутри страны была выше, чем 1 рубль за четверть². По мнению американского исследователя Р. Джонса, это означало полный запрет хлебного экспорта, поскольку цена внутри страны никогда не опускалась ниже 1 рубля за четверть [14, р. 182, 263]. Этот запрет строго не соблюдался. В середине 1710-х гг. произошёл неожиданный всплеск хлебного экспорта из Архангельска. Более 40 иностранных купцов приняли в этом участие, в 1713 г. было вывезено 30 тыс. четвертей, в 1714 г. – уже 146 тыс., в 1716 – 227 тыс.³ Спрос на хлеб за рубежом вызвал повышение цен на зерно в Поморье, иностранцы были готовы платить более чем 1 рубль за четверть, чем вызвали недовольство крупных русских купцов, также занимавшихся скупкой зерна. В 1717 г. экспорт хлеба был запрещён, восстановлен только в 1721 г.⁴ Но запрет доставки в Архангельск любых товаров из-за пределов бассейна Северной Двины практически свёл на нет это разрешение. Экспорт хлеба из Петербурга запрещался вплоть до 1741 г. не только из-за опасения недорода и голода, но и в связи с необходимостью обеспечить продовольствием быстро растущее население новой столицы, не допустив сильного роста цен на хлеб в городе [14, р. 182]. Время превращения России в одного из главных экспортеров зерна на европейском рынке ещё не пришло.

Что касается импорта, то его состав и структура в петровское время принципиально не менялись. Важными его статьями оставались шерстяные, шелковые ткани, тонкие полотна, металлы (медь, свинец, олово), краски и химикалии, сахар, вино. Проблема состояла в том,

² ПСЗ. Т. 4. №1872. Т. 5. № 2672.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп.1. Д. 81. Л. 123–172; Ф. 276. Оп. 3. Д. 7. Л. 29–37.

⁴ ПСЗ. Т. 5. № 3069; Т. 6. № 3930.

¹ Прим.: Шиффунт – мера веса, применяемая в балтийской торговле, равна примерно 10 пудам.

чтобы в духе политики меркантилизма по возможности сокращать импорт и наращивать экспорт и добиться как можно большего активного внешнеторгового баланса. Данные за 1710 г. показывают, что это в значительной степени удавалось. В том году иноземцами было вывезено из России товаров на сумму 1,43 млн руб., ввезено – на 1,23 млн руб.¹ Доля экспорта составила 54%. Но целый ряд обстоятельств затруднял решение этой проблемы. Война и потребности промышленности обусловили преобладание в импорте поставок сукон для обмундирования, металлов и химических товаров (в общей сложности 71% стоимости всего импорта) [9, с. 37–38, табл. 2].

Реформы Петра I в области культуры и быта резко увеличили потребность в бумаге, предметах одежды и галантереи, шелковых, полотняных тканях, сахаре, винах, других аналогичных товарах, которые могли быть получены из стран Западной Европы. Расширение ввоза этих товаров могло нарушить активный торговый баланс. Правительство должно было принять протекционистские меры. К концу 1710-х гг. при его поддержке организуются производства по изготовлению тонких материй (шелковых, полотняных), чулок, позументов, игральные карты, игол, сахара. При этом, как правило, вводятся ограничения на ввоз соответствующих импортных товаров. Например, в 1718 г. московский «торговый иноземец» Павел Павлов Вестов, предки которого происходили, скорее всего, из Ливонии, получил привилегию на организацию сахарного завода в Москве. На время, «пока завод умножится», ввоз готового сахара из-за рубежа запрещался². Но эти разовые меры по ограничению ввоза определённых товаров ради поддержки отдельных производителей не имели всеобъемлющего характера, теряли смысл, если у получившего льготу дело не заладилось.

Более эффективно можно было регулировать ввоз и вывоз путём введения таможенного тарифа во внешней торговле, необходимость чего была осознана правительством в начале 1720-х гг. До этого основополагающим документом в сфере регулирования внешней торговли был Новоторговый устав, принятый ещё в 1667 г. Он устанавливал пошлины в 5% с цены весовых товаров, 4% – невесовых, и при этом не имело значения, какой товар имеется в виду³. Чтобы гибко регулировать экспорт и импорт, эффективно проводить политику протекционизма, требовалось ввести таможенный тариф, который устанавливает специальные пошлины по каждому товару – экспортному и импортному. К началу 1720-х гг. была создана система коллегий, и одной из первых задач Коммерц-коллегии стала разработка таможенного тарифа [4, с. 154].

Первый в истории России тариф был издан в 1724 г. Он отличался высоким уровнем протекционизма. Устанавливались практически запретительные пошлины в 75% на товары, уже производившиеся в России в достаточном количестве: скатертное полотно, парусина, тафта, шелковые ленты, железо, курительные трубки и проч. На изделия, производство которых нуждалось в защите, но в меньшей степени, вводились покровительственные пошлины в 50% (например, игральные карты) и умеренно-покровительственные пошлины в 25% (чулки, писчая бумага, шерстяные ткани). Товары последней категории поступали в Россию. Они отличались высоким качеством и по цене были доступны потребительской элите. Прочие потребители могли покупать более дешёвые товары той же группы российского производства. Таков был замысел создателей тарифа. Каков был результат его применения, сказать сложно, поскольку не имеется статистических данных о ввозе товаров по отдельным видам в годы, последовавшие после его издания.

¹ Подсчитано по: АСПИИ. Ф. 10. Оп.3. Д. 145.

² ПСЗ. Т.5. № 3181.

³ ПСЗ. Т.1. № 408. С. 685.

Тем не менее становление Петербурга как главного внешнеторгового порта способствовало улучшению торгового баланса. В 1725 г. суммарный экспорт по Архангельску и Петербургу составил 2,16 млн руб., импорт – 1,43 млн руб. [9, с. 26, табл. 1; с. 38, табл. 2.] Доля экспорта выросла до 60%.

Внешняя торговля России на восточном направлении: результаты и перспективы

Уделяя наибольшее внимание становлению торговли на западном направлении через Петербург, Пётр I считал необходимым развивать внешнеторговые связи и на других направлениях. На юго-западе имело место движение товаров через сухопутную границу – с российских ярмарок на украинские и далее – на Балканы. Морская торговля на этом направлении была затруднена тем, что Османская империя не допускала в Чёрное море какие-либо суда, кроме турецких.

Гораздо большее значение при Пётре I имела торговля по Каспийскому морю, средоточием которой оставалась Астрахань, сохранявшая роль одного из крупнейших торговых центров страны. Наибольшее значение здесь приобрела торговля с Ираном. В то время Иран стал основным поставщиком шёлка-сырца в Западную Европу. Традиционно этот товар караванными путями доставлялся в порты Восточного Средиземноморья (Смирну или Алеппо) и далее по морю отправлялся в Европу. В 1667 г. правительство царя Алексея Михайловича предоставило компании армянских купцов, подданных шаха из Новой Джульфы, пригорода Исфагана, право на доставку товаров из Ирана по Каспийскому морю и далее по российской территории в страны Западной Европы. От пошлин за провоз товаров они освобождались, но обязались делать особые взносы в российскую казну. Кроме того, по решению шаха запрещался вывоз шёлка в Западную Европу через османские владения.

Последнее условие было трудно выполнимо и практически не соблюдалось. Тем не менее, благодаря деятельности армянской Джульфинской компании по Каспийскому морю и по территории России в правление Петра I, шло оживлённое движение товаров: в сторону Западной Европы шёлка-сырца, обратно в Иран – продукции европейской промышленности. С каждого пуда провезённых товаров в казну поступало по 20 алтынов. Несмотря на определённое недовольство русских купцов конкуренцией армян, Пётр I считал необходимым сохранить их привилегии. Недаром в указе об учреждении Сената одной из первых его задач значилось: «Персидский торг умножить, и армян как возможно приласкать и облегчить, в чём пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда»¹. После окончания Северной войны существенно расширяется экспорт иранского шёлка из Петербурга в Англию и Нидерланды, о чём свидетельствуют данные о взимании Зундской пошлины [15, р. 228, table 4.74].

В торговле с Ираном принимали участие и русские купцы. В отличие от ситуации на западноевропейском направлении здесь русские купцы отправлялись для торговли за рубеж. Конкурируя с Джульфинской компанией, они закупали в Иране шёлк-сырец, на экспорт поставляли товары российского ремесла и промышленности. В 1720 г. для защиты их интересов в Исфаган, столицу страны, был назначен консул Семён Аврамов, в Шемаху – вице-консул Алексей Баскаков [12, с. 206–208].

Пётр I понимал, что через Каспий проходит важный нерв международных экономических связей, имеются все основания для России усилить здесь свои позиции. Это стало одним из побудительных мотивов организации и проведения Персидского похода во главе с самим царём. В результате Персидского похода принимались меры по развитию внешнеторговой инфраструктуры во вновь

¹ ПСЗ. Т. 4. № 2330.

обретенных областях. Строился торговый порт в Дербенте так, чтобы надёжно защитить его от шторма на море. И ещё дальше на юг, в устье Куры, было решено построить ещё один крупный порт, так называемый «Восточный Петербург» [7, с. 110–113]. Но сил и средств развернуть эти работы не хватило, а в начале 1730-х гг. Россия была вынуждена оставить территории, полученные в результате Персидского похода.

Через Астрахань проходили также контакты со Средней Азией, путь пролегал по Каспийскому морю до Караганской пристани на полуострове Мангышлак и далее караванными тропами до Хивы и Бухары. Находившиеся в Астрахани индийские купцы вели торговлю главным образом с Ираном и Средней Азией [13, с. 74–77]. В их обороте имелись и индийские товары, попадавшие на рынки тех стран. Во втором десятилетии XVIII в. у Петра I возникли амбициозные проекты установить непосредственные торговые контакты с Индией по кратчайшему пути через Центральную Азию. В 1714 г. вверх по Иртышу отправился из Тобольска отряд подполковника И. Бухгольца. В 1715 г. с аналогичной целью в Хиву направились экспедиция во главе с князем А. Бековичем-Черкасским, в наказе которому значилось: «просить... судов и на них отпустить купчину по Амму-Дарье реке в-Индию, наказав, чтобы изъехав ее пока суды могут иттить...» [10, с. 75–76]. Эти попытки оказались неудачными не столько из-за отсутствия должных географических знаний, сколько из-за неблагоприятной обстановки в регионе, где оказались экспедиции. И. Бухголец столкнулся с вооружённым сопротивлением джунгар, а А. Бекович-Черкасский и его спутники были убиты в результате нападения хивинцев.

Пётр I не оставлял эту идею, намечая планы строительства крепостей на р. Яик (ныне Урал), полагал, что оттуда через Хиву недалеко и до Индии («переходу месяца на два») [10, с. 77]. Проникновение в

Индию через пустыни и горные массивы осталось тогда только в планах Петра I. То же можно сказать и о намерении дойти до Индии морским путём вокруг Африки, создав укрепленный пункт на о. Мадагаскар. Для его реализации был привлечён адмирал Даниил Вильстер, перешедший на русскую службу из Швеции. Пётр I рассчитывал, что Вильстеру удастся добраться до Бенгалии и заключить с правителем государства Моголов договор о торговле с Россией. В 1723 г. готовились в путь 2 корабля, но получив серьёзные повреждения в начале пути, вынуждены были вернуться обратно [5, с. 411–412; 11, с. 60–61]. Летом 1724 г. это предприятие было отложено на неопределённое время в связи с отсутствием точных сведений о ситуации на Мадагаскаре.

В конце XVII в. были установлены непосредственные контакты с Китаем. Нерчинский мир 1689 г. допускал торговлю между обеими странами. Раз в несколько лет в Пекин направлялся караван, большая часть товаров принадлежала казне, но в его составе находились и русские купцы, намеревавшиеся продавать и покупать на собственный счёт. Удалось организовать лишь 4 каравана (1699, 1705, 1711, 1713 гг.) [6, с. 20]. В Пекин отправляли пушнину из Сибири, некоторые ремесленные товары, в обмен получали чай, хлопчатые ткани. Пётр I осознавал выгоду торговли с Китаем, намеревался её расширить, добиться нужных соглашений с правительством в Пекине. С этой целью в 1719 г. в Китай отправился посланник Лев Измайлов. Эта миссия закончилась безрезультатно, поскольку китайское правительство считало более важными политические вопросы (урегулирование границы, взаимоотношения с вассальной Китаю Монголией и пр.), а Измайлов не имел полномочий обсуждать или обещать что-либо на сей счёт. Пётр I не отказался от своих намерений, началась подготовка нового посольства во главе с Саввой Владиславичем-Рагузинским, сербским дворянином на русской службе. В отношении

торговли стояли задачи обеспечить деятельность русских купцов в Китае, и даже более амбициозные – в наказе Рагузинскому шла речь о намерении России направлять торговые корабли даже в Кантон, учредить консульства в том же Кантоне, а также в Нанкине [12, с. 191–192]. Правительство императора Кан-си в русле своей политики самоизоляции не согласилось на предложения русских дипломатов. Тем не менее, удалось договориться о нормализации караванной торговли, а также об установлении регулярного товарообмена между российскими и китайскими подданными в пограничных пунктах на р. Кяхте и на р. Аргуни (урочище Цурухайту) [6, с. 28–31]. Договор был подписан уже после кончины Петра I, но очевидно, что порядок русско-китайской торговли, действовавший практически на всем протяжении XVIII в., был определён ещё в период петровских преобразований.

Заключение

В период правления Петра I во внешней торговле России произошли существенные изменения, имевшие долго-

временные последствия. Произошла переориентация внешней торговли со странами Западной Европы с Архангельска на Санкт-Петербург. На этом направлении определилось доминирование англичан. Одновременно активизировались торговые контакты с теми странами, с которыми их раньше почти не было (Франция, Испания, Италия, Португалия). Большое значение приобрели контакты с Любеком и другими немецкими портами на Балтике.

Введение тарифного регулирования и издание первого Таможенного тарифа обеспечило возможность проведения эффективной политики протекционизма. Было положено начало экспорту железа.

На восточном направлении предпринимались попытки расширения связей с Ираном, Средней Азией и Китаем, проникновения в Индию. Не все они были реализованы, но налицо понимание Петром I России как своего рода моста в обеспечении глобальных экономических связей между Западом и Востоком.

Статья поступила в редакцию 26.04.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М.: РОССПЭН, 1996. 346 с.
2. Захаров В. Н. Становление торгового судоходства в Петербургском порту при Петре Великом (по данным записей о взимании Зундской пошлины) // Пётр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен : сб. статей. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. С. 262–284.
3. Козинцева Р. И. Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.; Л.: Наука, 1964. С. 116–163.
4. Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. (20-е – начало 60-х годов). М.: Археографический центр, 1999. 378 с.
5. Копелев Д. Н. Битва портуланов: Забытые и малоизвестные страницы военно-морской истории XVI–XIX столетий. СПб: Крига, 2019. 624 с.
6. Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. 445 с.
7. Магарамов Ш. А. Несбывшиеся планы Петра Великого: Дербентский порт и купеческий город в устье Куры // Объекты культурного наследия петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации. Волгоград, 2020. С. 108–115.
8. Пийримяэ Х. А. Состав, объём и распределение русского вывоза в 1661–1700 гг. через шведские владения в Прибалтике на примере торговли г. Нарвы // Скандинавский сборник. 1962. Вып. 5. С. 34–96.
9. Репин Н. Н. Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангелогородский и Петербургский порты). Омск, 1989. 80 с.
10. Россия и Индия / ред.-сост. Г. М. Кузнецова. М.: Наука, 1986. 354 с.

11. Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов / сост.: Р. В. Овчинников, М. А. Сидоров. М.: Наука, 1965. 656 с.
12. Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке. Ч. 1. М., 1899. 203 с.
13. Юхт А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е годы XVIII века). М., 1994. 261 с.
14. Jones R. Bread upon the Waters. The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2013. 298 p.
15. Kahan A. The Plow, the Hammer and the Knout. An Economic History of Eighteenth Century Russia. Chicago; London: The University Chicago Press, 1985. 399 p.
16. Kotilaine J. T. Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in the Seventeenth Century. Windows on the World. Leiden, Boston: Brill, 2005. 611 p.
17. Price J. M. The Tobacco Adventure to Russia. Enterprise, Politics, and Diplomacy in the Quest for a Northern Market for English Colonial Tobacco. 1676–1722. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1961. 120 p.

REFERENCES

1. Zakharov V. N. *Zapadnoevropeiskie kuptsy v Rossii. Epokha Petra I* [Western European merchants in Russia. The era of Peter the Great]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 346 p.
2. Zakharov V. N. [Establishment of merchant shipping in the port of St. Petersburg under Peter the Great (according to the records of the collection of the Sunda duty)]. In: *Petr Velikii, rossiiskaya vlast' i obshchestvo v epokhu peremen : sbornik statei* [Peter the Great, Russian government and society in an era of change : digest of articles]. St. Petersburg, Historical illustration Publ., 2019. P. 262–284.
3. Kozintseva R. I. [Foreign trade turnover of the Arkhangelsk fair and its role in the development of the all-Russian market]. In: *Issledovaniya po istorii feodalno-krepostnicheskoi Rossii* [Research on the history of feudal-serf Russia]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1964. P. 116–163.
4. Kozlova N. V. *Rossiyskiy absolutizm i kupechestvo v XVIII veke. (20-ye – nachalo 60-kh godov)* [Russian absolutism and merchants in the 18th century. (20s – early 60s)]. Moscow, Archaeographic center Publ., 1999. 378 p.
5. Kopelev D. N. *Bitva portulanov: Zabytye i maloizvestnye stranitsy voenno-morskoj istorii XVI–XIX stoletii* [The Battle of Portolans: Forgotten and Little-Known Chapters of the Naval History of the 16th–19th Centuries]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2019. 624 p.
6. Korsak A. *Istoriko-statisticheskoe obozrenie torgovykh snoshenii Rossii s Kitaem* [Historical and statistical review of trade relations between Russia and China]. Kazan, 1857. 445 p.
7. Magaramov Sh. A. [Unfulfilled plans of Peter the Great: Derbent port and merchant city at Kura estuary]. In: *Obekty kulturnogo naslediya petrovskoi epokhi na yuge Rossii: problemy izucheniya, sokhraneniya i muzeifikatsii* [Objects of the Cultural Heritage of Peter the Great Era in the South of Russia: Problems of Study, Preservation and Museumification]. Volgograd, 2020. P. 108–115.
8. Piirimäe H. A. [Composition, volume and distribution of Russian exports in 1661–1700 through the Swedish possessions in the Baltic States on the example of trade in the city of Narva]. In: *Skandinavskii sbornik* [Scandinavian collection], 1962, no. 5, pp. 34–96.
9. Repin N. N. *Vneshnyaya trgovlya i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii v XVIII v. (Arkhangelskiy i Peterburgskii porty)* [Foreign trade and socio-economic development of Russia in the 18th century. (Arkhangelsk and Petersburg ports)]. Omsk, 1989. 80 p.
10. Kuznetsova G. M., ed. *Rossiya i Indiya* [Russia and India]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 354 p.
11. Ovchinnikov R. V., Sidorov M. A., comp. *Russko-indiiskie otnosheniya v XVIII v. Sbornik dokumentov* [Russian-Indian relations in the 18th century Collection of documents]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 656 p.
12. Ulyanitsky V. A. *Russkie konsulstva za granitsej v XVIII veke. Ch. 1* [Russian consulates abroad in the 18th century. Part 1]. Moscow, 1899. 203 p.
13. Yukht A. I. *Torgovlya s vostochnymi stranami i vnutrennij rynek Rossii (20–60-e gody XVIII veka)* [Trade with Eastern Countries and the Domestic Market of Russia (20–60s of the 18th century)]. Moscow, 1994. 261 p.
14. Jones R. *Bread upon the Waters. The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2013. 298 p.

15. Kahan A. *The Plow, the Hammer and the Knout. An Economic History of Eighteenth Century Russia*. Chicago; London: The University Chicago Press, 1985. 399 p.
16. Kotilaine J. T. *Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in the Seventeenth Century. Windows on the World*. Leiden, Boston: Brill, 2005. 611 p.
17. Price J. M. *The Tobacco Adventure to Russia. Enterprise, Politics, and Diplomacy in the Quest for a Northern Market for English Colonial Tobacco. 1676–1722*. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1961. 120 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Захаров Виктор Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;
e-mail: v.zakharov@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor N. Zakharov – Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: v.zakharov@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Захаров В. Н. Внешняя торговля России при Петре I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 91–103.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-91-103

FOR CITATION

Zakharov V. N. Russia's Foreign Trade under Peter the Great. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 91–103.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-91-103

УДК 94(470+571) «1920/...»

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-104-113

«СУЩЕСТВУЮЩАЯ СЕТЬ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ НЕ В СИЛАХ ВМЕСТИТЬ ВСЕЙ АРМИИ БЕСПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ...». ДЕТСКИЕ ДОМА КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА ЛИКВИДАЦИИ БЕСПРИЗОРНОСТИ НА СТАВРОПОЛЬЕ И ТЕРЕКЕ В 1920-Е ГГ.

Маслова О. Б., Линец С. И., Едигарова Г. Н.*Пятигорский государственный университет**357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9. Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть политику советского государства по созданию необходимых условий для социальной защиты детей, ставших беспризорными вследствие социально-экономических и политических потрясений начала XX в., на примере Ставрополья и Терека.

Процедура и методы. Проведён анализ нескольких архивных фондов центрального (ГАРФ) и местного (ГАСК) значения с использованием логического, проблемно-хронологического, сравнительно-исторического методов с целью выявления типов детских социально-реабилитационных учреждений, благодаря которым решался вопрос ликвидации детской беспризорности.

Результаты. Несмотря на ряд серьёзных трудностей в работе детских учреждений, были определены и сделаны важные позитивные сдвиги. Их главный итог заключался в том, что многие беспризорные дети смогли найти приют, получили затем образование, приобрели трудовые навыки.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование знакомит с основными типами детских учреждений и их практическим функционированием на Ставрополье и Тереке. При этом благодаря изучению архивных данных, уделяется внимание особенностям их деятельности в данном регионе, социальному положению воспитанников. Статья представляет интерес для широкого круга научных работников, интересующихся социальной историей.

Ключевые слова: детские учреждения, Ставрополье и Терек, беспризорность, школы-коммун, приёмно-распределительные пункты, Народный комиссариат просвещения, Народный комиссариат здравоохранения, СПОН

«THE EXISTING NETWORK OF ORPHANAGES IS UNABLE TO HOUSE THE ARMY OF HOMELESS CHILDREN...». ORPHANAGES AS THE MAIN FORM OF LIQUIDATION OF HOMELESSNESS IN THE STAVROPOL AND TEREK REGIONS IN THE 1920S

O. Maslova, S. Linets, G. Edigarova*Pyatigorsk State University**9 Kalinina pr., 357532 Pyatigorsk, Russian Federation*

Abstract

Aim. The research uses the data of Stavropolskiy kray and Terek region to define the essence of the Soviet state policy on providing conditions necessary for social protection of children who were orphaned due to socio-economic and political turmoil at the beginning of the 20th century.

Methodology. Several archival funds of the federal (The State Archive of the Russian Federation) and local (The State Archive of Stavropolskiy kray) level were analysed through logical, problem-solving and chronological and comparative-historical methods with the aim of establishing the types of social rehabilitation centres for children which helped to solve the problem of accommodation of homeless children. The main focus of the research is the critical analysis of the condition of orphanages and the position of children on the example of Stavropolskiy kray and Terek region in the 1920s.

Results. The authors come to the conclusion that despite a number of serious difficulties in the work of orphanages, important positive changes were initiated and introduced. Their major effect was that many orphans were able to find shelter then received education and obtained work skills.

Research implications. The research introduces the main types of institutions for children and their practical activities in Stavropolskiy kray and Terek region. Besides, due to the study of the archives, attention is paid to the peculiarities of their activities in the named area and to the social position of their wards.

The article is of interest to a vast array of scientists, interested in social history.

Keywords: institutions for children, Stavropolskiy kray and Terek region, homelessness, communal schools, reception and distribution centre, People's Commissariat for Education, People's Commissariat for Health, social and legal protection of juveniles

Введение

В эпоху тяжёлых лихолетий, когда свирепствовали эпидемии, голод, войны и другие бедствия, в качестве следствия этих катаклизмов остро проявлялась проблема детской беспризорности. В таких условиях рушился семейный уклад и беспризорный ребёнок сразу же включался в уличную борьбу за своё выживание. У малолетних беспризорных в условиях уличной среды, нередко напрямую связанной с криминальными проявлениями, менялась психология, поэтому такие дети нуждались в особом воспитательном подходе. Его гарантировало советское государство с помощью открывающихся детских учреждений, где необходимо было создать такие условия пребывания, которые явились бы для воспитанников стимулом к приобретению и укреплению социальных привычек, а также соответствующей подготовкой к будущей сознательной трудовой жизни.

Очевидно, что общественные потрясения провоцировали детскую беспризорность в разные периоды истории России. Так, к примеру, в России в 1924 г. из 44 991 правонарушения 3/4 приходилось на несовершеннолетних беспризорников. Если же сравнить эти показатели с довоенным 1913 г., то преступность

несовершеннолетних к началу 1920-х гг. увеличилась более чем в 7 раз [4, с. 61]. Следовательно, социальный кризис в эти годы обострялся, общество криминализировалось. Эти негативные процессы способствовали подрыву внешнего и внутреннего престижа молодой советской республики. В начале 1920-х гг. беспризорные дети составляли более 6% от всего населения РСФСР. Согласно официальной статистике их было от 5,5 до 7 млн человек¹. В эти годы в советской России детская беспризорность приобрела поистине катастрофические размеры [6, с. 134].

Общая характеристика детских учреждений в начале 1920-х гг.

Рассмотрим основные типы детских учреждений, существовавших в стране в это время.

По мнению представителей советской власти, воспитание в семье было направлено исключительно на личные интересы детей. В качестве альтернативы семье новая власть рассматривала детские дома. Было принято решение, что для формирования и всестороннего развития нового человека, истинного пролетария,

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р. 5443. Оп. 26. Д. 24. Л. 50.

необходимы детские учреждения, которые смогут дать ребёнку намного больше. Они же должны были стать главным средством для того, чтобы уничтожить массовую детскую беспризорность.

Основная работа с беспризорными детьми в 1920–1930 гг. была сосредоточена в стационарных заведениях следующих видов:

- дошкольные детские дома;
- детские дома для учащихся;
- детские дома с профессиональным обучением;
- трудовые колонии и трудовые коммуны для трудновоспитуемых детей, находившиеся в ведении органов НКВД и ОГПУ;
- детские дома лечебного и полулечебного типа;
- детские дома для физически дефективных детей и подростков.

В целях оказания первичной помощи и распределения беспризорных детей по типовым учреждениям были созданы приёмники-распределители. В течение 1–4-х месяцев ребёнок находился в приёмнике, и за ним наблюдали различные специалисты [3]. Детям предоставлялись кров и пища, оказывалась медицинская помощь, прививались элементарные санитарно-гигиенические навыки, выявлялись интересы и способности, проводилось медико-психологическое исследование, здесь их готовили к переводу в стационарные заведения, устраивали на производство или помогали найти родных и вернуться в семью.

Детские дома нормального типа делились в соответствии с возрастом детей: в дошкольные принимали детей с 3 лет, с 8 лет – в дома школьного возраста. Но на практике в зависимости от состава детей, местных условий и возможностей региональных властей были и смешанные дома, где содержались дети как дошкольного, так и школьного возраста.

Главным направлением в работе детских домов того времени являлся общественно-полезный труд, трудовая под-

готовка детей к самостоятельной жизни. Внутренняя жизнь учреждений основывалась на принципах самоуправления, самодеятельности и самообслуживания, которые охватывали все сферы жизни воспитанников. В детском доме отводилось время на учёбу, труд и досуг. Распорядок дня способствовал соблюдению режима и дисциплины, регламентировал время воспитанников до малейших деталей от подъёма до отбоя ко сну.

Воспитанники школьного возраста (8–15 лет) посещали городские школы, после учебных занятий работали в мастерских. Как правило, эти мастерские обслуживали само учреждение и иногда выполняли небольшие заказы на продажу. Профиль мастерских зависел от профиля промышленных предприятий региона, в котором находилось детское учебное заведение. Трудовые навыки воспитанники получали не только в мастерских, некоторые школы-коммуны имели сельскохозяйственный уклон.

Среди беспризорников было много детей, получивших увечья в годы Гражданской войны, страдавших тяжёлыми формами различных заболеваний, в т. ч. и умственно неполноценных. Для таких детей были организованы специализированные заведения, куда беспризорники попадали на основе решения комиссии по дефективности. В воспитательную работу таких детей также входили учебные и досуговые занятия, но основной была практика трудового воспитания. Ребёнку вне зависимости от его «дефекта» необходимо было дать подготовку к работе на современном производстве.

Кроме того существовали учреждения со строгим режимом педагогического характера – детские колонии, предназначенные для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. В такие заведения распределялись осуждённые или находящиеся под следствием подростки не старше 16–17 лет. Срок пребывания зависел от характера и тяжести совершённого преступления. После его окончания

воспитанники переводились в дома разного типа или уезжали на родину.

Детские учреждения находились в основном в ведении Народного комиссариата просвещения, Народного комиссариата здравоохранения, НКВД и их местных органов, а также подотчётных им ведомствах и организациях, часто дублирующих свои функции. Например, при Наркомпросе находился отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН), в чьи обязанности также входило решение всех вопросов охраны и устройства осиротевших и беспризорных детей.

В детских домах в основном воспитывались дети, у которых не было родителей. В 1925 г. декретом СНК и ВЦИК было разрешено брать в эти учреждения и детей пролетариев, но на коммерческой основе и не более 10%. Это решение было обусловлено желанием новой власти укрепить материальное положение воспитательных учреждений¹.

Социальная обстановка в Ставропольской и Терской губерниях в 1920-х гг.

В условиях голода в начале 1920-х гг. в целях обеспечения детей питанием за государственный счёт в детские дома принимались дети всех трудящихся. На государственный паёк были переведены и детские учреждения Ставропольской и Терской губерний.

В среднем каждому ребёнку закрытого детского учреждения страны в сутки полагалось 200–300 г хлеба, 300–400 г картофеля, около 100 г мяса или рыбы, 100 г крупы, по 12 г соли и сахара. В некоторых губерниях в продовольственную норму входило также 20 яиц в месяц, 1 стакан молока в день и около 200 г овощей. Однако на практике положенный по норме суточный паёк выдавали лишь в некоторых показательных детских учреждениях. В апреле 1921 г. Деткомис-

сия доложила Президиуму ВЦИК, что питание детей состоит исключительно из мёрзлого картофеля или хлеба, т. е. они ведут полуголодное существование. Крайне редко на столы в детских домах попадали сахар, масло и мясо. Белый хлеб и овощи в большинстве из них отсутствовали вовсе [5, с. 12]. Следовательно, несмотря на то, что Ставрополье и Терек являлись сельскохозяйственными районами, в условиях нараставшего голода и здесь дети испытывали острую нехватку продуктов питания.

В 1920–1921 гг. большая часть казачьего населения Терской губернии, не признавшая советскую власть, была насильно переселена в другие районы Северного Кавказа. Депортации подвергались даже семьи, в которых числились служившие в армии красноармейцы. Жители 9 казачьих станиц с населением около 30 тыс. человек были размещены в Затеречной части Терской области и в Свято-Крестовском уезде Ставропольской губернии. Их земли были заброшены или заселены чеченцами и ингушами, мечтавшими о возвращении земель своих предков.

Депортация совпала с начавшимся массовым голодом в стране, затронувшим земледельческие районы Ставрополья и Терека. Улицы городов Кавказа и продуктовые рынки заполнились толпами измученных и голодных людей, в числе которых было немало детей.

По сведениям губернской комиссии помощи голодающим, ещё в конце 1921 г. на Ставрополье насчитывалось 216,8 тыс. голодающих, но через 5 месяцев их число увеличилось почти в 3 раза – до 641 тыс. человек, что составляло 2/3 населения, проживавшего тогда в губернии. Положение Терской губернии, Кубано-Черноморской области, Горской республики, Кабарды и Дагестана было не лучше положения Ставропольской губернии [9, с. 95]. Об этом говорилось на заседании Краевого экономического совета в июне 1922 г. Именно зерновые районы каза-

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1925. № 76. Ст. 589.

чих земель, кормившие многие города страны и края, были покинуты и заброшены, сами же горцы эту землю не обрабатывали, даже засеянные поля были вытоптаны стадами овец.

Решение о приостановлении выселения казаков за пределы Горской республики было принято Президиумом ВЦИК только в январе 1921 г. Депортированные казачьи семьи, а также крестьяне Ставрополя вынуждены были оставлять своих детей у дверей детских учреждений в надежде на их бесплатное пропитание. Местным органам власти необходимо было предоставить приют и для массы беспризорных, хлынувших со всех концов страны на Северный Кавказ в поисках тепла и хлеба. В 1921–1922 гг. число таких детей составляло от 40 до 50 тыс. человек. Эти цифры не являлись точными из-за постоянной миграции несовершеннолетних, которые то оседали в детских домах, то убегали из них. Но в целом они соответствуют данным многих документов и отчётов местных органов власти, которые вынуждены были принимать меры по спасению детей от голода и возросшей в связи с этим беспризорностью. В этих же целях использовались и заградительные отряды, чтобы не дать возможности проникнуть вглубь региона мигрирующим по железной дороге беспризорникам.

Поставки продуктов питания в детские учреждения Терской губернии были незначительными. Ввиду этого на одного ребёнка в детских учреждениях в Пятигорском, Георгиевском, Моздокском и Прикумском уездах к июню 1922 г. (детей было 3 728 чел.) в среднем приходилось всего 3/5 пайка¹. В рационе питания, предназначенном для детей, в основном были мороженный картофель и некачественная крупа. К зиме 1922 г. положение стало ещё более тяжёлым, т. к. количество выделяемых советским государством детских пайков постоянно сокращалось,

а, численность сирот и брошенных детей росла.

Краевая газета «Власть Советов» свидетельствовала о том, в каком состоянии находились детские дома Ставрополя. Дети в них были очень худыми, голодными, истощёнными, часто без верхней одежды. Они грелись под солнечными лучами, сидя под стенами дома, не в силах даже бегать и играть. Так описывали районный детский дом с. Винодельного, в котором воспитывалось 120 человек².

Условия существования детей носили удручающий и очень тяжёлый характер. Это явление наблюдалось повсеместно. И было выявлено соответствующей детской комиссией при ВЦИК после того, как она обследовала детские учреждения республики [2, с. 82].

Дети в детском доме с. Михайловское из-за очень сильного истощения были похожи на живые трупы. По словам заведующей детским домом, дети приходили в учреждение практически без одежды.

Первоначально в условиях голода и возраставшей беспризорности сеть детских учреждений расширялась: создавались новые детские дома, трудовые колонии, приёмники-распределители и т. п. В 1921 г. по РСФСР насчитывалось 4 052 детских дома, в 1922 г. их было уже 6 412³. В первую очередь этот рост объяснялся необходимостью размещения детей из голодающих губерний Поволжья.

Если к началу 1921 г. в Ставропольской губернии было около 40 детских учреждений, то через год их число увеличилось до 150, в которых содержалось порядка 12 490 детей⁴. Больше всего от голода в это время пострадали Благодаренский и Медвеженский уезды, поэтому здесь детских домов было особенно много.

Статистические данные по Тереку за 1921–1922 гг. свидетельствуют, что в гу-

¹ Обзор народного образования на Терке // Хозяйство Терка. Пятигорск, 1923. № 2-3. С. 53.

² Власть Советов. 1923. № 1034.

³ Народное образование в СССР. Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921–1925 гг. М., 1926. С. 24–25.

⁴ ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 67. Л. 38.

бернии насчитывалось более 70 детдомов и школ-коммун, в которых на содержании находилось 6 500 детей¹. Затем, к началу 1923 г., когда пик голода спал, в таких уездах, как Пятигорский, Георгиевский, Моздокский, Прикумский число детей в детских учреждениях быстро пошло на спад.

Дети искали сытую жизнь и стекались на курорт в Минеральные Воды из голодающих губерний. Наблюдательно-распределительный пункт в этом городе отличался тем, что дети воровали и бродяжничали. Из-за отсутствия верхней одежды некоторые подростки были одеты в женские халаты с короткими рукавами, не пригодными для холодного времени года. Почти ни у кого из детей не было обуви². В 1922 г. Терский Губернский отдел народного образования провёл обследование детских домов и выявил массу проблем. Учебно-воспитательная работа отсутствовала полностью. Остро ощущалась нехватка опытных педагогов и квалифицированных кадров. Из детских домов увольняли «старые» кадры – такую, недалёковидную политику в начале 20-х гг. проводил Наркомпрос.

При детских домах существовали мастерские. Им должны были в первую очередь давать заказы учреждения, которые носили профессиональный и государственный характер. Это делалось для того, чтобы повысить сбыт и производительность труда в детских домах. В планах было перевести детские учреждения на положение самостоятельного хозяйственного субъекта. Для этого их организовывали по типу трудовой коммуны³.

Для дореволюционного времени такая система детских приютов также была характерна. Переплётные, швейные, сапожные и столярные мастерские были организованы при детских домах, чтобы приобщать в них к труду детей

старшего возраста. Готовили еду, стирали и убирали дети младшего возраста, таким образом, обслуживая существующие хозяйственные нужды. На трудовой деятельности воспитанников, которая носила коллективно-организованный и общественно-полезный характер, благотворно сказывалась воспитательная и общественная работа, которую должен был обеспечивать персонал [1, с. 6]. Однако такая работа проводилась далеко не во всех детских учреждениях, и поэтому нередко детей в возрасте 12–18 лет характеризовали как невежественных и грубых⁴.

Случаи цинги, венерических заболеваний встречались среди воспитанников детских домов Ставрополья. Также были распространены глазные и кожные болезни, туберкулез и трахома. Это было обнаружено при ревизии детских учреждений. Дети болели различными инфекционными заболеваниями, потому что медицинская помощь отсутствовала, квалифицированных педагогических работников не хватало. Наркомпрос при этом настаивал на привлечении к работе политически сознательных, партийных кадров. Оплата труда работников детских домов в сёлах и волостях была ниже 8 руб. (примерно такая зарплата была у школьных преподавателей 1 и 2 ступеней). Труд технического персонала в детских домах практически не оплачивался. Поэтому помещения и классы были не убраны, холодны и разбиты. Дети обычно ютились в одной комнате, где питались и играли. Кроватей и постельных принадлежностей на всех не хватало. Спали на полу, укрываясь лохмотьями.

Состояние детских учреждений Ставропольского и Терского округов в 1920-х гг.

К середине 1920-х гг. с переводом детских учреждений на местный бюджет их число стало резко сокращаться. Это

¹ ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 71. Л. 23.

² Отчёт Терского Губернского экономического совещания Совета труда и обороны. Пятигорск, 1922. С. 108.

³ Сборник по народному образованию на Терке. № 1. Пятигорск, 1925. С. 72.

⁴ Коммунистический путь. № 5-6. Ежемесячник Терского Губернского Комитета РКП (б). Пятигорск, 1922. С. 29.

прослеживалось и на примере наших регионов. Если в 1922–1923 гг. их было около 150, то к 1924 г. их осталось 36 (3 693 воспитанника по Ставропольской губернии)¹. Например, в 1924–1925 гг. в Тверской губернии функционировало 29 детдомов. Годом раньше их было 34, а в 1922 г. их было почти в 2 раза больше. Сокращение проводилось за счёт укрупнения и разгрузки детдомов от детей, имевших родственников². Содержание огромного числа детских учреждений оказалось для государства не под силу.

На реальное число детей, которые нуждались в детском доме, вновь не хватало средств по нормативам Наркомпроса. Поэтому решено было число воспитанников сократить. Это решение было вынесено в январе 1925 г. на заседании Ставропольского областного ОНО.

Улучшить положение детских домов (питание, оборудование, инвентарь, одежда) позволило их прикрепление к общественным организациям. Более 40 тыс. детей страны содержал Крестьянский комитет общественной взаимопомощи. Более 150 тыс. детей поддерживали в детских учреждениях профсоюзные комитеты³. Более 11 тыс. детей в гражданских учреждениях содержались за счёт Красной армии. Помимо них ещё 12 тыс. воспитанников находилось в специализированных детских домах, об открытии которых также позаботилась Красная армия в начале 1920-х гг.⁴. Различные учреждения и предприятия, а также войсковые части и профсоюзы брали шефство над детскими учреждениями.

В губернских центрах Терека и Ставрополя 6 школ-коммун, 1 распределительный пункт, 1 дошкольный дом г. Пятигорска были на содержании у Губернского продуктового комитета, Политотдела и других организаций.

В 1926–1928 гг. количество детских домов продолжает сокращаться. В частности, об этом идёт речь в Положении «О мероприятиях по борьбе с беспризорностью в РСФСР» от 8 марта 1926 г., где предлагалось обеспечить необходимую разгрузку с целью увеличения их пропускной способности [8, с. 45]. С января по сентябрь 1926 г. в РСФСР из детских домов вышли более 25 тыс. воспитанников. И только около 10 тыс. были приняты на их места.

Но число беспризорных детей при этом почти не уменьшалось. В целом к 1928 г. число воспитанников детских учреждений составило около 92 тыс. человек, тогда как на год ранее их было не менее 158 тыс., а ещё годом ранее – 177 тыс.⁵. Расходы на содержание воспитанников детских учреждений сократились пропорционально сокращению их числа.

От показателей в целом по республике почти не отличалось положение детских учреждений в Ставрополе и Тереке. Воспитанники нуждались в воде, питании, одежде, ремонте помещений. Об этом свидетельствуют отчёты Деткомиссии, которые подчёркивают сложное материальное положение детских воспитательных учреждений. Это значит, что по сравнению с предшествующим периодом внутреннее состояние детских учреждений закрытого типа практически не претерпело изменений. В отличие от Москвы и других крупных городов республики борьба с детской и подростковой беспризорностью на местах приобретала форму небрежности со стороны властей и пассивности со стороны общественности. Зачастую точные данные по учёту нуждающихся отсутствовали или носили противоречивый характер.

Над детской беспризорностью можно было одержать верх уже в этот период, если количество детских домов, которые содержали местные бюджеты, не было сокращено. Этот момент нашёл свое отражение в документации ДТК при ВЦИК.

⁵ ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 315. Л. 21.

¹ ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

² ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

³ ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 185. Л. 2.

⁴ ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 14. Л. 50.

Но масштабы беспризорности увеличивались вследствие голода и переселений.

Данные по Терскому округу таковы: если в 1925–1926 гг. существовало 22 детских дома с 1 404 воспитанниками, то в 1926–1927 гг. их было уже 18 с 1 077 детьми, примерно такое же число оставалось и к 1928 г.¹ В Ставропольском округе за 1926–1928 гг. количество детских учреждений существенно не изменилось, в 1925–1926 гг. их насчитывалось 26 с 5 763 воспитанниками. Дальнейшее сокращение сети детских домов на местах объяснялось главным образом финансовыми трудностями.

На правительственном уровне принимались решения, направленные на усиление материально-финансового положения учебных заведений средств. Так, в 1927–1928 гг. государством было выделено 14 млн руб. на ликвидацию беспризорности. Отмечался значительный рост дотаций из центра и на содержание 1 воспитанника детского дома: 210 руб. в год против 197 руб. 03 коп. в 1925 г.²

Несмотря на проблемы рассматриваемого периода, многие беспризорные дети смогли получить трудовые навыки и образование, а также найти приют вопреки тому, что в детских домах было трудно существовать. Этому даже не помешал тот факт, что число детских домов значительно сократилось.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что работа детских учреждений для беспризорников в первое десятилетие советской власти была подчинена главной задаче – непосредственной борьбе с беспризорностью несовершеннолетних. На Северном Кавказе в 1920-е гг. существовали практически все типы учреждений для нуждавшихся в помощи детей, т. к. в регион массово хлынули сироты в поисках тепла и хлеба. Несмотря на сокращение детских учреждений и сложные условия существования в них, многие беспризорные дети нашли приют, получили образование и трудовые навыки.

Многие выпускники детских домов в счёт брони были определены на производство. Их распределяли в школы рабочих подростков, ученичества сельскохозяйственной направленности, в школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Эти процессы регулировались декретом ВЦИК и СНК, который был принят в сентябре 1925 г. Это говорит о том, что ситуация претерпела изменения в лучшую сторону с середины 1920-х гг., ведь ещё в начале этого периода судьбой выпускников никто не интересовался: часто они оказывались без жилья, работы и материальной поддержки [7, с. 87].

Статья поступила в редакцию 12.05.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтунина И. Р. Мотивация социального поведения в разные эпохи и на разных этапах детства // Мир психологии. 2006. № 1. С. 116–132.
2. Базаров А. Сирота Страны Советов // Родина. 2003. № 3. С. 82–85.
3. Гладыш С. Дети большой беды. М.: Звонница, 2004. 432 с.
4. Куфаев В. И. Беспризорные и правонарушители в 1924 году // Народное просвещение. 1924. № 9–10. С. 61–63.
5. Маслова О. Б. Ликвидация массовой детской беспризорности в советской России в 1920-е гг. (на материалах Ставрополья и Терека): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010. 26 с.
6. Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 134–136.
7. Славко А. А. История беспризорного и безнадзорного детства в России: конец 1920-х – начало 1950-х гг. Чебоксары, 2012. 400 с.

¹ ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

² ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 393. Л. 16.

8. Смирнова Н. В. Борьба с беспризорностью несовершеннолетних: из истории деятельности народного комиссариата путей сообщения // История государства и права. 2006. № 4. С. 18–22.
9. Чернопицкий П. Г. Деревня Северо-Кавказского края в 1920–1929 гг. Ростов-на-Дону, 1987. 230 с.

REFERENCES

1. Altunina I. R. [Motivation of social behavior in different eras and at different stages of childhood]. In: *Mir psikhologii* [The World of Psychology], 2006, no. 1, pp. 116–132.
2. Bazarov A. [Orphan of the Land of Soviets]. In: *Rodina* [Homeland], 2003, no. 3, pp. 82–85.
3. Gladyshev S. *Deti bolshoi bedy* [Children of great trouble]. Moscow, Zvonitsa Publ., 2004. 432 p.
4. Kufayev V. I. [Homeless and delinquent in 1924]. In: *Narodnoe prosvetshchenie* [Public education], 1924, no. 9–10, pp. 61–63.
5. Maslova O. B. *Likvidatsiya massovoi detskoj besprizornosti v sovetskoi Rossii v 1920-e gg. (na materialakh Stavropol'ya i Tereka): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Elimination of mass child homelessness in Soviet Russia in the 1920s. (based on materials from Stavropol and Terek): PhD thesis in History sciences]. Pyatigorsk, 2010. 26 p.
6. Rozhkov A. Yu. [Fighting homelessness in the first Soviet decade]. In: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2000, no. 1, pp. 134–136.
7. Slavko A. A. *Istoriya besprizornogo i beznadzornogo detstva v Rossii: konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg* [The history of homeless and neglected childhood in Russia: late 1920s – early 1950s]. Cheboksary, 2012. 400 p.
8. Smirnova N. V. [The fight against homelessness of minors: from the history of the activities of the People's Commissariat of Transport]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2006, no. 4, pp. 18–22.
9. Chernopitsky P. G. *Derevnya Severo-Kavkazskogo kraya v 1920–1929 gg.* [Village of the North Caucasian Territory in 1920–1929]. Rostov-on-Don, 1987. 230 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маслова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета;

e-mail: maslova69olga@yandex.ru

Линец Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета;

e-mail: linets-history@yandex.ru

Едигарова Гаянэ Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета;

e-mail: gayana-edigarova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga B. Maslova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Historic, Social, and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University;

e-mail: maslova69olga@yandex.ru

Sergey I. Linets – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Historic, Social, and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University;

e-mail: linets-history@yandex.ru

Gayane N. Edigarova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Historic, Social, and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University;

e-mail: gayana-edigarova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маслова О. Б., Линец С. И., Едигарова Г. Н. «Существующая сеть детских учреждений не в силах вместить всей армии беспризорных детей...». Детские дома, как основная форма ликвидации беспризорности на Ставрополье и Тереке в 1920-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 104–113.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-104-113

FOR CITATION

Maslova O. B., Linets S. I., Edigarova G. N. «The existing network of orphanages is unable to house the army of homeless children...». Orphanages as the main form of liquidation of homelessness in the Stavropol and Terek regions in the 1920s. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 104–113.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-104-113

УДК 930.253

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-114-122

СОВЕТСКАЯ НАГРАДНАЯ СИСТЕМА: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Калинин Д. А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Всесторонний обзор источников по советской наградной системе.**Процедура и методы.** Проведён анализ различных типов исторических источников, доступных для исследователей, и перспектив освоения малоизученных материалов.**Результаты.** Приведена классификация источников, сделаны выводы о степени информативности и изученности каждого типа, о роли современных информационных технологий в расширении источниковой базы исследований советских государственных наград и организации доступа к ней.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Автору удалось обновить проблематику источниковой базы для обобщающего исследования советской наградной системы и изучения отдельных её аспектов.**Ключевые слова:** фалеристика, советская наградная система, архив, источник, нормативные акты, мемуары, цифровизация, выставки

THE SOVIET AWARD SYSTEM: A REVIEW OF SOURCES

D. Kalinin*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. Comprehensive review of sources on the Soviet award system.**Methodology.** The main content of the article is an analysis of various types of historical sources available to researchers, and the prospects for the development of poorly studied materials.**Results.** The classification of sources is given, conclusions are made about the degree of information content and study of their types, about the role of modern information technologies in expanding the source base of research of Soviet state awards and organizing access to it.**Research implications.** The author managed to update the problems of the source base for a generalizing study of the Soviet award system and the study of its individual aspects.**Keywords:** faleristics, Soviet award system, archive, source, regulations, memoirs, digitalization, exhibitions

Введение

Изучение наградной системы советского периода как комплексного, полностью сложившегося в историческом аспекте явления подразумевает привлечение широкого круга источников. За 40 лет с момента защиты В. Г. Бурковым первой отечественной диссертации по фалеристике [1] было написано ещё 7 научных работ по хронологически ограниченным и частным вопросам [3; 4; 7; 8; 9; 12; 17], ни одна из которых

не содержит исчерпывающего анализа источниковой базы. То же относится к единичным публикациям [16].

Обобщающее научное исследование государственных наград возможно только при использовании всех основных типов исторических источников: вещественных, письменных, изобразительных, устных и фонодокументов. В зависимости от заявленной тематики любой тип может иметь приоритет: например, для фалеристической экспертизы портретов, кино- и фотодокументов, запечатлевших вручение наград, их бытование и самих награждённых, первостепенное значение приобретают изобразительные материалы, в то время как для изучения истории повседневности, негласных аспектов награждений наиболее важными могут оказаться свидетельства тех, кто представлял к наградам и принимал их. Однако в любом случае не обойтись без вещественных и письменных источников, помогающих узнать официальную сторону наградного дела – отправной пункт для последующих сравнений, обобщений и выводов.

Вещественные и изобразительные источники

Вещественные источники представлены орденами, медалями, знаками к высшим и почётным званиям и иными наградами. Сюда относятся как *учреждённые и вручавшиеся фалеронимы*, некоторые из которых имели различные варианты оформления или изготовления, так и *пробные варианты нереализованных проектов*.

Хотя сами по себе знаки отличия несут мало информации, в ряде случаев они могут рассказать многое. Например, изображения и надписи на наградах отражают форму правления, идеологию, поскольку изменение государственного строя влекло за собой изменение и наградной системы. Кроме того, во внешнем виде фалеронимов отразились и важнейшие культурные перемены. Так, первый

советский орден – орден Красного Знамени – нёс в своём облике не только новую символику, но и результаты реформы русской орфографии 1917–1918 гг.: надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» была составлена по новым нормам правописания. А латинизация арабского алфавита, в основном завершившаяся к 1930 г., привела к появлению новых вариантов уже существовавших орденов советских республик Средней Азии и Закавказья. По имеющимся на знаках отличия номерам можно установить не только владельцев, но и их судьбу, а также обстоятельства, предшествовавшие награждению.

Отказ от учреждения какой-либо награды или её видоизменение, переименование даёт ключ к пониманию отдельных исторических реалий. Изготовленные в металле проекты орденов, медалей и знаков наряду с их эскизами (изобразительными материалами) хранятся в архивах¹, в собраниях российских музеев, известных своими фалеристическими коллекциями: в Государственном историческом музее, Государственном Эрмитаже², Центральном музее Вооружённых Сил и его филиале – Музее истории военной формы одежды³, Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи Министерства обороны РФ, Музее истории денег «Монетный двор», музее Московской печатной фабрики Гознака, а также в фондах других предприятий Гознака, музеев Московского Кремля и Гохрана.

К сожалению, для большинства исследователей остаются неизвестными или недоступными частные фалеристи-

¹ Наиболее интересен фонд 87 Центрального архива Министерства обороны РФ, содержащий документы о деятельности Технического комитета Главного интендантского управления Красной Армии.

² В настоящее время готовится открытие его филиала – Музея геральдики и орденов.

³ Также известен как Музей формы одежды русской, советской и иностранных армий при 762 Центральной опытно-конструкторской базе вещевого снабжения Вооружённых Сил РФ, расположенный в подмосковном посёлке Бахчиванджи (Щёлково-4).

ческие собрания, поскольку ещё с советских времён коллекционирование наград и документов к ним криминализировано действующим законодательством.

Двоякая ситуация сложилась вокруг изобразительных материалов. В настоящий момент остаются практически неизученными эскизы проектов наград, хранящиеся в учреждениях с режимом ограниченного доступа¹ либо в личных архивах художников-медальеров, вследствие чего их публикации весьма малочисленны [5; 6; 14]. В то же время изображения реально существовавших фалеронимов массово печатались в официальных изданиях и альбомах о наградах.

Письменные источники

Наиболее подробного рассмотрения заслуживают письменные источники, их видовая классификация.

Прежде всего, это *тексты нормативно-правовых актов*. В настоящий момент нами выявлено более 1 000 документов за период с августа 1918 г. до октября 1991 г., регламентировавших функционирование и бытование государственных наград СССР². В это число включены акты о наградах РСФСР, изданные в 1918–1922 гг., поскольку фактически они вручались как общесоюзные, и этот статус позднее подтверждался на практике. Это различные декреты и постановления ВЦИК, ЦИК СССР, СНК РСФСР и СССР; указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР и утверждённые его Секретариатом приложения к ним (инструкции, образцы наград и документов); постановления Совета министров СССР, Политбюро ЦК партии и ВЦСПС; приказы и циркуляры Реввоенсовета, наркоматов (с 1946 г. – министерств) обороны, воен-

но-морского флота, внутренних дел, путей сообщения, юстиции, просвещения, финансов и социального обеспечения, а также решения, инструкции, распоряжения, изданные высшими и местными органами власти. В документальной базе нашло отражение и изменение системы государственного управления в годы Великой Отечественной войны: в этот период к перечисленным документам добавляются акты чрезвычайных органов военного времени – постановления Государственного комитета обороны, директивы Ставки Верховного Главнокомандования, приказы Центрального штаба партизанского движения.

Весь корпус нормативных актов о советских государственных наградах можно распределить по следующим группам:

1. акты об учреждении орденов, медалей, знаков отличия, установлении высших степеней отличия, почётных званий и других видов наград (знамён, наградного оружия, грамот, премий), о вносимых в них изменениях (учреждение специальных знаков отличия к званиям, видоизменение фалеронимов, редакции их статуты и положений), решения о прекращении награждения, упразднении отдельных наград;

2. «Общие положения» 1930 г., 1936 г. и 1979 г.;

3. акты о практике награждений (расширение норм «Общего положения», статуты орденов, положений о медалях и званиях, введение инструкций о порядке представления к определённым наградам и их вручения), документы по вопросам совершенствования наградного дела;

4. акты о правилах ношения и хранения знаков отличия и документов к ним, о передаче их членам семьи умерших награждённых, об их изъятии у незаконно владеющих или осуждённых;

5. акты о порядке предоставления льгот и преимуществ награждённым, амнистий.

Вне этой классификации стоят указы о награждении, лишении наград и вос-

¹ Напр., альбомы с рисунками проектов военных орденов хранятся на Базе (опытно-конструкторской) войсковой части 55443 Министерства обороны РФ.

² Следует отметить, что ряд нормативных актов Российской Федерации, изданных с 1992 г., также регулируют вопросы, связанные с наградами СССР и РСФСР и предоставлением мер поддержки награждённым ими.

становлении в правах на них, протоколы вручения орденов и медалей, наградные листы и иные формы представления к знакам отличия, поскольку они являлись практической реализацией положений вышеперечисленных документов.

Большинство нормативных актов были опубликованы в юридических изданиях: «Декреты Советской власти», «Собрание узаконений РСФСР», «Сборник законов СССР», «Свод законов СССР», «Собрание постановлений Правительства СССР», в сборниках законодательных актов о государственных наградах, официальной правовой периодике («Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР», «Ведомости Верховного Совета СССР», «Ведомости Совета народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР»), газетах «Известия», «Правда», «Красная Звезда» и др. Внимания заслуживают и отдельные иллюстрированные справочники по советским фалеронимам: например награда «Грамота ЦИК СССР» упоминается лишь в одном издании, выпущенном в 1940 г. [2]

Подлинники законодательных актов, подписанные руководителями страны, хранятся в ряде ведущих архивов России и стран ближнего зарубежья. Так, материалы довоенного периода находятся в фондах Российского государственного военного архива и Российского государственного архива Военно-морского флота; военного и послевоенного – в Центральном архиве Министерства обороны РФ, Центральном военно-морском архиве Министерства обороны РФ, в архивах других силовых ведомств; документы всех периодов советской истории – в фондах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива социально-политической истории, Архива Президента РФ, а также Национального архива Республики Беларусь и Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины. Материа-

лы по отдельным вопросам, в частности по присуждению премий, также хранятся в Российском государственном архиве экономики, Российском государственном архиве литературы и искусства и Российском государственном архиве научно-технической документации.

Среди архивных материалов встречаются акты, не опубликованные в советской печати и даже в сборниках законодательства, имевших гриф «для служебного пользования»¹: например, протокольные решения заседаний Секретариата Президиума Верховного Совета СССР по вопросам технологии изготовления знаков отличия, их количества, стоимости, партийные решения о расширении круга награждаемых лиц и выпуска для них орденов и медалей в специальном исполнении.

С начала 1990-х гг. значительно возрос интерес к ставшим доступными ранее не опубликованным нормативно-правовым актам, материалам архивов и музеев, рассказывающим историю учреждения ряда советских наград и их функционирования. Одними из первых были изданы сборники приказов НКО² и директив Ставки ВГК³, содержащие ранее засекреченные документы, регламентировавшие практику награждений в годы войны. Благодаря этому появилась возможность

¹ Собрание действующего законодательства СССР. Т. 3. Раздел I. Законодательство об общественном государственном устройстве. Кн. 3 / гл. ред. В. И. Теребилов. М.: Известия, 1974. 464 с.

² Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941–1942 гг. Т. 13 (2–2) / под общ. ред. В. А. Золотарёва. М.: ТЕРРА, 1997. 448 с.; Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3) / под общ. ред. В. А. Золотарёва. М.: ТЕРРА, 1997. 456 с.

³ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1) / под общ. ред. В. А. Золотарёва. М.: ТЕРРА, 1996. 448 с.; Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3) / под общ. ред. В. А. Золотарёва. М.: ТЕРРА, 1999. 360 с.; Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4) / под общ. ред. В. А. Золотарёва. М.: ТЕРРА, 1999. 368 с.

документально подтвердить или опровергнуть ряд утверждений о бытовании знаков отличия и показательных награждений ими, до этого циркулировавших на уровне слухов и предположений. Не менее интересны тематические военно-исторические журналы и сборники документов¹.

Количество награждений, круг награждённых, их отбор, права – дело социальной политики государства. Изучение данного аспекта подразумевает привлечение *статистических материалов* в виде архивных справок² или специализированных публикаций³, среди которых особенно интересны «Статистические сборники о награждении государственными наградами СССР» за периоды с 1918 г. по текущий год, издаваемые ограниченным тиражом Отделом наград Пре-

зидиума Верховного Совета СССР для правительственных учреждений.

Отдельную группу опубликованных источников представляет *мемуарная литература* советских офицеров и военачальников [10; 11; 13; 15], содержащая ценную информацию о самих наградах, их мотивационной роли для личного состава армии и флота, о реальном процессе награждений в военный период. В то же время следует с осторожностью использовать *письменные и устные воспоминания* обычных граждан и ветеранов, поскольку они могут быть недостоверны не только в фактологии, но и вследствие недопонимания авторами сути наградной политики и практики. Критический подход актуален и в отношении к надписям, в т. ч. официального характера, сделанным на фотографиях.

Серьёзная источниковедческая критика материалов личного происхождения возможна путём привлечения таких источников ценных сведений, как *сопутствующие наградам документы*: орденские книжки, удостоверения к медалям и знакам, грамоты к высшим и почётным званиям и отдельным орденам, протоколы передачи ордена, медали и документов о награждении семье умершего, (по-смертно) награждённого. Сюда же можно отнести трудовые и красноармейские книжки, военные билеты, учётные карточки и анкеты с записями, подтверждающими факты награждения. Интересны и другие *материалы личных архивов* кавалеров наград: поздравления военного командования или руководства трудовых коллективов в связи с награждением, выписки из приказов о награждении, премировании или объявлении благодарности, статьи из газет о боевых подвигах или иных заслугах.

Материалы архивов и их презентация

Среди позитивных явлений последнего десятилетия следует отметить *цифровизацию архивных фондов*. С 2010 г. действует и развивается Обобщённый

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 3. Постановления. 1959–1964 гг. / ред. А. А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2008. 1271 с.; Русский архив: Великая Отечественная: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). М.: ТЕРРА, 1999. 672 с.; Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения. Январь–декабрь 1943 г. Сборник документов / отв. ред. А. Н. Чистиков. СПб.: Арт-Экспресс, 2018. 640 с.

² Напр.: Справка о количестве награждений орденами и медалями СССР за время Отечественной войны по состоянию на 1 апреля 1946 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 17. Д. 353. Л. 11–12; Справка о количестве награждений орденом Ленина по состоянию на 1 ноября 1946 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 17. Д. 353. Л. 50.

³ Военные кадры советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Справочно-статистические материалы / под общ. ред. А. П. Белобородова. М.: Воениздат, 1963. С. 361–401; Данные о количестве награждений орденами и медалями СССР за период 1918–1964 гг. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998. № 3. С. 132–157; Молодёжь СССР. Статистический сборник / под ред. А. В. Косарева, И. А. Кравля. 1936. С. 188–189; Награды Родины – лучшим: Сборник статистических данных о награждении орденами и медалями СССР, Почётной грамотой Президиума Верховного Совета ГССР и присвоении почётных званий СССР и ГССР / сост.-ред. Э. С. Зенаишвили. Тбилиси, 1981. 69 с.; Сборник статистических данных о награждении орденами и медалями СССР за 50 лет. М., 1968. 79 с.

банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹, созданный по инициативе Министерства обороны РФ. Данный ресурс позволяет не только ознакомиться с различной делопроизводственной документацией военного периода, но и непосредственно с наградными листами – одними из самых ценных источников по военной и социально-политической истории. Однако банк данных охватывает материалы только с июля 1941 г. (первые акты награждения) по 1948 г. (окончание массового представления к наградам за военные подвиги и раненых) и ограничивается документами по линии Народного комиссариата обороны. В перспективе планируется представить в открытый доступ материалы других ведомств.

1 июля 2019 г. заработал информационный интернет-портал «Партизаны Беларуси»² – общедоступная база данных о партизанах и подпольщиках, действовавших на территории республики в годы Великой Отечественной войны, аналог российского сайта «Подвиг народа». На момент запуска проекта отсканировано и выложено в открытый доступ свыше 70 тысяч наградных листов и списков награждённых, а также личные листки по учёту кадров, характеристики и другие материалы, хранящиеся преимущественно в Национальном архиве Республики Беларусь.

Весной 2020 г., ко дню 75-летия Победы, Российским государственным архивом социально-политической истории была подготовлена пилотная версия базы данных «Подвиг партизан»³ об участниках партизанского движения, пред-

ставленных к государственным наградам. В её основу легли документы фонда Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования (РГАСПИ, фонд № 69): наградные листы, представления к награждению и сопутствующие документы, в т. ч. боевые характеристики, личные листки по учёту партизанских кадров и другие. Представленная часть информации из документов предназначена для поиска и идентификации искомого лица в документах РГАСПИ, а также для дальнейшего получения сведений о нём через военкомат, поиска документов о награждении в Государственном архиве Российской Федерации, информации на порталах «Память народа», «Подвиг народа» и «Партизаны Беларуси».

7 мая 2020 г. на портале «Архивы Санкт-Петербурга» была представлена база данных о награждённых медалью «За оборону Ленинграда»⁴ решениями Ленинградского городского исполнительного комитета – преимущественно гражданских лиц. Основу составили документы (списки представленных к награждению медалью и личные карточки, заполненные на них, решения Ленгорисполкома о награждении и акты о вручении медалей), хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга.

За последнее десятилетие электронные копии архивных материалов размещены в открытом доступе на интернет-порталах Федерального архивного агентства РФ (проекты «Документы советской эпохи»⁵ и «Лидеры советской эпохи»⁶), Национального архива Респу-

¹ Электронный банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» : [сайт]. URL: <http://podvignaroda.ru> (дата обращения: 03.11.2020).

² Партизаны Беларуси : [сайт]. URL: <https://partizany.by> (дата обращения: 03.11.2020).

³ База данных «Подвиг партизан» // Российский государственный архив социально-политической истории : [сайт]. URL: <http://rgaspi.info/k-75-letiyu-pobedy/nagrody-partizan/> (дата обращения: 03.11.2020).

⁴ Медаль «За оборону Ленинграда» // Архивы Санкт-Петербурга : [сайт]. URL: <https://medal.spbarchives.ru> (дата обращения: 03.11.2020).

⁵ Документы советской эпохи // Архивы России : [сайт]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru> (дата обращения: 03.11.2020).

⁶ Лидеры советской эпохи // Архивы России : [сайт]. URL: <http://liders.rusarchives.ru> (дата обращения: 03.11.2020).

блики Беларусь¹ и Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины². Достоинством некоторых представленных документов является наличие более полной информации: например, отдельные акты верховной власти и партии ранее имели гриф секретности или пункты, не подлежавшие опубликованию в печати.

Также стали активно проводиться *тематические выставки материалов федеральных архивов*, среди которых можно выделить серию историко-документальных выставок «В штабах Победы» (2015–2019 гг.), на которых было представлено большое количество подлинных документов и предметов фалеристики, связанных с развитием наградной системы в годы Великой Отечественной войны. Большая часть прошедших выставок ныне размещена в интернете в виде виртуальных туров с возможностью изучения сканов подлинных документов, их архивных шифров и данных описи. Заслуживают внимания

публикации документов Министерством обороны РФ в тематических информационно-исторических разделах³.

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день основными источниками для комплексных исследований советской наградной системы остаются тексты нормативных актов, архивные, делопроизводственные и материалы личного происхождения. Первые позволяют выявить правовые аспекты функционирования и эволюции наградной системы, остальные – понять практику их применения и бытования в социуме. Дальнейшее рассекречивание архивных документов, развитие современных технологий позволяют выявить ещё неизвестные материалы, обеспечить доступ к ранее закрытым, благодаря чему значительно расширяется источниковая база исследований.

Статья поступила в редакцию 30.10.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурков В. Г. Отечественные награды: знаки отличия и их документация как исторический источник и предмет фалеристики: дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛГУ, 1979. 277 с.
2. Васильев А. Н., Каргальцев И. П., Павлов Л. В. Ордена и медали СССР. М.: Ведомости, 1940. 112 с.
3. Верёвкин В. В. Награды за трудовые достижения в СССР, история учреждения орденов, медалей и знаков отличия и их значение как исторического источника: 1920 – июнь 1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Киев: КГУ, 1982. 290 с.
4. Гринчишин В. А. Совершенствование правового регулирования государственного награждения: дис. ... канд. юр. наук. Киев, 1990. 168 с.
5. Дуров В. А. Награды Великой Отечественной. М.: Русская книга, 1993. 136 с.
6. Дуров В. А. Орден Ленина. Орден Сталина (проект). М.: Collector's Books, 2005. 144 с.
7. Жалыльдинов Р. Р. Издательское обеспечение наградной системы СССР: книговедческая реконструкция: дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. 457 с.
8. Иванов С. А. Развитие системы награждений орденами и медалями военнослужащих Красной Армии (1918–1945): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 254 с.
9. Калашникова А. В. Советские республиканские ордена в контексте культуры: научное описание, каталогизация, музейная презентация: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 231 с.
10. Лебединцев А. З., Мухин Ю. И. Отцы-командиры. М.: Яуза, 2006. 608 с.
11. Михин П. А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» М.: Яуза; Эксмо, 2006. 576 с.

¹ Национальный архив Республики Беларусь : [сайт]. URL: <http://www.narb.by> (дата обращения: 03.11.2020).

² Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины : [сайт]. URL: <http://www.tsdavo.gov.ua> (дата обращения: 03.11.2020).

³ Напр.: «Ограниченный контингент» людей долга и чести... // Министерство обороны Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://mil.ru/files/files/afgan30/> (дата обращения: 03.11.2020); Прошедшие огонь войны, вы свой талант дарили людям // Министерство обороны Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://heritage.mil.ru> (дата обращения: 03.11.2020).

12. Мякушев С. Д. Материалы награждений советскими орденами в 1921–1933 гг. как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 202 с.
13. Пыльцын А. В. Штрафбат: наказание, искупление. Военно-историческая быль. СПб.: ИПК БИ-ОНТ, 2015. 536 с.
14. Сарычева М. А. Ордена «Победа» в собрании музеев Московского Кремля. М.: Московский Кремль, 2018. 91 с.
15. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. В дни огорчений и побед. Кн. 1. М.: Вече, 2014. 512 с.
16. Шуняков Д. В. К вопросу о состоянии изучения истории наградной системы СССР в годы Великой Отечественной войны: источниковедческий и историографический обзор // Маршал Победы в военной истории России. Десятые уральские военно-исторические чтения, посвящённые 120-летию великого полководца, Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Сборник научных статей / гл. ред. А. В. Сперанский. Екатеринбург, 2016. С. 143–156.
17. Шуняков Д. В. Наградная система СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018. 204 с.

REFERENCES

1. Burkov V. G. *Otechestvennye nagradnye znaki otlichiya i ikh dokumentatsiya kak istoricheskii istochnik i predmet faleristiki: dis. ... kand. ist. nauk* [Domestic award insignia and their documentation as a historical source and subject of faleristics: PhD thesis in Historical sciences]. Leningrad, LGU Publ., 1979. 277 p.
2. Vasilev A. N., Kargaltsev I. P., Pavlov L. V. *Ordena i medalii SSSR* [Orders and medals of the USSR]. Moscow, Vedomosti Publ., 1940. 112 p.
3. Verevkin V. V. *Nagrady za trudovyye dostizheniya v SSSR, istoriya uchrezhdeniya ordenov, medaley i znakov otlichiya i ikh znacheniye kak istoricheskogo istochnika: 1920 – iyun 1941 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Awards for labor achievements in the USSR, the history of the establishment of orders, medals and insignia and their significance as a historical source: 1920 – June 1941: PhD thesis in Historical sciences]. Kiev, KGU Publ., 1982. 290 p.
4. Grinchishin V. A. *Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya gosudarstvennogo nagrazhdeniya: dis. ... kand. yur. nauk* [Improvement of legal regulation of state awards: PhD thesis in Law sciences]. Kiev, 1990. 168 p.
5. Durov V. A. *Nagrady Velikoi Otechestvennoi* [Great Patriotic War awards]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1993. 136 p.
6. Durov V. A. *Orden Lenina. Orden Stalina (proekt)* [The order of Lenin. Order of Stalin (project)]. Moscow, Collector's Books Publ., 2005. 144 p.
7. Zhalyaldinov R. R. *Izdatelskoe obespechenie nagradnoi sistemy SSSR: knigovedcheskaya rekonstruktsiya: dis. ... kand. ped. nauk* [Publishing support of the USSR award system: bibliological reconstruction: PhD thesis in Pedagogical sciences]. Moscow, 2006. 457 p.
8. Ivanov S. A. *Razvitie sistemy nagrazhdenii ordenami i medalyami voennosluzhashchikh Krasnoi Armii (1918–1945): dis. ... kand. ist. nauk* [Development of the system of awards by orders and medals for the servicemen of the Red Army (1918–1945): PhD thesis in Historical sciences]. Moscow, 2009. 254 p.
9. Kalashnikova A. V. *Sovetskie respublikanskii ordena v kontekste kul'tury: nauchnoe opisanie, katalogizatsiya, muzeinaya prezentatsiya: dis. ... kand. ist. nauk* [Orders of Soviet republics in the context of culture: scientific description, cataloging, museum presentation: PhD thesis in Historical sciences]. Moscow, 2015. 231 p.
10. Lebedintsev A. Z., Mukhin Yu. I. *Ottsy-komandiry* [Fathers-commanders]. Moscow, Yauza Publ., 2006. 608 p.
11. Mikhin P. A. «Artilleristy, Stalin dal prikaz!» [«Gunners, Stalin gave the order!»]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2006. 576 p.
12. Myakushev S. D. *Materialy nagrazhdenii sovetskimi ordenami v 1921–1933 gg. kak istoricheskii istochnik: dis. ... kand. ist. nauk* [Materials of awarding Soviet orders in 1921–1933 as a historical source: dis. ... Cand. hist. sciences]. Moscow, 1985. 202 p.
13. Pylytsyn A. V. *Shtrafbat: nakazanie, iskuplenie. Voennno-istoricheskaya byl* [Penal battalion: punishment, atonement. Military history]. St. Petersburg, IPK BIONT Publ., 2015. 536 p.

14. Sarycheva M. A. *Ordena «Pobeda» v sobranii muzeev Moskovskogo Kremlya* [Order «Victory» in the collection of the Moscow Kremlin museums]. Moscow, Moscow Kreml Publ., 2018. 91 p.
15. Shtemenko S. M. *Generalnyi shtab v gody voiny. V dni ogorchenii i pobed. Kn. 1* [General Staff during the war. In the days of grief and victories. Book 1]. Moscow, Veche Publ., 2014. 512 p.
16. Shunyakov D. V. [To the question of the state of study of the history of the USSR reward system during the Great Patriotic War: source study and historiographic review]. In: Speransky A. V., ed. *Marshal Pobedy v voennoi istorii Rossii. Desyatye uralskie voenno-istoricheskie chteniya, posvyashchennyye 120-letiyu velikogo polkovodtza, Marshala Sovetskogo Soyuza G. K. Zhukova. Sbornik nauchnykh statei* [Marshal of Victory in the military history of Russia. The tenth Ural military history readings dedicated to the 120th anniversary of the great commander, Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov. Collection of scientific articles]. Ekaterinburg, 2016. P. 143–156.
17. Shunyakov D. V. *Nagradnaya sistema SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Award system of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945): PhD thesis in Historical sciences]. Ekaterinburg, 2018. 204 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калинин Денис Александрович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;

e-mail: dens-arts@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis A. Kalinin – post-graduate student, Department of Contemporary Russian History, Moscow Region State University;

e-mail: dens-arts@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Калинин Д. А. Советская наградная система: обзор источников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 114–122. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-114-122

FOR CITATION

Kalinin D. A. The soviet award system: a review of sources. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 114–122.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-114-122

УДК 94(470)19

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-123-133

АНТРОПОГЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ОКРУЖАЮЩУЮ ПРИРОДНУЮ СРЕДУ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ КОТЛАСКОГО ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОГО КОМБИНАТА)

Колокольчикова Р. С.*Военный университет радиоэлектроники**162622, Вологодская область, г. Череповец, Советский пр., д. 126, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить вклад Котласского ЦБК в формирование признаков экологического кризиса на территории г. Коряжмы и в бассейне Белого моря.

Процедура и методы. Рассмотрен комплекс преимущественно неопубликованных исторических источников по теме исследования. В работе помимо общенаучных методов были использованы компаративный, историко-генетический, статистический и др. методы.

Результаты. Были выявлены масштабы загрязнения технологическими отходами Котласского ЦБК окружающей природной среды; причины, тормозившие процесс экологизации целлюлозно-бумажных производств; дана оценка влияния качества окружающей среды в зоне антропогенного воздействия Котласского ЦБК на состояние здоровья населения, ихтиофауны Северной Двины.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение экологической истории России в позднесоветский период, когда признаки экологического кризиса перешли в стадию глобального вызова человечеству.

Ключевые слова: экологическая история, Европейский север России, Котласский целлюлозно-бумажный комбинат, позднесоветский период истории, окружающая среда, экологический кризис, экзогенные болезни

ANTHROPOGENIC IMPACT OF PULP AND PAPER ENTERPRISES ON THE ENVIRONMENT AS A FACTOR LEADING TO THE ECOLOGICAL CRISIS IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE LATE SOVIET PERIOD (THE CASE STUDY OF THE KOTLAS PULP AND PAPER MILL)

R. Kolokolchikova*Military University of radio electronics**126 Sovetzky pr., Cherepovetz 162622, Vologda region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of this work is to define the contribution of the Kotlas Pulp and Paper Mill to the signs of an ecological crisis in the territory of Koryazma and in the White Sea basin.

Methodology. The article examines a set of mostly unpublished historical sources on the topic of research. In addition to general scientific methods, comparative, historical-genetic, etc. methods were used in the study.

Results. In the study, the extent of the pollution of the natural environment by technological waste from the Kotlas Pulp and Paper Mill, the reasons that hindered the process of greening pulp and paper production were identified, the impact of environmental quality in the zone of the anthropogenic impact of the Kotlas Pulp and Paper Mill on the health of the population, ichthyofauna of the Northern Dvina was assessed.

Research implications. The research results contribute to the study of the ecological history of our country in the late Soviet period, when the signs of the environmental crisis have passed into the stage of global challenge to humanity.

Keywords: ecological history, the European North of Russia, the Kotlas Pulp and Paper Mill, late Soviet period of history, the environment, the ecological crisis, exogenous diseases

Введение

Согласно учению о биосфере, созданному В. И. Вернадским в середине 1920-х гг., живая и неживая природа Земли, тесно взаимодействуя друг с другом, представляют собой единое целое. Гармония живой и неживой природы – условие существования человечества. Однако биосферный подход во взаимодействии человека и природы в силу исторически сложившегося антропоцентризма как господствующего мировоззрения традиционно игнорируется и в наше время. Как следствие – нарастание экологического кризиса, характеризующегося стремительной деградацией природной среды, разрушением природных экосистем, когда экологические проблемы приобретают социальное, политические и экономические значение.

В середине XX в. признаки экологического кризиса вступили в стадию глобального вызова человечеству. Глобальный экологический кризис актуализирует его изучение исследователями самых разных отраслей научного знания, в т. ч. и историками [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

Однако сюжет, которому посвящена данная статья, специально не изучался. Цель представленной статьи – выяснение масштабов загрязнения отходами производства Котласского целлюлозно-бумажного комбината (ЦБК) атмо-гидро-лито сферы; причин, тормозивших экологизацию целлюлозно-бумажных производств; оценка влияния качества окружающей среды на состояние здоровья населения

в районе Котласского ЦБК, на состояние природных водоёмов и ихтиофауны бассейна Белого моря.

Масштабы загрязнения технологическими отходами Котласского ЦБК окружающей среды и основные направления политики по экологизации целлюлозно- бумажных производств

Первое поселение на месте современного г. Коряжма появилось в 1535 г., когда на левом берегу р. Вычегда был основан Николо-Коряжемский монастырь. Со временем в окрестностях монастыря стали возникать деревни. Около одной из этих деревень – Коряжмы – в середине 1930-х гг. советское правительство решило построить завод по производству целлюлозы. Выбор места был продиктован рядом факторов. Прежде всего, это наличие в регионе лесной промышленности – источника сырья для производства готовой продукции. Учитывалось также, что технологический процесс по производству готовой продукции в целлюлозно-бумажной промышленности требует большого количества воды. Поэтому предприятие разместили в прибрежной полосе реки. Эта река в 30 км от Коряжмы у г. Котласа впадает в самую полноводную реку бассейна Белого моря – Северную Двину, что открывало возможность вывоза готовой продукции по Северному морскому пути. Немаловажным фактором являлось и то, что г. Котлас уже в то время был крупным транспортным узлом региона.

Котлас – ближайшее к новостройке поселение, имевшее статус города. Возможно поэтому, с самого начала строящийся целлюлозно-бумажный комбинат получил наименование Котласский. Новостройку пришлось прервать на нулевом цикле: начавшаяся Великая Отечественная война заставила законсервировать строительство комбината до середины 1950-х гг.

В 1961 г. Котласский ЦБК был введен в эксплуатацию и дал первую продукцию. Не прошло и 10 лет, как он стал локомотивом отрасли. По словам министра целлюлозно-бумажной промышленности К. Галаншина, в начале 1970-х гг. Котласский ЦБК являлся самым крупным в стране предприятием целлюлозно-бумажной промышленности. Комбинат выпускал более 1/3 всей вискозной целлюлозы, производимой в стране, около 1/5 всей мешочной бумаги и почти 1/5 часть тарного картона. Продукция из Котласа шла к 2 500 потребителям на внутреннем рынке и экспортировалась в 25 зарубежных стран¹.

В 1970–1980-е гг. Котласский ЦБК продолжал расширять производственные мощности, увеличивалось количество наименований лесохимических производств в составе ЦБК. Вместе с этим росло и население Коряжмы – к середине 1980-х гг. здесь уже проживало более 40 тыс. В 1985 г. Коряжма получила статус города.

С самого начала истории ЦБК жизнь населения Коряжмы полностью была связана с комбинатом. Именно Котласский ЦБК определял пополнение производственной градообразующей основы Коряжмы. На основе ЦБК был построен Котласский химический завод, группа предприятий стройиндустрии. Именно Котласский ЦБК определял социокультурный состав населения города, обеспечивая занятость основной части горожан; являлся главным застройщи-

ком территории Коряжмы. Комбинат строил большинство жилых домов в городе, школы и детские сады, лечебные учреждения, дороги, другие объекты социокультурного назначения. Комбинат обеспечивал водоснабжение поселения, благоустраивал его территорию, являлся организатором основных событий спортивной и культурной жизни в Коряжме, культурно-массовых мероприятий.

Целлюлозно-бумажные производства, а также другие лесохимические производства, постепенно появлявшиеся в составе Котласского ЦБК, относятся к наиболее ресурсоемким, неэкологичным отраслям экономики, оказывающим разрушающее воздействие на окружающую природную среду. Особенно негативно эти производства воздействуют на природные водоёмы.

Между тем, проект Котласского ЦБК разрабатывался во второй половине 1930-х гг. и в послевоенные годы, когда воздействие производств на окружающую среду не учитывалось, а в отечественной науке, как, впрочем, и в зарубежной, отсутствовали эффективные технические решения, способные обеспечить полноценную очистку технологических отходов – твердых, газообразных, технологической воды. Первоначально проект системы водоснабжения производств на Котласском ЦБК основывался на прямой схеме, при которой отработанная вода после однократного использования должна была сбрасываться в р. Борщевку, впадающую в Вычегду. Однако уже после пуска в эксплуатацию I очереди комбината, в ходе строительства II очереди было решено внести коррективы в проект. Цель была снизить негативное воздействие одного из крупнейших в стране целлюлозно-бумажных предприятий, в которое превращался Котласский ЦБК, на экологическое состояние акватории Вычегды, а значит, Северной Двины и Белого моря.

Учитывалось также большое народнохозяйственное значение Вычегды – самой протяженной реки Европейского Севера

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 442. Оп. 1. Т. 2. Д. 950. Л. 108–109.

(1 130 км). Взяв своё начало на склонах Тиманского кряжа на территории Коми, Вычегда продолжает своё течение по Архангельской области. Впадая в Северную Двину, Вычегда является самым крупным её притоком. С давних пор берега Вычегды, по меркам Европейского Севера, были довольно густо заселены. Население росло по мере промышленного освоения региона, что сопровождалось усилением антропогенного воздействия на акваторию Вычегды, а это, в свою очередь, ставило под угрозу богатое видовое и качественное разнообразие ихтиофауны реки, имевшиеся в некоторых её притоках нерестово-выростные угодья атлантического лосося. Таким образом, потребность в поддержании определённого экологического равновесия в бассейне Белого моря в условиях беспрецедентного наращивания мощностей лесохимических производств на Котласском ЦБК продиктовало необходимость оснащения технологических процессов на комбинате очистными сооружениями.

В 1965 г. на Котласском ЦБК впервые в отрасли были введены в эксплуатацию очистные сооружения, в состав которых входила станция биологической очистки промстоков. Это позволило заметно снизить объёмы загрязнённых промстоков, сбрасываемых в р. Вычегду¹.

Однако последовавшие решения о строительстве III и IV очередей производственных мощностей комбината потребовали дальнейшего усиления внимания к сооружению новых очистных установок глубокой очистки производственных отходов на Котласском ЦБК.

Необходимость такой потребности осознавалась высшим хозяйственным руководством страны. 26 февраля 1969 г. состоялось совещание руководителей заинтересованных министерств и ведомств у заместителя председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова. На совещании рассматривался вопрос «О ходе строительства и работе Архангельского,

Сегежского, Котласского комбинатов, Брянского целлюлозно-бумажного комбината, а также о некоторых других вопросах работы Минбумпрома»². В решении совещания было отмечено, что «Минбумпром до настоящего времени не обеспечивает устойчивую работу очистных сооружений <...> Поручить Минбумпрому СССР, Минрыбхозу СССР, Минводхозу СССР, Минздраву СССР и Главгидрометеослужбе на основе обобщения изучения отечественного и зарубежного опыта способов очистки сточных вод целлюлозно-бумажных предприятий разработать нормативные показатели для строительства очистных сооружений на этих предприятиях»³.

Несмотря на природоохранную риторику в правительстве СССР, Архангельская областная санэпидемстанция 4 марта 1970 г. констатировала в докладной записке, адресованной Архангельскому обкому КПСС, министерству целлюлозно-бумажной промышленности СССР, что «на Котласском ЦБК все коросодержащие стоки в объёме 4,5 тыс. м³/ч без очистки идут на сброс, концентрация промстока в 18–20 раз превышает допустимую по расчёту»⁴. В связи с этим, несмотря на то, что главный санитарный врач СССР разрешил эксплуатацию производства древесноволокнистых плит на Котласском ЦБК лишь на 30% проектной мощности, по приказу начальника Главцентрбумпрома цех древесноволокнистых плит в Коряжме продолжал работать на полную мощность⁵.

Практическому решению поставленной природоохранной задачи препятствовали серьёзные проблемы. Как отмечал заместитель министра целлюлозно-бумажной промышленности Н. Н. Чистяков в докладе на пленуме научно-технического совета министерства

² РГАЭ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 947. Л. 143–205.

³ РГАЭ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 947. Л. 41–42.

⁴ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 296. Оп. 4. Д. 115. Л. 12.

⁵ ГААО. Ф. 296. Оп. 4. Д. 115. Л. 12–13.

¹ РГАЭ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 947. Л. 47

целлюлозно-бумажной промышленности в 1970 г., «... сегодня у нас в Советском Союзе нет такой организации, которая бы глубоко и всесторонне работала над созданием эффективных аппаратов по очистке промышленных стоков целлюлозно-бумажной промышленности, <...> Объём исследовательских работ в целлюлозно-бумажной промышленности по очистке промышленных стоков, водопотреблению, уменьшению загрязнения в наших технологических процессах не соответствует тому практическому размаху работ, который нужно будет в промышленности осуществлять в ближайшее время»¹. Недостаток финансирования научно-исследовательских работ по испытанию и внедрению новой техники и технологий, отсутствие необходимой научно-технической базы, научно-технические упущения – всё это явилось теми условиями, которые определили в качестве приоритетного способа экологизации в целлюлозно-бумажной промышленности не внедрение безотходных и малоотходных технологий, а строительство очистных сооружений².

Между тем по мере индустриального освоения северных регионов РСФСР учёные-экологи стали проявлять интерес к проблемам экологической ёмкости этих территорий, изучать экологические издержки промышленного освоения севера. Удалось установить, что окружающая природная среда севера отличается пониженной способностью к самовосстановлению. Проявлением обеспокоенности политического и хозяйственного руководства СССР сохранением экологического баланса северных территорий страны стало принятие 15 января 1981 г. постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об усилении охраны морей, рек и других водоёмов Арктического бассейна от загрязнений». Постановление потребовало от министерств и ведомств принятия надлежащих мер к выполне-

нию на подведомственных им предприятиях и в организациях мероприятий по предотвращению загрязнения водоёмов Арктического бассейна³.

В русле поставленных задач активизировалась работа промышленных предприятий, городских властей по строительству новых водоохраных объектов и реконструкции старых, увеличилось финансирование строительства таких объектов. Как следствие, на Котласском ЦБК, например, только за 1985 г. по сравнению с 1984 г. количество загрязнений, поступивших в открытые водоёмы, сократилось по БПК-5 (биологическое потребление кислорода анаэробными микроорганизмами) на 170 т, по взвешенным веществам – на 7 877 т⁴.

Однако, как отмечал В. Минаев, заместитель председателя Комитета народного контроля СССР, проведённая в мае 1985 г. проверка показала, что ряд министерств, в т. ч. и министерство лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, сорвали выполнение постановления, требовавшего полного прекращения сброса неочищенных сточных вод в зоне Арктического бассейна в 1984 г. В справке также отмечено, что «несмотря на строгие требования директивных органов, на протяжении многих лет необходимых средств на строительство новых и реконструкцию действующих природоохраных объектов не выделялось»⁵. На Котласском ЦБК в 1988 г. из 88 очистных установок – 33,3% по возрасту были старше 25 лет, а 70% – старше 10 лет⁶. Сказывалось не только недостаточное финансирование, но и характерный для позднесоветской экономики долгострой. В этой связи в справке Министерства финансов СССР в Совет министров СССР в 1985 г. сообщалось, что нормы продолжительности строительства по минлес-

³ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1300. Оп. 21. Д. 3740. Л. 55–61.

⁴ РГАЭ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 5023. Л. 57.

⁵ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 21. Д. 3740. Л. 57.

⁶ Трудовая Кораяма. 1989. 8 апреля.

¹ РГАЭ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 1005. Л. 9.

² РГАЭ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 1005. Л. 79.

бумпрому нередко не соблюдаются, некоторые объекты строятся более 10 лет и на момент пуска в эксплуатацию морально устаревают. На Котласском ЦБК, например, строительство сульфат-спиртового дрожжевого цеха сметной стоимостью 5,5 млн руб. началось в 1977 г., а в 1985 г. строительством был освоен всего лишь 1 млн руб. или 17,9%¹.

Не оправдало надежд и качество очистных сооружений на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности. Проекты, сулившие на бумаге высокую очистку вредных отходов производства, при вводе в эксплуатацию оказывались неспособными по техническим причинам выполнять данные обещания. На Котласском ЦБК эффективность станции биологической очистки промстоков, например, по проекту составляла 92,5%. Однако на практике выяснилось, что проектные показатели не обеспечиваются по взвешенным веществам, по органическим загрязнителям по БПК-5. Как отмечалось на сессии Коряжемского горсовета, в 1988 г. в среднем на 1 л водных отходов производства по проекту показатель по взвешенным веществам должен составлять 20 мл, а фактически составляет 70,4 мл. По органическим загрязнителям – по проекту 12 мг/л отходов, а фактически – 14,8 мг².

Проект не предусматривал очистку водных технологических отходов от имеющихся там таких загрязнителей, как скипидар, фурфурол, метанол и многих других опасных веществ. В целом за 1988 г. сброс загрязняющих веществ в поверхностные водные источники с очистных сооружений Котласского ЦБК превышал проектные показатели по взвешенным веществам в 3 раза, по органическим – в 2,5 раза. А сброс нефтепродуктов за 1988 г. составил 653 т³. Вот что отметила в своём выступлении госинспектор комитета охраны природы

Котласского района Ю. С. Шкалёва, принявшая участие в общегородском митинге под девизом «В защиту природы», состоявшемся в Коряжме 17 декабря 1989 г.: «В течение многих лет Вычегда служила приёмником сточных вод промышленных предприятий Коряжмы, и сегодня в неё ежедневно сбрасывается 650 тыс. т недостаточно очищенных сточных вод. А хлорное производство, промывочно-пропарочная станция, водоподготовительный цех, ливневая канализация промплощадки Котласского ЦБК и химзавода как условно чистые спускают отходы в р. Борщовку. Речка превратилась в сточную канаву, где лингосульфаты являются её донным отложением. На предприятии разрабатываются природоохранные мероприятия, но они в основном остаются на бумаге»⁴. Кроме того, до конца изучаемого периода отдельные объекты Котласского ЦБК продолжали основываться на прямой схеме водопотребления, сбрасывая отработанную воду без очистки в р. Борщовку – приток Вычегды. Строительство очистных сооружений продолжало отставать от наращивания производственных мощностей комбината⁵.

На протяжении всего изучаемого периода нерешённой на Котласском ЦБК оставалась проблема утилизации активного ила, остающегося после биологической очистки промышленных стоков. Все обращения в научно-исследовательские институты с просьбой найти способ утилизации активного ила оставались без ответа. В конце 1980-х гг. ежедневный объём активного ила на комбинате достиг 900 т⁶. Как же поступал комбинат с таким опасным для окружающей среды отходом производства? Вот какое пояснение в апреле 1989 г. дала депутат Коряжемского горсовета, мастер сульфатно-спиртового цеха ЦБК Н. С. Гервазюк: «Мне, как депутату, перед сессией было

¹ РГАЭ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 4553. Л. 99–100.

² Трудовая Коряжма. 1989. 8 апреля.

³ Трудовая Коряжма. 1989. 8 апреля.

⁴ Трудовая Коряжма. 1989. 21 декабря.

⁵ Трудовая Коряжма. 1989. 8 апреля.

⁶ РГАЭ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 5033. Л. 57.

поручено проверить водоохранную зону в районе р. Ватсы (приток Вычегды). И что же? На берег реки у д. Ивановской (совхоз «Коряжемский») привезена куча активного ила, который легко унесут весенние паводки в реку. Под воздействием ила рядом засохла ели. Неужели руководитель, указавший это место для складирования, не понимал, какую угрозу таит это для реки? Мало того, у агронома совхоза «Коряжемский» не оказалось паспорта на привезённый ил, а это значит, что вывозился он бесконтрольно¹. Депутат обратила внимание на то, что случай этот не являлся исключительным. Бесконтрольный вывоз активного ила неоднократно вызывал беспокойство у рыбоохранного ведомства².

До середины 1970-х гг. свежая вода из природных водоёмов не рассматривалась в нашей стране как ценный природный ресурс, который необходимо беречь. Расход свежей воды на технологические процессы в экономике был огромным и не лимитировался. В целлюлозно-бумажной промышленности, например, для получения 1 тонны готовой целлюлозы требовалось 200–300 м³ свежей воды. С середины 1970-х гг., в связи с устойчивым ухудшением экологической ситуации и санитарного состояния природных водоёмов в частности, усилилось внимание партийно-хозяйственного руководства страны к вопросам сокращения водопотребления на технологические нужды. Был взят курс на внедрение в производство оборотного водопотребления. Однако на целлюлозно-бумажных производствах потребление свежей воды сокращалось медленно. На Котласском ЦБК к строительству станции оборотного и технического водоснабжения приступили только в 1988 г., рассчитывая при вводе её в эксплуатацию в начале 1990-х гг., сократить забор свежей воды из Вычегды на технологические нужды всего лишь на 10–15%³.

¹ Трудовая Коряжма. 1989. 8 апреля.

² Трудовая Коряжма. 1989. 8 апреля.

³ Трудовая Коряжма. 1989. 8 апреля.

Лимиты водопотребления из природных водоёмов для целлюлозно-бумажных производств в СССР стали устанавливаться с начала 1980-х гг. С этого времени в ежегодных отчётах Котласского ЦБК в министерство целлюлозно-бумажной промышленности неизменно сообщалось, что «лимит по забору свежей воды, установленный комбинату, не перерасходован». Однако выполнение запланированных лимитов по водопотреблению свежей воды не обеспечивало улучшения экологического состояния водостока Вычегды⁴. Отчасти это объяснялось тем, что лимит водопотребления определялся для предприятий самим министерством целлюлозно-бумажной промышленности, для которого на первом месте всегда стояло выполнение плановых заданий по выпуску готовой продукции.

Негативное влияние на состояние природной окружающей среды в зоне антропогенного воздействия целлюлозно-бумажных предприятий оказывали выбросы отходов этих производств в атмосферу.

В 1980 г. все предприятия, подведомственные министерству целлюлозно-бумажной промышленности, завершили проведение инвентаризации на своих промплощадках источников выброса вредных веществ в атмосферу⁵. Следующим шагом предприятий должно было стать согласование с государственными структурами, контролирующими состояние окружающей среды, нормативов предельно допустимых выбросов (ПДВ). Котласским ЦБК эта работа не была осуществлена до конца изучаемого периода. Комбинат, загрязняя атмосферу технологическими отходами, не имел разрешения на выброс ни по одному источнику. Персонал, обслуживающий технологическое оборудование, не имел представления о количественном и качественном составе выбросов в атмосферу; перед технологами не ставилась задача

⁴ РГАЭ. Ф. 72. Оп. 2. Д. 4132. Л. 66.

⁵ РГАЭ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 6072. Л. 81.

по сокращению технологических выбросов в атмосферу. По сведениям Северной региональной инспекции по охране атмосферного воздуха, которая стала осуществлять контроль за соблюдением воздухоохранного законодательства на предприятиях Коряжмы с 1983 г., за период 1977–1987 гг. производства Котласского ЦБК сократили количество выбросов в атмосферу в 2,3 раза (за счёт снижения объёмов сжигаемого каменного угля, совершенствования технологии вискозного производства, реконструкции ТЭЦ-1 и т. п.). Однако только за 1987 г. комбинат выбросил в атмосферу 52 357 т загрязняющих веществ, что составляло 99% выбросов от всех стационарных источников загрязнения атмосферы, имеющих на предприятиях Коряжмы¹.

В составе выбрасываемых комбинатом веществ 27% – это вещества 1-го и 2-го класса опасности, среди них: ртуть, двуокись хлора, хлор, окислы азота, сероводород, метилмеркаптан и др. При этом ПДК по некоторым из них в пробах превышали от 1,3 до 17 раз. По словам В. С. Кузнецова, занимавшего в те годы должность заместителя председателя Архангельского областного комитета по охране природы, Котласский ЦБК по сравнению с аналогичным по структуре и мощности Архангельским ЦБК в 1988 г. выбросил в атмосферу 1 801 т метилмеркаптана и 5 497 т сероводорода, что было в 2 раза больше, чем на Архангельском ЦБК².

Признаки экологического кризиса в зоне антропогенного воздействия Котласского ЦБК

Следствием загрязнения атмосферного воздуха, почвы и водных природных ресурсов производствами Котласского ЦБК стала кризисная экологическая обстановка, сложившаяся в зоне антропогенного воздействия комбината. Она

выражалась в негативных изменениях, прежде всего, в состоянии природных водоёмов, ихтиофауны рек, в заметном ухудшении качества окружающей среды. Критическое состояние Северной Двины в начале 1980-х гг. стало основанием для создания межобластного общественно-го Комитета по охране её бассейна. Обращаясь в министерство целлюлозно-бумажной промышленности по поводу санитарного состояния Северной Двины, загрязняемой, прежде всего, предприятиями, подведомственными этому министерству, В. М. Третьяков, глава межобластного общественного комитета, отмечал, что нижнее течение Вычегды, куда сбрасывает технологические отходы Котласский ЦБК, является наиболее загрязнённым участком бассейна Северной Двины³. В устье Северной Двины, там, где она впадает в Белое море, ПДК по содержанию органических веществ превышались в 9 раз, а по БПК-5 – в 20 раз. Концентрация фенолов в среднем превышала ПДК в 5 раз, а максимально – в 46 раз. В районе водозабора г. Архангельска бактериальные показатели воды периодически были в 70 раз хуже, чем требовалось по ГОСТу. Эти обстоятельства создавали неблагоприятную эпидемическую обстановку, препятствовали населению полноценно использовать природные водоёмы для отдыха и хозяйственных нужд. Как следствие загрязнения Северной Двины технологическими стоками стало падение рыбохозяйственного значения этой реки. Её ихтиофауна стала меняться в пользу менее ценных пород рыб. Уже в начале 1970-х гг. во много раз уменьшились здесь стада стерляди, леща, других видов рыб. А уловы сёмги в бассейне Северной Двины сократились в 8,5 раз⁴.

Ленинградский санитарно-гигиенический институт, проводивший в конце 1980-х гг. сравнительные исследования заболеваемости населения Котласа и Коряжмы (идентичных городов с точки

¹ Трудовая Коряжма. 1988. 4 июля.

² Трудовая Коряжма. 1988. 16 апреля; 1989. 8 апреля.

³ РГАЭ. Ф. 442. оп. 1. Д. 6072. Л. 119–120.

⁴ РГАЭ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 1481. Л. 260.

зрения природно-климатических, социальных условий жизни) выявил важную роль качества окружающей среды как фактора, влияющего на заболеваемость горожан по отдельным нозологическим формам. В Коряжме, где «благодаря» производственным выбросам Котласского ЦБК экологическая обстановка крайне неблагоприятная, уровень заболеваемости был значительно выше, чем в Котласе. Основными составляющими выбросов Котласского ЦБК являлись сернистые соединения, хлор. Эти вещества при постоянном воздействии способствуют развитию хронических заболеваний органов дыхания, сердечнососудистой системы, органов пищеварения. Эта закономерность прослеживалась при анализе заболеваемости взрослого населения Коряжмы. Так, в 1987 г. уровень заболеваемости в Коряжме по инфаркту миокарда был в 1,3 раза выше, чем в Котласе, по гипертонической болезни – в 1,5 раза больше, по бронхиальной астме – в 1,2 раза, по сахарному диабету – в 1,6 раза, по язвенной болезни – в 1,6 раза, по холециститу и желчнокаменной болезни – в 2 раза, а по острой пневмонии – в 2,3 раза. В Коряжме была выявлена чёткая зависимость заболеваний органов дыхания у детей от уровня загрязнения атмосферного воздуха. Хроническими заболеваниями коряжемские дети страдали в 1,5 раза чаще, чем котласские. В Коряжме значительно чаще встречались гнойничковые поражения кожи, глубокие поражения дыхательной системы детей, отиты.

Загрязнённая окружающая среда снижала репродуктивные способности женщин. Медицинская статистика Коряжмы свидетельствовала, что в 1979–1989 гг. количество врождённых уродств в родах Коряжмы увеличилось на 1,5%, а количество преждевременных родов за этот же период возросло с 4,7% до 8,6% от всех родов в городе. Эта статистика была выше аналогичных показателей по г. Котласу [5, с. 75–76].

Заключение

Итак, позднесоветский период отечественной истории отмечен постепенным осознанием партийно-хозяйственным руководством страны, общественностью региона, городскими властями г. Коряжмы, необходимости экологизации технологических процессов на целлюлозно-бумажных предприятиях и, в частности, на Котласском ЦБК.

Со второй половины 1980-х гг. признаки экологического кризиса, обозначавшиеся в зоне антропогенного воздействия Котласского ЦБК, стали обсуждаться публично: на сессиях депутатов Коряжемского горсовета, на страницах местной периодической печати, на городском экологическом митинге. Как следствие некоторой экологизации общественного сознания были отмечены отдельные достижения по сокращению загрязнения технологическими отходами окружающей природной среды. Однако эти достижения носили локальный характер. Принципиальных сдвигов в экологизации технологических процессов в отрасли не происходило. Экологическая обстановка в районе антропогенного воздействия Котласского ЦБК продолжала ухудшаться.

Всесоюзный научно-исследовательский институт целлюлозно-бумажной промышленности, который выполнял в изучаемый период основную научно-исследовательскую работу по экологизации целлюлозно-бумажных производств и представлял в проектные институты соответствующие исходные данные, основную ставку делал на строительство очистных сооружений, а не на создание малоотходных и безотходных технологий. Отчасти это объяснялось дефицитом инженеров по специальности «очистка и рекуперация промышленных выбросов»¹. Отчасти, по мнению члена научно-технического совета министерства целлюлозно-бумажной промышленности академика А. Я. Калниньша, это

¹ РГАЭ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 1005. Л. 12, Л. 48.

объяснялось недостатком средств, расходуемых в СССР на научную работу, на внедрение новой техники. Как отмечал А. Я. Калниньш, по ориентировочным данным, минбумпром расходовал на науку, на внедрение и испытание новой техники не более 0,4% от стоимости всей выпускаемой отраслью продукции. Сравнивая с расходами США на эти же нужды, А. Я. Калниньш отмечал, что там расходы такого рода составляли 3% стоимости выпускаемой продукции аналогичной отрасли. В результате такой «экономии» получалось, что отечественные проектные организации выдавали проекты, которые были оторваны от жизни, от новейших достижений за рубежом¹.

Существовавший в те годы хозяйственный механизм, находившийся в жёстких тисках плановых показателей, ориентированных, прежде всего, на объёмы выпускаемой продукции, также препятствовал реализации экологической политики. Как панацея в условиях второй половины 1980-х гг. стала представ-

ляться рыночная экономика. Однако и в современной России, как и прежде, целлюлозно-бумажные технологии не обеспечивают экологического равновесия. Экономические мотивы в сознании и поведении людей продолжают доминировать над экологическими, когда выбор делается в пользу материальных ценностей. Общественность в современных условиях полностью утратила имевшиеся скромные возможности контроля за выполнением промышленными предприятиями природоохранного законодательства. В стороне от экологических проблем региона стоит местная периодическая печать, в целом средства массовой информации. Выход видится только в русле жёсткого государственного регулирования и контроля за охраной окружающей среды (по примеру многих зарубежных стран), настойчивого и систематического воспитания и образования населения в духе бережного отношения к природе.

Статья поступила в редакцию 15.04.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Гололобов Е. И. Освоение Севера Западной Сибири в XX веке: от природы к окружающей среде // Проблемы экологической истории/истории окружающей среды: сборник / отв. ред. В. И. Дурновцев. Вып. II. М., 2020. С. 439–452.
2. Дурновцев В. И. «Environmental History» как «экологическая история» (историографические заметки) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (51). С. 10–19.
3. Калимулин А. М. Историческое исследование региональных экологических проблем. М.: Прометей, 2006. 368 с.
4. Калимулин А. М. Экологическая история промышленного города во второй половине XX века. Казань, 2011. 364 с.
5. Колокольчикова Р. С. История индустриальных городов Европейского Севера России: пространство, социум, культура (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.). Череповец, 2013. 338 с.
6. Колокольчикова Р. С. Материалы российского государственного архива новейшей истории по экологической истории России // Экологическая история России : сб. статей / отв. ред. О. Ю. Солодянкина. Череповец, 2017. С. 160–166.
7. Мостовенко М. С. «Экологический волонтаризм» в советских технологических проектах эпохи Н. С. Хрущёва // Проблемы экологической истории/истории окружающей среды : сб. статей / отв. ред. В. И. Дурновцев. Вып. II. М., 2020. С. 498–507.
8. Мун Д. Российская и советская экологическая история в современной западной науке // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности : сборник / сост. И. В. Маслова, И. Е. Кропоткина, Г. В. Бурдина. Елабуга, 2017. С. 14–21.

¹ РГАЭ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 1005. Л. 79–80.

REFERENCES

1. Gololobov E. I. [Development of the North of Western Siberia in the XX century: from nature to the environment]. In: Durnovtsev V. I., ed. *Problemy ekologicheskoi istorii/istorii okruzhayushchei sredy* [Problems of history of ecology/environmental history]. Iss. II. Moscow, 2020. P. 439–452.
2. Durnovtsev V. I. [«Environmental History» as «Ecological History» (Historiographical Notes)]. In: *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University], 2017, no. 6 (51), pp. 10–19.
3. Kalimulin A. M. *Istoricheskoe issledovanie regionalnykh ekologicheskikh problem* [Historical study of regional environmental problems]. Moscow, Prometei Publ., 2006. 368 p.
4. Kalimulin A. M. *Ekologicheskaya istoriya promyshlennogo goroda vo vtoroi polovine XX veka* [Ecological history of an industrial city in the second half of the 20th century]. Kazan, 2011. 364 p.
5. Kolokolchikova R. S. *Istoriya industrialnykh gorodov Evropeiskogo Severa Rossii: prostranstvo, sotsium, kultura (vtoraya polovina 1960-kh – pervaya polovina 1980-kh gg.)* [The history of industrial cities in the European North of Russia: space, society, culture (second half of the 1960s – first half of the 1980s)]. Cherepovets, 2013. 338 p.
6. Kolokolchikova R. S. [Papers of the Russian State Archive of Contemporary History on the Ecological History of Russia]. In: Solodyankina O. Yu., ed. *Ekologicheskaya istoriya Rossii: sbornik statei* [Ecological history of Russia : collection of articles]. Cherepovets, 2017. P. 160–166.
7. Mostovenko M. S. [«Environmental voluntarism» in Soviet technological projects of the era of N. S. Khrushchev]. In: Durnovtsev V. I., ed. *Problemy ekologicheskoi istorii/istorii okruzhayushchei sredy* [Problems of history of ecology/environmental history]. Iss. II. Moscow, 2020. P. 498–507.
8. Mun D. [Russian and Soviet ecological history in modern Western science]. In: Maslova I. V., Kropotkina I. E., Burdina G. V., eds. *Rossiiskaya provintsiya kak sotsiokulturnoe pole formirovaniya grazhdanskoi i natsional'noi identichnosti* [Russian province as a socio-cultural field for the formation of civil and national identity]. Elabuga, 2017. P. 14–21.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колокольчикова Римма Станиславовна – доктор исторических наук, доцент Военного ордена Жукова университета радиоэлектроники; профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета;
e-mail: retinovka@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rimma S. Kolokolchikova – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Military University of radio electronics; Prof., Department of History and Philosophy, Cherepovets State University;
e-mail: retinovka@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колокольчикова Р. С. Антропогенное воздействие целлюлозно-бумажных предприятий на окружающую природную среду как фактор формирования экологического кризиса на европейском севере России в позднесоветский период (на примере Котласского целлюлозно-бумажного комбината) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 123–133.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-123-133

FOR CITATION

Kolokolchikova R. S. Anthropogenic impact of pulp and paper enterprises on the environment as a factor leading to the ecological crisis in the European North of Russia in the late Soviet period (the case study of the Kotlas pulp and paper mill). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 123–133.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-123-133

УДК 299.18

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-134-140

СОКОЛ КАК СОЛЯРНЫЙ СИМВОЛ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ И У СЛАВЯН-ЯЗЫЧНИКОВ

Морозова Т. П.

Московский политехнический университет

107023, г. Москва, ул. Большая Семёновская, д. 38, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Сравнить солярные образы сокола в славянской и древнеегипетской мифологии для выявления общих и отличных черт.

Процедуры и методы. Проанализированы мифологические представления славян-язычников и древних египтян о солярной природе сокола и его связи с миром мёртвых. При сопоставлении выявляется схожесть и различия этих представлений. Рассмотрена роль сокола-солнца в свадебной славянской обрядности. Используются методы сравнения и анализа.

Результаты. Проведённый анализ показал, что сокол и в славянской, и древнеегипетской мифологии олицетворял солнце. Но у славян он символизировал исключительно солнце в зените. Свидетельство этому – отсутствие его образа в текстах похоронных обрядов. В свадебной песне он являлся метаморфическим изображением жениха и часто на протяжении целой песни – единственным его обозначением. А в Древнем Египте сокол олицетворял солнце в его различных ипостасях: на восходе, в зените, на закате и ночное время суток.

Теоретическая и/или практическая значимость. В заключении статьи автор делает выводы о наличии общих черт в мифологических представлениях о солнце как божественном соколе в языческих верованиях таких далеких друг от друга народов, как славяне-язычники и древние египтяне. Только у славян сокол – жизнеутверждающее начало, олицетворяющий солнце в зените, наполняющее своей силой и дающее новую жизнь, а у египтян – полуденное, заходящее и даже умершее солнце, т. е. проходящее через подземный мир мёртвых.

Ключевые слова: сокол, солнце, календарные праздники, мироздание, свадебная песня, мир мёртвых

FALCON AS A SOLAR SYMBOL IN ANCIENT EGYPT AND AMONG THE PAGAN SLAVS

T. Morozova

Moscow Polytechnic University

38 Bolshaya Semyonovskaya ul., 107023 Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. To compare the solar images of the falcon in Slavic and ancient Egyptian mythology to identify common and distinct features of this symbol.

Methodology. The article deals with the mythological ideas of the ancient Egyptians and pagan Slavs about the solar nature of the falcon and its connection with the world of the dead. The comparison reveals the similarities and differences of these views. The role of the sun falcon in the Slavic wedding ceremony is considered.

Results. The falcon represented the sun in both Slavic and ancient Egyptian mythology. But, among the Slavs, it symbolized only the sun at its zenith. This is evidenced by the fact that his image is not present in the texts of funeral rites. And in the wedding song, it was a metamorphic image of the groom and often throughout the whole song – his only designation. And in ancient Egypt, the falcon represented the sun in its various guises.

Research implications. Identification of common features in the comparison of elements of mythological representations (the image of the falcon-sun) in the pagan beliefs of peoples of different cultures and regions – as the pagan Slavs and the ancient Egyptians.

Keywords: falcon, sun, calendar holidays, universe, wedding song, world of the dead

Введение

Мифологические представления многих народов имеют сходные черты. Но если про языческие религии одних народов имеется достаточно полная информация, благодаря оставленным ими письменным источникам, то в знаниях о древней космогонии других присутствуют значительные пробелы – информационная база о них крайне скудна и разобщена. Но, сопоставив схожие черты различных языческих верований, можно попробовать восстановить более полную картину мало изученных мифологий.

При написании статьи была проанализирована литература, содержащая информацию о древней египетской мифологии и славянских языческих традициях и обрядах, в результате чего были сделаны выводы о схожих и отличительных чертах в представлениях о солярной природе сокола как одного из образов солнца у этих двух народов.

Сокол-солнце в Древнем Египте

Поклонение солнцу было одним из основных культов для многих древних народов. Наиболее известно об этих религиозных представлениях из источников первых цивилизаций, в т. ч. древнеегипетской [2, с. 24].

В Древнем Египте известным солярным символом был сокол [8, с. 26], который олицетворял солнце в его различных ипостасях:

– **Бог солнца и солнечного света Ра** (а также полуденного солнца) изображался в виде сокола или человека с головой сокола, на которой находился солнечный диск (рис. 1) [3, с. 53].

Рис. 1 / Fig. 1. Бог Ра / God Ra

Источник: НЛЮ МИР [сайт].

URL: <https://nlo-mir.ru/egipt/bog-amon-ra.html>

(дата обращения: 03.18.2021).

– **Бог солнечного диска Гор** (Хор, Хорес) изображался в виде сокола или чело-

века с головой сокола в царской короне (рис. 2). [11, с. 210].

Рис. 2 / Fig. 2. Бог Гор / God of Horus.

Источник: Египтопедия [сайт].

URL: <https://www.egyptopedia.info/s/1274-sokar>
(дата обращения: 03.08.2021).

– Бог заходящего, теряющего силу, солнца **Тему** (Атум, Атем) изображался пожилым, опирающимся на посох, человеком с головой сокола, на которой был солнечный диск без урея. Анха¹ на этом изображении тоже не было [1, с. 28].

– **Бог солнца, проходящего ночью через подземный мир мёртвых или зимнее солнце, Сокар** (Секер), изображался в виде мумии с головой сокола (рис. 3). Праздник Сокара в птолемеевский период связывали с поворотом солнца к весне [1, с. 28].

¹ Прим.: Анх (анх) – египетский иероглиф ☥, наиболее священный крест египтян, знак жизни, живого, клятвы, завета. Также известен как «ключ жизни», «ключ Нила», «бант жизни», «узел жизни», «крест с петлёй», «египетский крест», «крукс ансата» (лат. *crux ansata*). Все боги изображались с этим знаком в правой руке; от обладания им зависела жизнь любого существа, как божественного, так и смертного.

Рис. 3 / Fig. 3. Бог Сокар / God Socar

Источник: Египтопедия [сайт].

URL: <https://www.egyptopedia.info/s/1274-sokar>
(дата обращения: 03.08.2021).

Сокол-солнце в славянском язычестве

У славян-язычников также было представление о солнце как об огненном соколе. Следы такого отождествления можно видеть в славянском архаическом фольклоре: в песнях, сказках, загадках. «Пришёл волк (тёмная ночь) – весь народ умолк, взлетел ясен-сокол (солнце) – весь народ пошёл» [4, с. 19].

Слово «сокол» можно рассматривать с позиции русского корнеслова. Корень «кол» означает «круг» или «колесо» – символ солнечного диска и оборота. А во многих индоевропейских языках солнце обозначается словом, имеющим корень *sol*.

В славянских погребениях часто находят подвески-амулеты в виде соколов [13, с. 294–295].

Балтийские славяне называли себя ре-риками – соколами. Сокол также являлся символом (возможно, тотемным) киев-

ских князей, к которым уважительное обращение было «ясный сокол» [9, с. 258].

Прилагательное «ясный» употреблялось как для обозначения солнца, так и для обозначения сокола [7, с. 24].

Это сочетается с тем, что в «Слове о полку Игореве» славяне упоминаются как внуки солнца-Дажьбога¹.

В славянских духовных стихах отражается следующая картина мироздания: стоит мировое дерево, на верху его вьёт гнездо сокол, у корня сидит неприязненная ему змея, которая хочет уничтожить гнездо [6, с. 19]. Это представление о мироустройстве аналогично древнеегипетскому: по небу проплывает ладья с солнцем-соколом. А в подземном царстве мёртвых находится его противник – змей Апоп, который каждую ночь стремится проглотить светило.

Но, в отличие от солярной символики Древнего Египта, у славян сокол символизирует только дневное солнце, находящееся в зените. Об этом свидетельствуют сюжеты духовных стихов, песен и заговоров, изображение парящего сокола вверху Вщижской арки, изготовленной во второй половине XII в. и отражающей модель мироустройства (рис. 4).

Сокол в славянском свадебном ритуале

О том, что сокол в славянском языке символизировал исключительно солнце в зените, свидетельствует и то, что его образ не связан с подземным миром мёртвых, через который проходит солнце после своего захода, а ассоциируется с торжеством жизни и её продолжением, например, со свадьбой. Так, в свадебной песне он являлся метаморфическим изображением жениха и часто на протяжении целой песни – единственным его обозначением. А невеста чаще всего называется «лебёдушкой», водоплавающей

птицей, в которую превращается солнце при прохождении через подземную реку в царстве мёртвых [5, с. 165].

Как типичную, можно привести свадебную песню Рязанской губернии XIX в.:

*Сокол Соколович,
Иван Андреевич,
Он гулял по садику,
Гулял по зелёному,
Искал себе соколушку,
Лебёдушку белую* [14, с. 472].

Также в свадебных песнях всех славян сокол часто является помощником жениху в деле женитьбы. При этом упоминание сокола редко встречается в похоронных плачах и причитаниях, что свидетельствует о том, что его связь с миром мёртвых отсутствует или очень слаба.

Сокол свадебных песен – зооморфический образ солнца и символ жениха:

*Сокол не вылёщи
Красно соунце не выкици,
Андрейка на выезде* [12, с. 134].

Известно, что свадебный ритуал входил в систему календарного весеннего фольклора. Свадебным временем у разных славянских народов считался период активизации солнца, начиная с февраля до середины лета. Наивысшей активности солнце достигает на Купалу. Некоторые исследователи считают, что именно в этот день славяне-язычники заключали брачные союзы [1, с. 45], т. к. находящееся на пике своей активности солнце передаёт в полной мере свою живительную силу всей природе, в т. ч. и зачатому в это время потомству, которому должны передаться богатырское здоровье, соколиная сила, смелость, скорость и другие бойцовские качества.

Также набирающее силу солнце возвращает из подземного мира мёртвых на землю души умерших предков на короткий срок, которые должны принять в семью жениха девушку из другого рода.

¹ Слово о полку Игореве / перевод Н. Заболоцкого // Древнерусская литература : [сайт]. URL: <http://old-russian.chat.ru/08slovo.htm> (дата обращения: 03.08.2021).

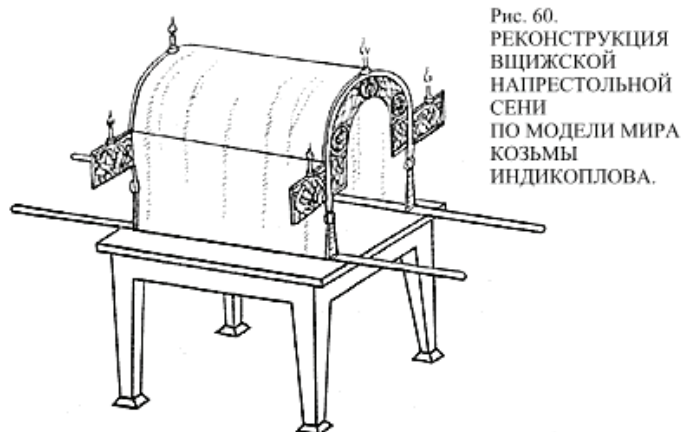
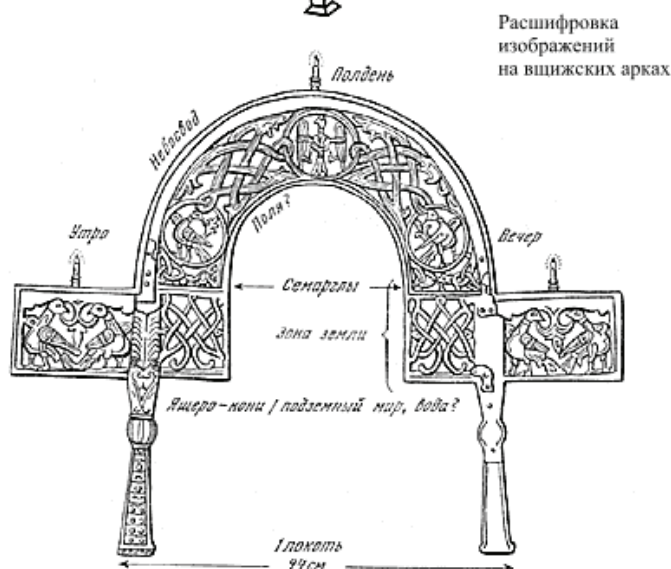

Рис. 60.
РЕКОНСТРУКЦИЯ
ВЩИЖСКОЙ
НАПРЕСТОЛЬНОЙ
СЕНИ
ПО МОДЕЛИ МИРА
КОЗЬМЫ
ИНДИКОПЛОВА.

Расшифровка
изображений
на вщижских арках

Рис. 4 / Fig. 4. Вщижская арка, вторая половина XII в. / Vshchizhskaya arch, second half of the 12th cent.

Источник: [10, с. 297].

Заключение

В результате можно сделать вывод о том, что сокол как солярный символ был известен в мифологиях пространственно отдалённых друг от друга народов. Одним из объяснений широкой распространённости такого образа может быть всеобщее мифологическое представление о солнце как о светлом начале, дающем жизнь и находящемся в постоянной борьбе с силами зла, ночи и холода. А сокол – небольшая хищная птица, поднимающаяся высоко

в небо, обладает такими необходимыми для воина качествами, как сила, скорость, быстрая реакция и постоянная готовность вступить в схватку с противником значительно крупнее себя.

Отметим, что вопрос о том, заимствован ли образ сокола-солнца одним народом у другого, или эти мифологические ассоциации возникли независимо друг от друга, не рассматривался в данной работе.

Статья поступила в редакцию 01.04.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадж Э. А. У. Древний Египет: духи, идолы, боги. М.: Центрполиграф, 2009. 478 с.
2. Бадж Э. А. У. Легенды о египетских богах. М.: Академический проект, 2019. 208 с.
3. Бадж Э. А. У. Религия и магия Древнего Египта. М.: Ломоносовъ, 2017, 222 с.
4. Гульд Ю. Языческая мистерия славян. Посвящение светлым богам. Очерки. Воронеж: Река Времени, 2005. 127 с.
5. Левинтон Г. А. К вопросу о функциях словесных компонентов обряда, // Путилов Б. Н. Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974. С. 162–170.
6. Мансикка В. Представители злого начала в русских заговорах. СПб., 1909. 28 с.
7. Миклошич Ф. Изобразительные средства славянского эпоса. М., 1895. 34 с.
8. Мюллер М. Египетская мифология. М.: Центрполиграф, 2007. 334 с.
9. Попова А. Русь и славяне в поисках прародины: ритмы истории. М.: ЭКСМО, Яуза, 2004. 603 с.
10. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Академический проект, 2019. 806 с.
11. Странников В. Ю. Египет. Культура, религия, архитектура Древнего Египта. М.: Профит Стаип, 2021. 700 с.
12. Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. М.: Восточная литература, 1996. 295 с.
13. Флоринский В. М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Ч. 2. Вып. 2. Томск, 1897. 398 с.
14. Шейн П. В. Русские народные песни. Ч. 1. М., 1870. 568 с.

REFERENCES

1. Badzh E. A. U. *Drevnii Egipet: dukhi, idoly, bogi* [Ancient Egypt: spirits, idols, gods]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2009. 478 p.
2. Badzh E. A. U. *Legendy o egipetskikh bogakh* [Legends of the Egyptian gods]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019. 208 p.
3. Badzh E. A. U. *Religiya i magiya Drevnego Egipta* [Religion and magic of Ancient Egypt]. Moscow, Lomonosov Publ., 2017. 222 p.
4. Gults Yu. *Yazycheskaya misteriya slavyan. Posvyashchenie svetlym bogam. Ocherki* [Pagan mystery of the Slavs. Dedication to the gods of light. Essays]. Voronezh, Reka Vremeni Publ., 2005. 127 p.
5. Levinton G. A. [On the functions of the verbal components of the rite]. In: Putilov B. N. *Folklor i etnografiya. Obryady i obryadovyy folklor* [Folklore and ethnography. Rites and ceremonial folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. P. 162–170.
6. Mansikka V. *Predstaviteli zlogo nachala v russkikh zagovorakh* [Representatives of the evil in Russian spells]. St. Petersburg, 1909. 28 p.
7. Mikloshich F. *Izobrazitelnye sredstva slavyanskogo eposa* [Expressive means of the Slavic epic]. Moscow, 1895. 34 p.
8. Myuller M. *Egipetskaya mifologiya* [Egyptian mythology]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2007. 334 p.
9. Popova A. *Rus i slavyane v poiskakh prarodiny: ritmy istorii* [Russia and the Slavs in search of the ancestral home: the rhythms of history]. Moscow, EKSMO Publ., Yauza Publ., 2004. 603 p.
10. Rybakov B. A. *Yazychestvo drevnei Rusi* [Paganism of ancient Russia]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019. 806 p.
11. Strannikov V. Yu. *Egipet. Kultura, religiya, arkhitektura Drevnego Egipta* [Egypt. Culture, religion, architecture of Ancient Egypt]. Moscow, Profit Staip Publ., 2021. 700 p.
12. Sumtsov N. F. *Simvolika slavyanskikh obryadov* [Symbolism of Slavic rituals]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1996. 295 p.
13. Florinsky V. M. *Pervobytnyye slavyane po pamyatnikam ikh doistoricheskoy zhizni. Ch. 2. Vyp. 2* [Primitive Slavs according to the monuments of their prehistoric life. Part 2. Iss. 2]. Tomsk, 1897. 398 p.
14. Shein P. V. *Russkie narodnye pesni. Ch. 1* [Russian folk songs. Part 1]. Moscow, 1870. 568 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морозова Татьяна Петровна – кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры техники и технологии горного и нефтегазового производства Московского политехнического университета; e-mail: olivin99@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana P. Morozova – Cand. Sci. (Geology and Mineralogy), Assoc. Prof., Department Engineering and Technology of Mining and Oil and Gas Production, Moscow Polytechnic University;
e-mail: olivin99@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Морозова Т. П. Сокол как солярный символ в Древнем Египте и у славян-язычников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 134–140.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-134-140

FOR CITATION

Morozova T. P. Falcon as a solar symbol in Ancient Egypt and among the pagan Slavs. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 134–140.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-134-140

УДК 930.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-141-149

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА КАК ПОДТВЕРЖДЕНИЕ АКТУАЛЬНОСТИ КОНЦЕПЦИИ АЗИАТСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Алёхина Н. В., Ключов С. А.

*Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
192238, г. Санкт Петербург, ул. Фучика, д. 15, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Попытка доказать актуальность азиатского способа производства и несостоятельность сословно-классовой концепции.

Процедура и методы. На примере исторического развития Римского государства рассмотрены концепция сословно-классовой и азиатской формаций; проведён анализ развития базиса и отдельных элементов надстройки; сделана сравнительная характеристика результатов с целью выявления в них несоответствий и противоречий. За основу взят диалектический метод исследования. Также применялись общенаучные методы (анализ, синтез, герменевтика, классификация, типологизация, систематизация, аналогия), специальные исторические (сравнительно-исторический, метод периодизации, хронологический, проблемно-хронологический, актуализации), методы конкретного и логического анализов.

Результаты. Выявлено, что в концепции сословно-классовой формации имеются слабые места, которые не позволяют объяснить некоторые феномены в развитии Римского государства, при этом подтверждая концепцию азиатской формации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют объективно рассмотреть два крупных направления внутри формационного подхода на наличие несоответствий объективной действительности, т. е. позволяют подтвердить или опровергнуть их научность. Кроме того, проведена систематизация отдельных эпизодов развития социальных и политических институтов древнеримского общества. Результаты данной работы можно использовать в исследованиях смежных тем.

Ключевые слова: формационный подход, азиатский способ производства, сословно-классовая теория, Римская Республика, Римская Империя

HISTORY OF ANCIENT ROME AS A CONFIRMATION OF THE RELEVANCE OF THE ASIAN MODE OF PRODUCTION CONCEPT

N. Alekhina, S. Klyusov

*Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences
15 Fuchika ul., Saint Petersburg 192238, Russian Federation*

Abstract

Aim. By analysing the dynamics of the development of the socio-political institutions of the Roman state at different stages of its existence, the article attempts to prove the relevance of the Asiatic mode of production and the invalidity of the concept of class theory.

Methodology. Using the historical development of the Roman state as an example, the concept of estate-class and Asian formations is examined; the development of the basis and individual elements

of the superstructure is analysed; a comparative characterisation of the results is made in order to identify inconsistencies and contradictions in them.

The dialectical method of research is taken as the basis. General scientific methods (analysis, synthesis, hermeneutics, classification, typology, systematisation, analogy), special historical methods (comparative-historical, periodisation, chronological, problem-chronological, actualisation), methods of concrete and logical analysis were also applied.

Results. It is revealed that there are weaknesses in the concept of the class formation, which do not allow to explain some phenomena in the development of the Roman state, while confirming the concept of the Asian formation.

Research implications. The results of the research allow us to objectively examine the two major trends within the formational approach for inconsistencies with objective reality, i.e. allow us to verify or refute their scientific validity. In addition, a systematization of individual episodes of the development of social and political institutions of ancient Roman society has been carried out, which allows further use of these results in the research of related topics.

Keywords: Formational approach, Asian mode of production, class theory, Roman Republic, Roman Empire

Введение

Историческая наука с момента своего становления столкнулась с необходимостью создания универсальной теории исторического процесса. В контексте философии истории существует два основных подхода к изучению истории: формационный (К. Маркс, Ф. Энгельс и др.) и цивилизационный (Н. Данилевич, О. Шпенглер и др.). В рамках каждого подхода также существуют отдельные течения, имеющие существенные различия.

Формационный подход, доминировавший в советской исторической науке, с 1990-х гг. находится в состоянии кризиса, обусловленного несостоятельностью «пятичленного» направления формационного подхода и его неспособностью объяснять определённые феномены исторического процесса (Древний Египет периода Нового царства, Персидская империя Ахеменидов, царский и раннереспубликанский Рим и др., относительно последнего феномена особенно интересны изыскания М. Н. Меймана, Е. М. Штаермана или С. Д. Сказкина, определивших существование рабовладельческой формации «тупиковым путём развития» и случайным феноменом мировой истории, но никак не отдельной общественно-экономической формацией [3, с. 32]). Фактически получившая своё окончательное

оформление в работах В. В. Струве, она была официально принята после первой дискуссии со сторонниками признания шестой формации – азиатского способа производства [9, с. 17].

С распадом СССР концепция Струве была окончательно признана несостоятельной; теория азиатского способа производства также испытала потерю к себе научного интереса, что было связано с совокупностью двух факторов: она являлась вариантом формационного подхода и одновременно считалась его неортодоксальным развитием, т. е. не могла серьёзно претендовать на признание даже среди историков-марксистов.

В противовес теории сторонников азиатского способа производства учёными Ю. Кобищановым¹ и В. Илюшечкиным² была предложена «четырёхчленная» концепция, в рамках которой рабовладельческая и феодальная формации представлялись как единая сословно-классовая. Однако данная теория также оказывается неспособной объяснить многие исторические феномены.

¹ Кобищанов Ю. М. Теория большой феодальной формации. // Вопросы истории. 1992, № 4-5. С. 57-72.

² Илюшечкин В. П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). М.: Восточная литература, 1996. 406 с.

Римское государство последовательно (царство–республика–империя), представляет собой уникальный пример последовательной смены формаций в рамках одного общества: от азиатского способа к рабовладению и от рабовладения – к феодализму. Рассмотрение формационного развития общества именно такого типа способно выявить недостатки концепции Кобищанова–Илюшечкина и одновременно реанимировать концепцию азиатской формации.

Динамика развития базиса древнеримского общества

Поскольку базис есть совокупность производственных сил и производственных отношений, и динамика развития производственных отношений знаменует переход к более высокой формации, именно развитие производственных отношений позволяет рассмотреть качественный состав противостоящих друг другу классов и, соответственно, сделать необходимые выводы о необходимости или отсутствии необходимости выделения конкретного хронологического отрезка как отдельной общественно-экономической формации.

Римское общество в республиканский период являлось в основном совокупностью трёх крупных классов: крупных рабовладельцев, мелких свободных производителей и рабов. Класс рабовладельцев преимущественно состоял из сословий сенаторов и всадников, муниципальной и провинциальной знати, а также высших слоёв плебса, представленных крупными собственниками.

Класс мелких свободных производителей представляли крестьяне, колоны, ремесленники и вольноотпущенники. При этом уже в то время наметилась тенденция к ослаблению позиций крестьянства, что связано с постепенным переходом к оборонительной политике; это приводило к уменьшению потока рабов и, соответственно, их подорожанию, что, в свою очередь, порождало concentra-

цию земель у крупных рабовладельцев и её заселение формирующимся сословием колонов. Однако основное различие между классами определялось не отношением свободы, а экономическим положением и социальным статусом. Это подтверждается достаточно большим представительством потомков рабов в органах власти всего наблюдаемого периода и одновременным падением удельного веса патрициата; в долгосрочной перспективе в годы принципата представителей патрициата в списках консулов и даже сенаторов практически не осталось. Власть постепенно переходит к новой экономической верхушке. Отметим, что аналогичный процесс вообще свойственен любой смене общественно-экономических формаций, в частности, К. Маркс подробно описывает поразительно похожий по своей сущности процесс в момент перехода от феодализма к капитализму – вытеснение феодалов с места эксплуатирующего класса [5, с. 727].

Раб как производитель продуктов общественного потребления по отношению к этому производимому продукту имел значительные отличия от прочих производителей, в т. ч. ограниченно свободных. Такими особенностями были:

- полное отсутствие какой-либо мотивации эксплуатируемых к труду и получаемым результатам;
- полная рудиментация личности раба господином и представление о нём как о говорящем орудии;
- массовое применение внеэкономического принуждения, в т. ч. прямого – насилия;
- отсутствие каких-либо ограничивающих эксплуатацию общественных институтов (исключая естественно-физиологические);
- большое количество несвободных масс и, как следствие, низкая стоимость рабов, что экономически позволяло проводить эксплуатацию в качественно неограниченном масштабе (напротив, отнесительное небольшое число рабов в

Афинах сдерживало масштаб эксплуатации, поскольку приводило к повышению цены на рабов и, соответственно, на их труд).

Поскольку статусное положение первоначально преобладало над экономическим, постольку основным общественным конфликтом была борьба между патрициатом и плебсом. Вплоть до первой сецессии патрициат обладал абсолютной привилегией на участие в управлении делами государства. Сохранение и передача своего патрицианского статуса путём заключения брака с представителями плебса не допускалась, т. е. патрициат имел в определённой степени кастовую природу. Эпоха ранней Империи придерживается данного разделения: вплоть до Вителлия [12, с. 191] принцепсы сената (т. е. те, кого обычно называют императорами) принадлежали исключительно к патрицианским родам. Однако ослабление патрициата, как мы уже увидели и как ещё увидим впоследствии, происходило и ранее: так, в 367 г. до н. э. должность консула впервые досталась представителю плебса (Луцию Секстию Латерану), несколько позднее расширились права народных трибунов, что объясняет успехи законодательной деятельности братьев Гракхов и полностью нивелирует разницу между патрициатом и плебсом. Именно с этого момента можно считать, что Римская республика окончательно перешла к рабовладельческой формации, т. к. именно в этот момент экономическая власть меняется – от патрицианской общины к латифундистам-рабовладельцам.

Переход же от рабовладения к феодализму определяется совокупностью 2-х основных явлений:

1. появления системы колоната и отказа от системы классического рабовладения;

2. окончательного отхода от абсолютизации фактора происхождения.

Противостояние патрициев и плебеев, вступившее в стадию апогея в 80-е гг. до н. э., одновременно с периодом диктату-

ры Цезаря, знаменует триумф партии популяров, выступавших за равенство патрициев и плебеев. Однако кульминацией всего процесса стоит признать эдикт Каракаллы (*Constitutio Antoniniana*) 212 г., дающий римское гражданство всем гражданам Империи¹. Причины его принятия были экономическими, однако значение закона трудно переоценить с точки зрения практики. Каракалла юридически подтверждает разрыв с системой привилегий времён Республики, т. е. подготавливает переход от принципата к доминату. Однако это переход не от рабовладельческого права, а скорее от азиатского, с его системой привилегий, к рабовладельческому, что подтверждает тезис: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [13, с. 34]. На практике это, кроме того, означает и переход от предписательных обоснований эксплуатации и классового расслоения к экономическим.

Повышение стоимости дешёвой рабочей силы в I–II вв. приводит к снижению масштаба эксплуатации и экстенсивного пути экономического развития на основе массового привлечения рабского труда. В связи с этим бытовое и юридическое положение рабов меняется. Мнение, объявляющее свободу человека «естественным состоянием», становится основополагающим в римском праве, при этом причиной этого явилась, очевидно, коренная перемена экономических условий [4, с. 250]. Одновременно происходит спад производства, вызванный снижением количества дешёвых рабочих рук; стоимость их содержания увеличивается, что приводит к масштабному кризису системы рабовладения и уничтожению существующих производственных отношений.

Этот факт является основной причиной бурного развития сословия колоннов. Факт расселения на севере Балкан

¹ Ранович А. Б. Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи // Вестник древней истории. 1946. № 2. С. 66–80.

пленных германцев после Готской войны или побед Аврелиана над ютунгами, вандалами, готами и сарматами [1, с. 208, 211–212] подтверждает развитие системы колоната как следствия целенаправленной государственной политики. Современная наука связывает бурное развитие системы колоната в позднюю античность с фискальной реформой императора Диоклетиана [2, с. 59], правление которого началось примерно десятилетие спустя после упомянутых выше императоров.

Зачатки системы колоната в Риме появились ещё во времена поздней республики, но только в период перехода к доминату (главным образом, в конце III в.) эта система заняла позицию преобладающей. Обработка земли рабами стала неэффективной именно в период империи, поскольку численность рабов сократилась вследствие отказа от завоевательных походов. Классическое рабовладение стало экономически нецелесообразным. Теперь владельцы латифундий, которые не имели достаточного количества подневольных рабочих рук для их обработки, стали сдавать части своих земель в аренду большому числу мелких свободных производителей, нередко даже не за натуральную, а не денежную плату. Такие крестьяне-арендаторы стали основой появления нового класса – колонов. Впоследствии складывается система массовой раздачи таких участков вольноотпущенникам. Колонат оказывается выгодной системой для обеих сторон: труд колонов был более производительным, чем труд рабов, землевладельцы при уменьшении необходимости в экономическом поддержании системы контроля и устрашения сохраняли высокие доходы: с одной стороны, меньшая степень эксплуатации и значительно более высокая степень личной и экономической свободы колонов – с другой.

Однако по мере развития системы и превращения колоната в основную производительную силу государства, а значит, основной эксплуатируемый класс,

положение колонов ухудшалось. Так, с развитием практики обращения в колонов вольноотпущенников, всё сословие потеряло право оставить арендуемый участок, не рассчитавшись с долгами, даже после расторжения или истечения договора аренды. Со временем такая экономическая кабала обрела правовое оформление: Конституция 332 г. фактически прикрепила колонов к земле [2, с. 63–65, 67]. Более того: юридическое прикрепление колонов к земле доказывается и фактом появления и повсеместного распространения практики указывать списки колонов в земельных кадастрах; продажа колонов и земли фактически срастается в единый экономический и юридический процесс.

Таким образом, в годы Кризиса III в. система рабовладения окончательно заменяется колонатом, который, в свою очередь, совершенно очевидно является прообразом грядущей формации (очевидно, феодальной), в т. ч. и постольку, поскольку в производственных отношениях колонов и землевладельцев прослеживается очевидная аналогия с производственными отношениями классов феодалов и крепостных крестьян.

Однако определять существующую систему как феодальную было бы ошибочно. Как комментирует А. В. Коптев, структурообразующим элементом античных обществ была не структура угнетаемого класса, а организация господствующего класса в гражданскую общину; и феодализм точно так же определялся структурой класса феодалов, а не положением крепостных крестьян [2, с. 217, 219]. В контексте римского общества, таким образом, получается, что общественно-экономический строй Империи периода Кризиса–Распада не являлся ни классическим рабовладельческим, ни классическим феодальным строем. Сложившийся общественно-политический строй был переходным, достигшим классического феодализма в рамках других обществ, сменивших древнеримское после V в.

Динамика развития армии и политической власти

Все социальные и политические институты общества, не относящиеся к производительным силам и способу производства, составляют общественную надстройку. Поскольку не представляется возможным одновременное исследование всех элементов надстройки, целесообразно рассмотреть наиболее значимые из них – армию и политическую власть.

Система государственного управления Римской республики очень похожа на такие классические рабовладельческие общества, как античная Греция и Карфаген: так, Аристотель характеризует государственное устройство предвоенного Карфагена как синтез монархического, аристократического и олигархического режимов. Управление сосредотачивалось в руках совета старшин, состоявшего из двух царей, избираемых гражданами на 1 год, и из 28 т. н. герусиастов, также избираемых гражданами.

Т. Моммзен, создатель одного из фундаментальных трудов, посвящённых истории Римской Империи, рассматривает принципат как магистратуру, основанную на принципе законности и подчиняющуюся ему. Кроме того, он подчёркивает тот факт, что принципат как политический строй оказывается гораздо более похожим на политический строй Римской республики, чем на политический строй Империи эпохи домината. Моммзен не придерживается формационного подхода, однако фактически доказывает некую общность республиканского периода и эпохи принципата, корень которого заключается в общей общественно-экономической формации. Даже вне рассмотрения производительных сил и отношения агентов производства очевидно сходство с Грецией и Карфагеном, т. е. с другими обществами в состоянии рабовладельческой формации в полный противовес к деспотиям государств азиатской формации или феодальных монархий. Государственное устройство

греческих полисов и Карфагена, по передаваемому Моммзеном мнению Аристотеля [8, с. 393], существенно отличается от таких государств, как, например, держава Ахеменидов, что трудно объяснить иначе как принадлежностью общества последней к азиатской формации.

В отличие от азиатских деспотий и феодальных монархий власть императора опиралась не на единый титул, а на концентрацию сразу двух должностей: *tribunicia potestas* и *imperium proconsulare*. Поэтому Моммзен продолжает считать, что данный строй, хотя и не является республиканским (каковым он в полной мере не был даже в годы Республики), монархическим также не является хотя бы в силу сосуществования двух источников власти в лице сената и императора [6, с. 382, 393, 408]. Этот факт ставит под сомнение «четырёхчленную концепцию», в которой три данные формации объединены, т. е. должны иметь принципиально похожие системы политической власти.

Римская армия эпохи Республики и Принципата как часть общественной надстройки также представляет интерес и практическую ценность в контексте данной темы. Особого внимания заслуживают система управления армией и принципы её формирования.

Динамика развития системы управления и комплектования римской армии представлена следующими основными ступенями: раннереспубликанская система – реформы Флавия Камилла и Сципиона – реформа Гая Мария 107 г. до н. э. – реформы Септимия Севера.

Эти различные реформы демонстрируют последовательное претворение в жизнь некоторых принципов: избавление от фактора происхождения (так, военная реформа Мария, как показано И. В. Меркуловым, не имела никакого собственно военного значения, но отражала происходящее стирание различий между патрициатом и плебсом. Более того, она отражала и падение влияния нобилитета, что являлось индикатором серьёзного

кризиса в устройстве самой Республики [7, с. 19]); переход к территориальному принципу формирования армии; превращение армии в политическую силу, что предвосхищает появление раннефеодальных монархий, источником власти которых служила армия. Реформированная армия качественно существенно меняется, становится всё менее подвижной и более осёдлой, прикрепляется к месту своего расположения; вопросы хозяйственного снабжения приобретают всё большее значение, что ставит перед командиром легиона ряд новых, чисто гражданских задач [4, с. 311].

Бюрократизированный принцип Северов и становится тем важнейшим звеном между классическим принципом (Антонинов) и доминатом. Армия детерминирует переход архаичной политической системы, характерной для рабовладельческого строя, к системе феодальной.

Некоторые принципы военного устройства отчётливо прослеживаются как в армиях рабовладельческой формации, так и в армиях феодальной. Так, Г. М. Паркер описывает конкретный процесс в римской армии эпохи царского Рима (т. е. эпохи позднего азиатского способа производства – раннего рабовладения): реформа Сервия Туллия позволила служить плебсу, что прежде было ему запрещено, вследствие усиления внешних угроз [10, с. 56].

Поразительное сходство с поправкой на эпоху обнаруживает описание М.-А. Поло де Болье ситуации во Франции в XV в.: проблемы с формированием армии решались путём привлечения разнообразных слоёв населения, включая бандитов [11, с. 84–85]: обнаруживается преемственность между тремя формациями, но не их монолитность. В случае

смычки трёх формаций в сословно-классовую этот эффект должен был остаться как минимум до появления в конкретном государстве капиталистического способа производства. Однако достаточно рассмотреть складывающееся устройство шведской армии в XVI–XVII вв., чтобы опровергнуть данное: по утверждению историков, в эти годы появилось такое явление, как рекрутская повинность – свидетельство отхода от феодального принципа формирования армии, когда служба в ней считалась делом высших слоёв населения, а представители низшего класса вооружались лишь в самых крайних случаях [11, с. 165–168].

Заключение

Современная историческая наука относится к формационному подходу с крайним недоверием. Между тем проведённый анализ истории Римского государства эпохи принципата–домината показал реальную возможность и необходимость применения формационного подхода для выявления законов общественно-экономического развития.

Авторы считают, что критика в адрес концепции азиатской формации необъективна. Кроме того, данная теория применима не только к истории восточных деспотий, но в т. ч. и к истории Древнего Рима.

Напротив, теория сословно-классовой формации представляется несостоятельной, т. к. не учитывает ряд общественных формационных признаков (что и было рассмотрено на примере анализа систем армии и политической власти), требуя лишь отбора определённых фактов, нарушая таким образом принцип системности научного знания.

Статья поступила в редакцию 28.12.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Грант М. Римские императоры. М.: Терра, 1998. 400 с.
2. Коптев А. В. От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда: Ардвисура, 1995. 264 с.

3. Корякин В. В. Деградация советского марксизма на примере философии и методологии истории второй половины XX века // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 1. С. 29–43.
4. Кузищин В. И. История Древнего Рима. М.: Высшая школа, 1982. 336 с.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Политиздат, 1988. 891 с.
6. Машкин Н. А. Принципат Августа: Происхождение и социальная сущность. М., 2014. 718 с.
7. Меркулов И. В. К вопросу о реформе Гая Мария в Риме (II в. до н. э.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых учёных. 2006. № 5. С. 16–21.
8. Моммзен Т. История Рима: в 5 т. СПб.: Наука, Ювента, 1997.
9. Нуреев Р. М. Проблема «азиатского способа производства» в советской историко-экономической литературе // Вестник московского университета. 1979. № 5. С. 13–22.
10. Паркет Г. М. История легионов Рима. От военной реформы Гая Мария до восхождения на престол Септимия Севера. М.: Центрполиграф, 2017. 240 с.
11. Поло де Болье М.-А. Средневековая Франция. М.: Вече, 2014. 384 с.
12. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1993. 364 с.
13. Троцкий Л. Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идёт? М.: T&RUGRAM, 2017. 172 с.

REFERENCES

1. Grant M. *Rimskie imperatory* [Roman emperors]. Moscow, Terra Publ., 1998. 400 p.
2. Koptev A. V. *От прав grazhdanstva k pravu kolonata. Formirovanie krepostnogo prava v pozdnei Rim-skoi imperii* [From citizenship rights to colonial law. Formation of serfdom in the late Roman Empire]. Vologda, Ardisura Publ., 1995. 264 p.
3. Koryakin V. V. [Degradation of Soviet Marxism on the example of philosophy and methodology of history of the second half of the 20th century]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2019, no. 1, pp. 29–43.
4. Kuzishchin V. I. *Istoriya Drevnego Rima* [History of Ancient Rome]. Moscow, Higher School Publ., 1982. 336 p.
5. Marks K. *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. T. 1* [Capital. A Critiquem of Political Economy. Vol. 1]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 891 p.
6. Mashkin N. A. *Printsipat Avgusta: Proiskhozhdenie i sotsialnaya sushchnost* [The August Principle: Origins and Social Essence]. Moscow, 2014. 718 p.
7. Merkulov I. V. [On the question of the reform of Gaius Mary in Rome (II century BC)]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Issledovaniya molodykh uchenykh* [Bulletin of Volgograd State University. Series 9: Research by Young Scientists], 2006, no. 5, pp. 16–21.
8. Mommzen T. *Istoriya Rima: v 5 t.* [History of Rome: in 5 vol.]. St. Petersburg, Nauka, Yuventa Publ., 1997.
9. Nureev R. M. [The problem of the «Asian mode of production» in the Soviet historical and economic literature]. In: *Vestnik moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 1979, no. 5, pp. 13–22.
10. Parket G. M. *Istoriya legionov Rima. Ot voennoi reformy Gaya Mariya do voskhozhdeniya na prestol Septimiya Severa* [History of the legions of Rome. From the military reform of Caius Maria to the ascension to the throne of Septimius Severus]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2017. 240 p.
11. Polo de Bolè M.-A. *Srednevekovaya Frantsiya* [Polo de Beaulieu M.-A. Medieval France]. Moscow, Vech Publ., 2014. 384 p.
12. Guy Suetonius Tranquill. *Zhizn dvenadsati tsezarei* [Gaius Suetonius Tranquillus. The life of the twelve Caesars]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 364 p.
13. Trotsky L. D. *Predannaya revolyutsiya. Chto takoye SSSR i kuda on idyot?* [Revolution betrayed. What is the USSR and where is it going?]. Moscow, T&RUGRAM Publ., 2017. 172 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алёхина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов;
e-mail: NBA130962@yandex.ru

Клюсов Сергей Андреевич – студент кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов;
e-mail: gerzogkarnelly@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya V. Alekhina – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Philosophy and Cultural Studies, Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences;
e-mail: NBA130962@yandex.ru

Sergey A. Klyusov – student, Department of Conflictology, Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences;
e-mail: gerzogkarnelly@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алёхина Н. В., Клюсов С. А. История древнего Рима как подтверждение актуальности концепции азиатского способа производства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 141–149.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-141-149

FOR CITATION

Alekhina N. V., Klyusov S. A. History of ancient Rome as a confirmation of the relevance of the Asian mode of production concept. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 141–149.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-141-149

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-150-159

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРИЧИН РАЗВЯЗЫВАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Тетерин П. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

101000, г. Москва, Малый Златоустинский пер., д. 7, стр. 1

Аннотация

Цель. Анализ проблемы полноты раскрытия причин холодной войны в работах англоязычных историков.

Процедура и методы. В статье рассмотрены взгляды англо-американских исследователей холодной войны, изданных на русском и английском языках и опубликованных в период с начала 50-х гг. XX в. и до настоящего времени. Основным предметом освещения является разбор работ на группы по экономическим, идеологическим, геополитическим, психологическим и др. факторам развязывания конфликта.

Результаты. В большинстве рассмотренных работ по истории холодной войны причины не всегда представлены в полном объёме, подчас ошибочны и основаны на идеологических мифах о СССР и России. Выявлены различия в трактовках, разнообразие взглядов англоязычных авторов на причины конфликта.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённая работа может быть использована исследователями по проблематике холодной войны для более полного понимания причин развязывания конфликта, представленных англоязычной историографией.

Ключевые слова: холодная война, причина, англоязычные историки, фактор, конфликт, США, СССР

UNDERSTANDING THE CAUSES OF THE OUTBREAK OF THE COLD WAR IN ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY

P. Teterin

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishi, 141014 Moscow region, Russian Federation

Financial University under the Government of the Russian Federation

7 str. 1 Malyy Zlatoustinskii per., 101000 Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. Analysis of the level of the causes of the cold war disclosure in the works of English-speaking historians.

Methodology. The article analyzes the views of the cold war in Anglo-American research works, published in Russian and English and in the period from the beginning of the 50s of the 20th century to the present. The main subject of coverage is the classification of works into groups on economic, ideological, geopolitical, psychological, and other factors of conflict unleashing.

Results. The analysis has shown that in most of the reviewed works on the history of the Cold War, the reasons are not always fully presented, sometimes they are erroneous and based on ideological myths about the USSR and Russia. The differences in interpretations and the diversity of views of English-speaking authors on the causes of the conflict are shown.

Research implications. The main results of the article can be used by researchers on the problems of the cold war for a more complete understanding of the reasons for the outbreak of the conflict, presented by English-language historiography.

Keywords: Cold War, reason, English-language historians, factor, conflict, USA, USSR

Введение

В настоящее время на фоне разжигającego конфликта России и Запада и политики «санкций» видно, насколько сложно общественности Великобритании и США освободиться от идеологических шор и чёрно-белого мышления на тему холодной войны. Сейчас принимаются попытки по-иному взглянуть на историю глобального противостояния, что вынуждает исследователей в России и за рубежом вновь обращаться к изучению её причин. Отечественные историки¹ анализировали предпосылки и

сущность конфликта. Причины холодной войны в англо-американской историографии изучались российскими историками фрагментарно², им не были посвящены монографии или отдельные работы. Необходимость многовекторного подхода к изучению данного процесса позволит создать объёмную картину исторической реальности.

В статье рассматриваются мнения английских и американских историков по вопросам причин холодной войны на основе широкого круга их работ, а также их сопоставление с оценками и выводами отечественных исследователей в данной проблематике. Исследовано, насколько

¹ Тетерин П. В. Российские учебники истории о причинах возникновения холодной войны (историографический обзор) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 73–82.; Быстрова И. В. Современная отечественная историография холодной войны // Новый исторический вестник. 2004. № 1. С. 295–307; Тетерин П. В. Опыт осмысления российской историографией причин развязывания холодной войны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 2. С. 40–43.; Давыдов М. Е. Причины и движущие силы холодной войны в современной отечественной и западной историографии: автореф. дис. канд. ист. наук. Барнаул. 2011. 22 с.; Давыдов М. Е. Дискуссия о сущности и причинах холодной войны в современной российской и западной историографии // Восток-Запад проблемы взаимодействия. Исторический и культурологический аспекты /отв. ред. К. Б. Умбрашко. Новосибирск, 2010. С. 77–87.; Давыдов М. Е. Иде-

ологический подход к истокам холодной войны в современной западной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4 (16). С. 56–60; Кадырова Л. А. Феномен зарождения «холодной войны» в отечественной и американской историографии: автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2012. 23 с.

² Давыдов М. Е. Эволюция взглядов Дж. Л. Гэддиса на причины холодной войны // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 90–94; Давыдов М. Е. Идеологический подход к истокам холодной войны в современной западной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4 (16). С. 56–60; Кадырова Л. А. Феномен зарождения «холодной войны» в отечественной и американской историографии: автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2012. 23 с.; Суханова С. А. Причины холодной войны в отечественной и зарубежной историографии. Наука молодых: сб. Н.Новгород, 2017. С. 1052–1056.

продвинулась историческая наука в США и Великобритании в изучении причин холодной войны.

Страх как причина конфликта

В англо-американской историографии часто используется такой фактор, как страх. Например, «Сол Петт из “Associated Press” утверждает, что холодная война – это “абсурдная борьба, основанная на страхе двух сторон друг перед другом”»¹. П. Дж. А. Кальвокоресси, английский адвокат, политик, историк и издатель, отмечает, что это был не просто страх, а «великий страх», поэтому «корни холодной войны следует искать в недоверии, которое из-за непонимания и просчётов обрело масштабы великого страха»². По мнению Р. В. Римини, американского историка, страх для президента США Г. Трумэна был порождён опасностью распространения коммунизма. Политика страха, заложенная Г. Трумэном, все последующие годы определяла внутреннюю и международную политику Соединённых Штатов, тем самым поддерживая пламя глобального противостояния³. Подобная причина холодной войны существует и в российской историографии⁴. «Взаимный страх и паника» не был пер-вопричиной глобального конфликта, т. к.

он является его производной частью, т. е. следствием. Однако страх приумножил накал холодной войны, представляя собой эмоциональную категорию данного процесса, что не позволяет качественно и количественно её измерить. «Взаимный страх» подталкивал лидеров двух сверхдержав к новому витку гонки вооружения.

Идеологические причины

Особое внимание британо-американская историография уделяет роли идеологии как одному из важнейших факторов развязывания холодной войны. Американский учёный, специалист международник А. Линч отмечает, что: содержательные принципы советской идеологии как инструмент агрессии направлены на распространение власти в геополитическом пространстве и поэтому «советская идеология будет ещё некоторое время влиять на манеру поведения постсоветских властей в международной среде»⁵. Часть англоязычных историков ошибочно полагают, что возникновение холодной войны нужно искать в революционных событиях в России 1917 г. Л. Д. Фридман, военный английский историк, специалист по холодной войне писал, что истоки конфликта следует связывать с событиями Октябрьской революции, поскольку именно тогда коммунизм как политическая теория воплотился на практике, став в Европе политической системой – одной из двух «несовместимых социальных систем <капитализм и социализм>, которая не могла процветать, не подрывая устои другой»⁶. Однако, по мнению ведущего российского историка-американиста В. В. Согрина, холодная война после Октябрьской революции 1917 г. была невозможна «в силу острого антагонистического соперничества между США и другими импе-

¹ Dennis E. E., Gerbner G., Zassoursky Y. N., eds. Beyond the Cold War Soviet and American Media Images. London, New Delhi, Newbury Park Publ., 1991. P. 13.

² Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 г.: в 2-х кн. Кн. 1. М.: Международные отношения, 2000. С. 11.

³ Римини Р. Краткая история США. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус. 2017. С. 333.

⁴ Шаскольский А. И. Ни мёртвым, ни красным: становление ядерной стратегии США и новое мышление // Американский ежегодник. 1993. М.: Наука, 1994. С. 21–35; Отечественная история (1917–2001) / отв. ред. проф. И. М. Узародов. М., 2002. С. 255.; Печатнов В. О. Каким СССР вышел из войны (в оценке американской разведки и дипломатии) // США. Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 5. С. 22; Давыдов Ю. П. «Жёсткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США. Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 1. С. 7.

⁵ Lynch A. The Cold War is over – again. San Francisco; Oxford, Westview press, 1992. P. 4.

⁶ Freedman L. The cold war: A military history. London, 2001. P. 7.

риалистическими державами, в первую очередь, Германией и Японией» [8, с. 255].

Американские учёные Эверетт Э. Деннис и Дж. Гербнер при участии российского литературоведа Я. Н. Засурского отмечали идеологический фактор холодной войны, которая «велась в делах, имевших разные названия в зависимости от идеологии или толкования: общественная информация, пропаганда, дезинформация»¹. Л. Фридман также подчёркивал, что идеологические причины тесно связанные с геополитическими и военными, были у одной стороны – СССР, а США отвечали на выпады противника, например: «Идеологический антагонизм перерос в холодную войну, когда Россия стала не только “революционным государством”, но и великой державой»². Подобную точку зрения о том, что идеология, как и военно-стратегический фактор, одинаково влияет на развязывание конфликта, разделяет английский исследователь О. А. Вестад: холодная война является не только «битвой идей: американского либерализма против советского коммунизма»³, но и борьбой за рынки, сырьё и территории. Точку зрения о противостоянии двух различных идеологий в ходе глобального конфликта поддерживают американские учёные Д. Д. Барри и К. Барнер-Барри: «сама идеологическая риторика обеих сторон о неустраимых различиях между двумя системами порождала антагонизм» [6, с. 47]. Дж. Л. Гэддис конфликт идеологий объясняет с исторической точки зрения: обе они были детищем двух революций – в США, затем в СССР, причём «обе страны были объаты идеологиями с глобаль-

ными чаяниями: то, что работало дома, как предполагали лидеры, может быть распространено на весь мир»⁴.

Отдельные историки относят всю ответственность за обострение идеологического фактора холодной войны только применительно к СССР, не учитывая воинственную идеологию американского доминирования, а именно *Rex Americana*. Как отмечает М. Е. Давыдов, американский историк и педагог М. П. Леффлер пишет, что «касается идеологии, <...> то марксизм-ленинизм стал религиозной доктриной Сталина, а его ритуальной практикой – “делать революцию”» [1, с. 57]. Леффлер благоволит президенту США Г. Трумэну, который разделял основные американские ценности: «либерализм, индивидуализм и свободное предпринимательство»⁵, поэтому автор оправдывает жёсткую политику по отношению к СССР.

Одностороннее обвинение советской стороны в развязывании идеологической войны прослеживается в работах американского историка В. Зубока. В подтверждение этого тезиса М. Е. Давыдов приводит цитату из работы В. Зубока⁶, которая показывает, что причинами обострения отношений СССР с Соединёнными Штатами стали «“идеологический радикализм” большевиков и соответствующее мировоззрение Сталина» [1, с. 59]. Эту же мысль проводит В. Зубок в одном из интервью, в котором утверждает, что он пишет о роли Сталина как о главном инициаторе холодной войны, поскольку он ответственен за принятие решений, способствовавших возникновению конфликта⁷.

¹ Dennis E. E., Gerbner G., Zassoursky Y. N., ed. *Beyond the Cold War Soviet and American Media Images*. London, New Delhi, Newbury Park Publ., 1991. P. 12.

² Freedman L. *The cold war: A military history*. London, 2001. P. 7.

³ Westad O. A. *The Cold War and the international history of the twentieth century* // Westad O. A., Leffler M. P., ed. *The Cambridge History of the Cold War*. Cambridge, 2010. Vol. 1. P. 20–43.

⁴ Gaddis J. L. *The Cold War. A New History*. New York, Penguin Books, 2005. P. 7.

⁵ Leffler M. P. *For the soul of mankind: the United States, the Soviet Union, and the cold war*. New York, 2007. P. 39, 47.

⁶ Zubok V. M. *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. UNC Press Books, 2007. 453 p.

⁷ Зубок В. Восток и Запад: холод войны // Ладно.ру: [сайт]. <https://ladno.ru/interview/9526.html> (дата обращения: 03.08.2021).

Американский историк Р. Римини причину холодной войны видел в расширении коммунистической идеологии в странах Восточной Европы как угрозу для стран Запада, многие из которых оказались в орбите Советского Союза или были оккупированы – например, часть территории Германии¹.

Если значительная часть англоязычных историков считала, что идеологические разногласия стали основной причиной холодной войны, то итальянско-североамериканский левый политический деятель, переводчик, журналист и исследователь К. Марзани (Марцани) считал идеологию не первопричиной, а следствием глобального противостояния: «антикоммунистическая истерия – детище холодной войны»². В связи с этим следует ответить на сообщение Р. Римини, что страны Европы были заняты в результате освобождения её от «коричневой чумы». Разделение Берлина, Вены, как и Германии с Австрией, было зафиксировано на Ялтинской и Потсдамской конференциях³ и подписано странами антигитлеровской коалиции. Если по объединению Австрии удалось договориться, то точек соприкосновения по Германии великие державы не нашли. Обвинять лишь одну страну, как это делает Римини, контрпродуктивно.

Оценки М. П. Леффлера, В. Зубока, Л. Фридмана и Р. Римини не приводят к объективному определению причин такого многофакторного процесса, как холодная война. Так, например, В. В. Ковригин отмечает, что большинство зарубежных историков периода конфликта последовательно отстаивали правоту американской

внешней политики, считая виновником СССР, якобы последовательно проводившего экспансионистскую политику, смыслом которой было «мнение о коммунизме как априори направленном против западных демократических государств» [3, с. 12].

Геополитические и экономические причины

Часть англоязычных историков полагают, что истоки конфликта лежат глубоко в истории, когда на обломках Российской империи возник Советский Союз и, по существу, ставший её правопреемником, одновременно с этим унаследовал существовавшие до этого неразрешимые противоречия. Исходя из этого постулата, английский историк, культуролог, социолог А. Тойнби основывает свои построения причин возникновения холодной войны противоречиями, идущими из глубин истории российской и западной цивилизации, поэтому автор утверждает, что «у русских были все основания глядеть на Запад с не меньшим подозрением, чем мы сегодня смотрим на Россию»⁴.

Американский историк и советолог У. Лафибера к объективному определению истоков причин холодной войны, так же, как и А. Тойнби, относит корни конфликта к концу XIX в., временам столкновения интересов в Британской империи с императорской Россией за влияние в регионах Центральной, Восточной, Южной Азии – «когда страны впервые столкнулись друг с другом на равнинах Азии»⁵. Эти события, получившие название «большая игра», подробно изучены российскими учёными⁶,

¹ Римини Р. Краткая история США. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус. 2017. С. 335.

² Марзани К. Мы можем быть друзьями. Истоки холодной войны. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. С. 54.

³ Материалы Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании. 17 июля – 2 августа 1945 г. [Электронный ресурс]. URL http://www.hist.msu.ru/ER/etext/War_Conf/berlin.htm (дата обращения: 03.08.2021).

⁴ Тойнби А. Дж., Икеда Д. Избери жизнь. Диалог Арнольда Тойнби и Дайсаку Икеды. М., 2007. С. 439.

⁵ Laffeb W. America, Russia, and the Cold War 1945–1975. New York, London, Sydney, Toronto, 1976. P. 5.

⁶ Гаджиев К. С. «Большая игра» на Кавказе: вчера, сегодня. М., 2012. 339 с.; Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008. 382 с.; Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 298.

зарубежным историком Д. Гиллардом¹ и англоязычными журналистами К. Мейером и С. Брысаком², которые проводят исторические параллели между «большой игрой» и холодной войной.

Следует отметить, что привязка даже однородных событий далёкого прошлого и попытки объяснить ими причины противостояния США и СССР несостоятельны, поскольку вводят в заблуждение исследователей. Как справедливо отмечает Е. Ю. Сергеев, описанные события не могут являться истоками конфликта – они не аналогичны, поскольку не носят глобального характера, а обладают лишь некоторыми чертами сходства, между тем как холодная война XX в. «имеет совершенно другие причины, хронологические рамки и специфику» [7, с. 298].

Часть англо-американских и российских историков³ придаёт чрезмерное значение Иранским событиям как значимой причине возникновения холодной войны. Этой точки зрения придерживается американский исследователь Б. Р. Кунихолм, который считает катализатором конфликта, прежде всего, Иран. Автор отмечает попытку руководства СССР осенью 1944 г. получить доступ к иранской нефти, связывая это с требованием Сталина присоединить Иранскую провинцию Азербайджан (Северный Иран) к советскому Азербайджану и с категорическим несогласием союзников и их требованием о выводе советских войск из Ирана. «Соперничество великих держав на Ближнем Востоке во время холодной войны можно проследить до традици-

онных опасений по поводу баланса сил между Великобританией и Россией на Северном ярусе. Эти проблемы, одновременно агрессивные и оборонительные»⁴. Этой точки зрения придерживается американский историк Д. Ергин, считающий, что иранский фактор тесно связан с нефтяным вопросом, который «вывел Ближний Восток на передний план <...>, нефтяные месторождения Ближнего Востока следовало защитить и удержать на западной стороне “железного занавеса”» [2, с. 315]. Отмечая значение работы Д. Ергина А.А. Кочешков пишет, что автору удалось показать «роль нефтяного фактора в истории международных отношений» сверхдержав [5, с. 64]. Такой же позиции придерживается американский учёный Дж. Бэмберг, который прослеживает взаимосвязь холодной войны и Иранского нефтяного вопроса. Автор ссылается на, якобы, сделанное И. Сталиным Ирану предложение о создании ирано-советской концессии с целью добычи иранской нефти. Наличие этого предложения было опровергнуто советским руководством⁵, поэтому попытка Дж. Бэмберга связать причину возникновения холодной войны с нефтяным вопросом нельзя признать удачной.

Англо-американские историки показывают и другие экономические причины возникновения холодной войны. Так, например, А. Тойнби видел причину конфронтации в подчинении экономики «окупированных стран интересам России»⁶. Эта позиция противоречит исторической действительности, поскольку Москва, в отличие от Вашингтона, по мнению В. В. Кожина, подчас ставила на второй план экономическую целесообразность

¹ Gillard D. The struggle for Asia, 1828-1914: A study in Brit. a. Russ. imperialism. London: Methuen, 1980. 214 p.

² Meyer K., Brysac S. Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. N.Y.: Basic books, 2006. 648 p.

³ Гасанлы Джамиль. Иранский Азербайджан – эпицентр «холодной войны» // Кавказ и глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 2. С. 6–15.; Кочешков А. А. Нефть и охлаждение советско-иранских отношений на раннем этапе «холодной войны» 40–50 гг. XX в. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2009. № 3. С. 63–79.

⁴ Kuninholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great Powers Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey and Greece. New York, Princeton University Press, 1980. P. 3.

⁵ Bamberg J. H. The History of the British Petroleum Company. Volume 2. The Anglo-Iranian Years. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 250–257.

⁶ Toynbee A. J. Survey of international affairs 1953. London, Oxford university press, 1956. P. 1.

политической лояльности [4, с. 154]. А. Тойнби искажает исторический факт в интересах идеологической защиты действий Вашингтона в ущерб Москве. Действительность же такова: США от ведения холодной войны экономически выигрывает, поскольку конфликт позволяет наращивать производство ВПК, о чём пишет американский политический деятель К. Марзани, утверждая, что холодная война отвечала потребностям «крупного капитала» и спасала Америку <...> от «хронической депрессии»¹. Впрочем, А. Тойнби иногда в достаточно завуалированной форме признавал важнейшее значение развития милитаризма как двигателя экономического благополучия цивилизации, поэтому даже говорил об относительной полезности локальных войн: «Милитаризм – <...> распространённая причина надлома цивилизации. Милитаризм <...> втягивает локальные государства в междоусобные войны»².

А. Тойнби подчёркивал, что не идеология, а геополитика была важнейшим фактором холодной войны. Даже при отсутствии идеологических разногласий Соединённые Штаты и Советский Союз как единственные сверхдержавы неизбежно пришли бы к «соперничеству друг с другом за мировое господство»³.

Определяющая роль геополитических факторов в возникновении холодной войны представлена в работе американского историка А. Улама. По мнению Е. Н. Рыжкова, А. Улам в определённой степени присоединяется к трактовке роли геополитических причин холодной войны к выводам А. Тойнби, поскольку он, как и последний, считает, что геополитические противоречия между СССР и США вызваны преимущественно «последвоенной расстановкой сил и желани-

ем лидеров “супердержав” употребить в свою пользу преимущества такого положения, вне зависимости от каких-либо идеологических соображений» [6, с. 49].

Сходную первопричину обозначает и Н. Левкович, который полагает, что геополитические причины и интересы сверхдержав привели к конфронтации в международных отношениях, поскольку Соединённые Штаты и Советский Союз, прежде всего после окончания Второй мировой войны, стремились упрочить свои политические и геостратегические позиции⁴.

В книге О. Стоуна и П. Кузника подчёркивается неразрывная взаимосвязь геополитических и экономических причин, приведших к возникновению противостояния. Причём наличие этой взаимосвязи впервые проявилось на Ялтинской конференции в виде серьёзных разногласий, смысл которых заключался в различном понимании участниками конференции геополитических и стратегических устремлений СССР и США, поскольку каждая из сторон ставила перед собой различные цели. Если Москва была, прежде всего, заинтересована в обеспечении безопасности, то Вашингтон стремился направить геополитику и стратегию на достижение благоприятных условий для торговли и вывоза капиталов⁵.

Американский исследователь холодной войны Дж. Л. Гэддис считает, что геополитические противоречия между сверхдержавами на конференциях «Большой тройки» послужили основанием конфликта. Кроме того, Москва и Вашингтон соперничали в стремлении добиться политического превосходства, причём это соперничество мешало им достигать в определённые моменты согласованных действий, и, как правило,

¹ Марзани К. Мы можем быть друзьями. Истоки холодной войны. М., 1953. С. 44.

² Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 222.

³ Тойнби А. Дж., Икеда Д. Избери жизнь. Диалог Арнольда Тойнби и Дайсаку Икеды. М., 2007. С. 288–289.

⁴ Lewkowicz N. The United States, the Soviet Union and the Geopolitical Implications of the Origins of the Cold War. Anthem Press, 2018. P. 242.

⁵ Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США. М.: Азбука-Аттикус, 2012. С. 146–147.

эти попытки сотрудничества «терпели неудачу, и именно в этих неудачах лежали корни холодной войны»¹.

Рассматривая конкретные факты истории холодной войны, Л. Фридман отмечал, что непреодолимое противоречие возникло в процессе обсуждения перспектив развития Польши или так называемого «польского вопроса»². Однако, как пишут О. Стоун и П. Кузник, разногласия по польскому вопросу³ окончились компромиссом, в основу которого легло решение об учреждении в Польше «Временного правительства национального единства»⁴. Достигнутый компромисс по столь спорному вопросу показывает, что «польский вопрос» не стал катализатором конфликта, что дезавуирует позицию Л. Фридмана.

Следует отметить, что доминирование геополитических интересов в глобальном противостоянии рассматривалось не только в англоязычной, но и в отечественной историографии⁵.

Ядерный фактор

В англоязычной историографии ядерный фактор отображается как важнейший среди причин глобального противостояния. Л. Фридман подчёркивает определяющую роль атомной бомбы в эскалации конфликта, обосновывая свою позицию: «как только США продемонстрировали своё уникальное оружие,

Советский Союз начал немедленно готовить свой ответ <...> началась гонка вооружений»⁶. Р. Римини также указывает на ядерный фактор с появлением атомного оружия у США в 1945 г.: «между свободным миром и Советским Союзом развязалась холодная, а не “горячая” война»⁷. Однако только после 24 сентября 1949 г., когда у СССР появилось подобное оружие, «противники могли однажды развязать ядерную войну»⁸. К. Марзани справедливо считал, что ядерный фактор – не причина, а следствие конфликта, поскольку внешняя политика США после Второй мировой войны основывалась на «монополии на атомную бомбу. “Атомная дипломатия” являлась главным инструментом холодной войны»⁹. В отечественной историографии ядерному фактору как причине холодной войны посвящено большое число серьёзных исследований¹⁰.

⁶ Freedman L. The cold war: A military history. London, 2001. P. 9, 36.

⁷ Римини Р. Краткая история США. М.: Колибри, Азбука-Аттикус. 2017. С. 336.

⁸ Там же.

⁹ Марзани К. Мы можем быть друзьями. Истоки холодной войны. М., 1953. С. 64.

¹⁰ Шаскольский А. И. Ни мертвым, ни красным: становление ядерной стратегии США и новое мышление // Американский ежегодник. 1993. М., 1994.; Марушкин Б. И. У истоков атомной дипломатии // Международная жизнь. 1959. № 7; Иноземцев Н. Н. Гл. XII: Активизация агрессивных действий американского империализма на международной арене. Внешняя политика США в 1950–1955 гг. // Международные отношения после второй мировой войны. / гл. ред. Н.Н. Иноземцев. Т. 2. (1950–1955 гг.). М., 1963. С. 341.; Кунина А. Е., Позняков В. В. Советско-американские отношения в ядерный век // Американский ежегодник. М., 1991. С. 18.; Корсаков Г. Б. Трансформация политики США в области ядерного сдерживания (1991–2001) // США. Канада: Экономика, политика, культура. 2002. № 3. С. 29–54; Ржевский О. А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 3.; Лебедев Н. И. СССР в мировой политике. 1917–1982. М., 1982. С. 141; Иванян Э. А. Белый дом: президенты и политика. М., 1979. С. 157; Марушкин Б. И. Политика «холодной войны» и атомная дипломатия. // История США. Т. 4. 1945–1980. М., 1987. С. 70–110; Яковлев А. Н. От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века. М., 1984. С. 9; Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 2003. С. 42–53.

¹ Gaddis J. L. The Cold War. A New History. New York, Penguin Books, 2005. P. 20

² Freedman L. The cold war: A military history. London, 2001. P. 21.

³ Самые ожесточенные споры развернулись вокруг Польши – составе ее будущего правительства и западных границах государства // История РФ: [сайт]. URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/ialtinskaia-konfierentsiia> (дата обращения: 03.08.2021).

⁴ Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США. М.: Азбука-Аттикус, 2012. С. 147–148.

⁵ Кожин В. В. Россия. Век XX. (1939–1964) Опыт бесстрастного исследования. М.: Алгоритм, 2001. С. 154; Уткин А. И. Американская империя. М.: Эксмо, 2003. С. 129; Печатнов В. О. США: путь к имперству // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 87.; Максимычев И. Ф. Холодная война или историческая норма? Международная жизнь. 2007. № 10. С. 94.

Заключение

В ходе работы были выделены важнейшие причины глобального противостояния: экономические, политические, геополитические и идеологические. Выявлено наличие у Вашингтона и Москвы своих национальных интересов на устройство послевоенного мира, как экономических, так и геополитических: борьба за ресурсы, прежде всего нефть, и построение экономического строя в побеждённых странах. Среди психологических причин, выделенных англо-американскими историками, важнейшим фактором холодной войны стал «Великий страх». Также ряд англо-американских историков и журналистов отмечают связь между глобальным противостоянием США и СССР и столкновением интересов Британской и Российской империй в XIX в. в Средней Азии, названной «Большой игрой». По мнению англо-американских исследователей, геополитической причиной конфликта стала борьба за буферные государства – Польшу и Иран. Среди политических и идеологических расхождений можно выделить появление первого социалистического государства (после 1917 г) и образование социалистического лагеря после Второй

мировой войны. Милитаризм и гонка ядерных вооружений привела, по оценке ряда историков, к скатыванию в глобальное противостояние.

Причины возникновения холодной войны рассмотрены почти во всех упомянутых работах, но качество раскрытия темы представлено слабо. Не изучались причины, которые были отмечены в отечественной историографии: мессианская традиция американской политики и общества; русофобия; идея о мировом господстве США, пресловутая *Rax Americana*; «борьба с национально-освободительным и мировым рабочим движением»; «реставрация капитализма и колониализма»; насаждение американского образа жизни; предотвращение экономического кризиса, вызванного неизбежной диверсификацией промышленности после Второй мировой войны; защита интересов правящих элит и американских монополий. В историографии США и Великобритании предпосылки холодной войны остаются наиболее дискуссионными и одновременно малоизученными, наблюдается недостаток конкретных аргументированных позиций историков.

Статья поступила в редакцию 10.02.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов М. Е. Идеологический подход к истокам холодной войны в современной западной историографии // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2011. № 4 (16). С. 56–60.
2. Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Пабlisher, 2019. 944 с.
3. Ковригин В. В. Отражение истории Второй мировой войны в содержании отечественного и зарубежного школьного исторического образования : автореф. дис. ... кан. пед. наук. Елец, 2008. 23 с.
4. Кожинов В. В. Россия. Век XX. (1939–1964): опыт беспристрастного исследования. М.: Алгоритм, 2001. 400 с.
5. Кочешков А. А. Нефть и охлаждение советско-иранских отношений на раннем этапе «холодной войны» 40–50 гг. XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2009. № 3. С. 63–79.
6. Рыжков Е. Н. А. Улам и другие американские историки о некоторых аспектах внешней политики СССР после Второй Мировой войны и об истоках холодной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 4. С. 46–50.
7. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. 454 с.
8. Согрин В. В. Критические направления немарксистской историографии США XX века. М.: Наука, 1987. 270 с.

REFERENCES

1. Davydov M. E. [The ideological approach to the origins of the Cold War in modern Western historiography]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. Series: History.], 2011, no. 4 (16), pp. 56–60.
2. Ergin D. *Dobycha. Vsemirnaya istoriya borby za neft, dengi i vlast* [Extraction. World history of the struggle for oil, money and power]. Moscow, Alpina Publisher Publ., 2019. 944 p.
3. Kovrigin V. V. *Otrazhenie istorii Vtoroi mirovoi voyny v sodержanii otechestvennogo i zarubezhnogo shkolnogo istoricheskogo obrazovaniya : avtoref. dis. ... kan. ped. nauk* [Reflection of the history of the Second World War in the content of domestic and foreign school history education: PhD thesis in Pedagogical sciences]. Elec, 2008. 23 p.
4. Kozhinov V. V. *Rossiya. Vek XX. (1939–1964): opyt besstrastnogo issledovaniya* [Russia. XX Century. (1939–1964): an attempt of unbiased research]. Moscow, Algoritm Publ., 2001. 400 p.
5. Kocheshkov A. A. [Oil and the distancing of Soviet-Iranian relations at the early stage of the Cold War 40–50 years. 20th century]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Universal History], 2009, no. 3, pp. 63–79.
6. Ryzhkov E. N. [A. Ulam and other American historians on some aspects of USSR foreign policy after World War II and the origins of the Cold War]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo uiversiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2016, no. 4, pp. 46–50.
7. Sergeev E. Yu. *Bolshaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v TSentralnoi i Vostochnoi Azii* [Great game, 1856–1907: myths and realities of Russo-British relations in Central and Eastern Asia]. Moscow, 2012. 454 p.
8. Sogrin V. V. *Kriticheskie napravleniya nemarksistskoi istoriografii SShA XX veka* [Critical Directions of Non-Marxist Historiography of the United States of the 20th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 270 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тетерин Павел Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; e-mail: teterinpost@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pavel V. Teterin – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of New and Modern History and Methodology, Moscow Region State University; e-mail: teterinpost@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тетерин П. В. Осмысление причин развязывания холодной войны в англоязычной историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 150–159.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-150-159

FOR CITATION

Teterin P. V. Understanding the causes of the outbreak of the Cold War in English-language historiography. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 150–159.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-150-159

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-160-172

КОНЦЕПЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА» В РАБОТАХ ЛЕНИНА ДО 1917 Г.

Суханова Н. И.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Провести анализ произведений лидера большевиков В. И. Ленина, посвящённых «национальному вопросу» и написанных в период 1903–1917 гг. Разбор статей обнаруживает взгляд идеолога и теоретика большевизма на взаимозависимость организационного строения партии, решения национального вопроса и проблем российской и мировой революции. При этом основой ленинской концепции решения национального вопроса являлась классовая революционная методология.

Процедура и методы. Исследование проведено на основе принципов научной объективности, историзма, системности, многомерности с опорой на конкретно-исторический, компаративный, проблемно-хронологический методы. Использование данных подходов позволило проследить причины чёткости и системности в продвижении указанной концепции на протяжении почти двух десятилетий, в ходе которых стратегическая революционная цель, оставаясь неизменной, сохраняла тактику решения национального вопроса.

Результаты. Анализ взглядов лидера большевиков на национальный вопрос до февраля 1917 г. даёт основания утверждать, что подход к его решению был ограничен задачами российской, а затем мировой пролетарской революции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Для Российского государства, цивилизационной особенностью которого является его многонациональный характер, опыт и практика формирования и результатов национальной политики всегда будут востребованы. Положительные стороны и сомнительные проекты России в прошлом помогают в выстраивании современной стратегии и тактики формирования полиэтнического демократического государства.

Ключевые слова: В. И. Ленин, Россия, большевизм, классовая борьба, национальный вопрос, революция, право на самоопределение

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43005.

THE CONCEPT OF THE «NATIONAL QUESTION» IN THE WORKS OF LENIN BEFORE 1917

N. Sukhanova*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoi ul., Mytishi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. Analyze the works of the Bolsheviks leader V. I. Lenin about the «national question», written in the period 1903–1917. Analysis of the articles reveals the view of the ideologist and theorist of Bolshevism on the interdependence of the organizational structure of the party, the solution of the

national question and the problems of the Russian and world revolution. At the same time, the basis of Lenin's concept of solving the national question was the class revolutionary methodology.

Methodology. The study was carried out on the principles of scientific objectivity, historicism, systematic approach, multidimensional approach based on specific historical, comparative, problem-chronological research methods. The use of these approaches made it possible to trace the reasons for clarity and consistency in promoting this concept for almost two decades, during which the strategic revolutionary goal remained unchanged and retained the tactics of solving the national issue.

Results. An analysis of the views of the Bolshevik leader on the national question before February 1917 gives grounds to assert that the approach to its solution was limited to the tasks of the Russian and then the world proletarian revolution.

Research implications. For the Russian state, the civilizational feature of which is its multinational character, the experience and practice of the formation and results of national policy will always be in demand. Its positive aspects and dubious projects in the past help in building a modern strategy and tactics for the formation of a multiethnic democratic state of Russia.

Keywords: V. I. Lenin, Russia, Bolshevism, class struggle, the national question, revolution, the right to self-determination

Acknowledgments. The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43005.

Введение

Своеобразие Российской цивилизации заключается в том, что она со времён своего возникновения приобретала черты культурно-сложного общества. Политэтнический характер населения был одним из факторов этой сложности. На каждом этапе развития Российского государства возникали новые вызовы, на которые власть и общество должны были реагировать. Усложнение процесса превращения России в демократическое правовое многонациональное государство на современном этапе требует обращения к опыту как позитивных, так и не всегда успешных программ и практики их реализации в рамках национальной политики.

Исследования указанной проблемы остаются актуальными. Доказательством тому является значительное количество монографий, диссертаций, статей не только российских исследователей. Проблемам национальной политики, в т. ч. и в СССР, посвящено немало исследований обществоведов в постсоветских республиках. Местные историки тоже пытаются осмыслить советский опыт национальной политики, к сожалению, нередко с негативных позиций. Это является ещё одним подтверждением актуальности об-

ращения к теории, методологии и опыту национальной политики. Одним из ключевых моментов подобной литературы является попытка обвинить большевистскую революционную концепцию, заложенную в основу формирования многонационального советского государства. Истоки её формирования относятся к концу XIX – началу XX в. Тогда многие представители русской и национальной интеллигенции стали понимать меняющийся статус народов, населяющих Российское государство в условиях активной модернизации, и искать новые решения этих проблем.

В предложенной статье автор задался целью проанализировать дореволюционные искания лидера большевиков В. И. Ленина в решении одной из актуальных и сложных для российских политиков проблемы – теоретических основ национальной политики. В современной исторической науке пока ещё не преодолен некоторый негатив в отношении ленинского теоретического наследия. Не всегда в анализе его работ присутствует контекст времени, событий, уровня общественного сознания, его запросов. Поэтому текст статьи построен на основах принципов историзма и диалектического

противоречия,двигающего процесс социального развития и запросов общества.

Зарождение концепции «национального вопроса» в российской социал-демократии

Российская социал-демократия, формируясь как политическое течение, нацеливая свою деятельность на переустройство общества многонациональной империи, не могла не выдвинуть национальный вопрос в качестве важнейшего в теории и практике революционной борьбы. Помимо российских реалий социал-демократы обосновывали эту крайне важную для страны проблему опорой на марксизм.

В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс, прогнозируя мировую пролетарскую революцию, призывали к пролетарскому интернационализму. Между тем они считали, что на этапе освободительной борьбы против собственной буржуазии пролетариат каждой страны осознаёт свои национальные особенности и «стремится конституироваться как нация»¹. Но по мере развития мирового пролетарского революционного движения, по мнению классиков, «национальное» уступает первенство «классовому». Классовая солидарность пролетариата должна была стать главной разрушительной и созидательной силой на пути к социальной справедливости и прогрессу. В процессе борьбы за мировое господство пролетариат призван логикой исторического прогресса ликвидировать национальное угнетение. Таковы были важнейшие позиции классиков по национальному вопросу.

Целям воспитания рабочего класса, его организации, руководства в революционной борьбе в мировом масштабе и призван был служить Интернационал.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения Т. 4. С. 444.

При этом следует констатировать, что на том этапе развития европейской социал-демократии – в середине и второй половине XIX в. – проблема постановки и решения национального вопроса выглядела крайне абстрактно.

Для Российской империи конца века национальный вопрос оказался не менее актуален. Ленин констатировал, что в России к угнетённым нациям принадлежало не менее 57% (свыше 100 млн)². С развитием капитализации росло самосознание многих народов страны, прямо или косвенно включаемых в процесс модернизации. Даже в ходе создания революционных кружков и организаций национальный вопрос оказывал серьёзное влияние на их работу. Революционное движение в многонациональном государстве формировало потребность для его лидеров актуализировать и формулировать программу по национальному вопросу. Известно, что поначалу Ленин рассматривал национальный вопрос только применительно к организационному строению партии, её политике, идее равенства всех наций. Между тем в работах конца XIX – начала XX в. Ленин определил роль национального вопроса в России как подчинённую по отношению к главным задачам партии и важнейшим вопросам политической борьбы: антисамодержавной и антибуржуазной революции, утверждению диктатуры пролетариата.

Ленин писал, что национальный вопрос требует ясной постановки и решения со стороны всех сознательных рабочих. Он определял *национальный вопрос как вопрос о борьбе пролетариата за своё национальное освобождение и обретение независимости от мирового капитализма*³. Он, будучи марксистом, считал и убеждал своих товарищей,

² Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1980. Т. 23. С. 264.

³ Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 149.

что после свержения эксплуататорских классов и победы мировой революции национальный вопрос будет решён, поскольку пролетариат станет свободным от эксплуатации. Национальный вопрос рассматривался Лениным, прежде всего, с тактических позиций: он был вторичен в стратегии мировой пролетарской революции. Применительно к России его декларирование было связано с привлечением национальных меньшинств к участию в пролетарской революции. Это был вопрос тактики революционной борьбы, его видение базировалось на убеждении вождя в приоритете классового пролетарского сознания над национальным. Ленин считал, что «по сравнению с рабочим вопросом подчинённое значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса»¹. При этом важнейшими лозунгами для объединения разных народов России в революционной борьбе были: право наций на самоопределение, равенство всех наций и интернациональный характер пролетарских организаций. Эти же рычаги должны были способствовать решению национального вопроса в ходе революционной борьбы пролетариев разных стран. Победа пролетариата в мировом масштабе должна привести к ликвидации национальных черт и особенностей. В итоге сформируется наднациональная мировая общность с единым языком общения, единой культурой, общественным самоуправлением.

Одним из важнейших постулатов ленинской национальной политики было право народов на национальное самоопределение. Оно было провозглашено ещё в 1898 г. Тогда в итоге малочисленного представительства на I съезде РСДРП был принят «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии», декларирующий основные принципы организации партии. И уже тогда «право на самоопределение» было подчинено

«общим интересам демократии», т. е. революционным задачам².

В Программе РСДРП, принятой на II съезде партии в 1903 г., утверждалось «право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»³. Имелось в виду политическое самоопределение, государственная самостоятельность, право образования национального государства. Это утверждение не должно было противоречить задачам «пролетарского интернационализма» как основы совместной борьбы пролетариев разных наций против существующего политического строя. Неоспоримым такое решение о самоопределении признавалось лишь в том случае, если оно вело к развитию революционной ситуации [6, с. 247]. Предшествовали принятию национальной программы на съезде поиски и анализ особенностей национального вопроса и его решения в России ведущими лидерами народничества, легального марксизма, социал-демократов. В. И. Ленин в ряде своих работ («Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?», «Развитие капитализма в России», «Положение Бунда в партии», «Китайская война», «Протест финляндского народа») определил классовую сущность национальной политики самодержавия как великодержавный шовинизм и буржуазный национализм. Общим для этих работ стал вывод о необходимости и закономерности союза рабочего класса России с трудящимися «угнетёнными народами».

Его позиции противостояли грузинские, армянские, польские, латышские, литовские, молдавские, еврейские социал-демократы. Ленин и искровцы не допускали федеративных основ организации партии. Меры для получения согласия по единству взглядов принимали

¹ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 301.

² Ленин В. И. Империализм и право наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 440–444.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1983. С. 62.

лись разные: от личных бесед Владимира Ильича с лидерами национальных организаций до прямого игнорирования приглашения национальных организаций. Один из организаторов съезда высказался следующим образом: «Мы не приглашаем другие национальные группы, потому что они не изъявили желания работать вместе с нами над объединением РСДРП на нашей основе»¹.

Ленин выступил перед делегатами съезда с рефератом, в котором раскрыл марксистское видение национального вопроса, транспонируя его на российские особенности конца XIX – начала XX вв. Он видел объединённый многонациональный пролетариат политической армией будущей революции, направленной против самодержавия.

Поначалу В. И. Ленин считал, что принцип федерализма в организационном строении партии недопустим, поскольку он содействовал бы разделению рабочего класса, как в рамках России, так и в мировом социал-демократическом движении [7, с. 89–90]. Общие задачи классовой борьбы являлись, по его мнению, главным объединяющим фактором для рабочего движения.

Ленин – сильный тактик. Его тактическое поведение на съезде определило победу его позиции по ряду вопросов. Он был сторонником централистских начал в партии среди прочих причин, необходимых для объединения партийных сил и пролетариата населяющих Россию народов. Интернационализм – как знамя международного рабочего движения – в сочетании с централизмом должен был стать основным принципом построения партии. Он содействовал объединению усилий разных наций в борьбе с самодержавием, а также возможности транслировать в разные регионы страны единую программу, цели, методы политической

борьбы партии. При этом очевидной была возможность тотального контроля центральными органами партии всех уровней региональных организаций, невозможность для последних вести самостоятельный курс.

Для поддержания этнических чувств программа декларировала необходимость учёта национальных особенностей и развития творческой инициативы пролетариата каждой нации, а также права создания территориальной (областной) автономии для народов, пожелавших остаться в составе будущего демократического государства. Это являлось важным фактором для активной работы региональных организаций среди населения. Программа по национальному вопросу выдвигала в качестве первого этапа «пробуждение национальной жизни», т. е. борьбу за утверждение этнонациональной самобытности каждого народа России. Этот призыв был, своего рода, провоцирующим фактором к борьбе против национального гнёта самодержавия. Он должен был стать частью буржуазной революции. А в дальнейшем, в ходе социалистической революции, развитие задач в области национального вопроса должно сводиться к самостоятельному движению пролетариата страны, а затем и мира, к ликвидации всевозможных различий и границ между пролетариями за интернациональное единство с целью классовой борьбы и революции против мирового капитализма. Ленин считал, что 70% населения мира – угнетённые нации – станут активными участниками мирового революционного процесса². В подобной позиции проявлялся «интернационалистский идеализм» [1, с. 341].

Искровцы противопоставляли территориальную автономию идее культурно-национальной автономии, высказываемой многими национальными

¹ Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. Второй съезд РСДРП. Июль–август 1903 г. М., 1959. С. 40.

² Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 242.

представительствами. Эта установка не содействовала единению пролетариата на классовой и политической основе. Требование «свободы самоопределения наций в политическом значении этого слова, т. е. свободу отделения» Ленин считал обязательным для всякого демократа и социалиста. Большевики стояли за равноправие всех наций в государстве, самоуправлении и автономии областей, разделённых и по национальному принципу. Они считали необходимой борьбу с проявлениями «буржуазного национализма», предлагавшего лозунг «национально-культурной автономии», «соединяющий пролетариат и буржуазию одной нации, разделяющий пролетариат разных наций». Лидер большевиков называл это «приспособлением социализма к национализму»¹. В связи с этим большевики выступали против национальной культуры, за формирование и развитие интернациональной культуры «социалистического пролетариата»². Под национальной культурой они понимали культуру «помещиков, попов, буржуазии»³. Исходя из формационной основы марксистской теории, они считали, что уже при капитализме духовная и политическая жизнь интернационализируется. Она сможет вобрать в себя только демократические и социалистические элементы культуры каждой нации. Это содействовало бы формированию интернациональной пролетарской культуры. Между тем Ленин не отрицал необходимости развития национальной культуры и языка. Этот процесс был бы необходим на этапе осознания народом своей уникальности для завоевания независимости от самодержавного и капиталистического гнёта.

¹ Ленин В. И. Проект платформы к IV съезду социал-демократии Латышского края // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 208.

² Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 209.

³ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 121.

Борясь против привилегий в пользу одной или нескольких национальностей, социал-демократия отвергала наличие «государственного» языка, который особенно «излишен для России». Здесь свыше 7/10 населения принадлежало к родственным славянским племенам, которые, по мнению Ленина, в силу экономической необходимости и при наличии «свободного государства сумели бы столкнуться»⁴.

В 1903 г. в работе «Национальный вопрос в нашей программе» Ленин писал: «Мы должны стремиться к самому тесному соединению пролетариата всех национальностей». Далее он объяснял, что лишь в исключительных случаях можно поддерживать требование замены полного политического единства государства более слабым федеративным единством⁵. Вместе с тем право на самоопределение и отделение, право на создание независимого национального государства нельзя смешивать с целесообразностью государственного отделения. Об этом Ленин писал в статье «О Манифесте «Союза армянских социал-демократов»» в 1903 г. Такое решение он оправдывал лишь классовыми интересами пролетариата⁶. Возможность выхода (т. е. получение такого права) из самодержавной империи в процессе политической борьбы делала бы народы России активными участниками революционного процесса, который должен был привести к крушению царского режима. Быстрое развитие капитализма после этого должно было привести к формированию и развитию пролетариата, который со временем осознает необходимость наднационального, классового единства.

В начале XX в. в условиях разворачивавшейся революционной реальности политические партии России определяли

⁴ Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 317.

⁵ Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 233.

⁶ Ленин В. И. О Манифесте «Союза армянских социал-демократов» // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 104–105.

контуры решения национального вопроса в России. Следует подчеркнуть, что определяющее число политических партий России в центре и регионах не ставили вопроса об отделении от Российского государства. Большинство политических лидеров были государственниками. Государственником был и Ленин. Во всяком случае, на начальном этапе развития революции и строительства социалистического государства он считал важным сохранение великой державы. Со времени своего основания большевистская партия представляла Россию легитимной исторически сложившейся целостностью, и в своей государственной идеологии оперировала общероссийскими масштабами. В этом смысле их идеологию можно назвать «имперской» [3, с. 183].

Россия, явившись примером для других народов в утверждении власти трудящихся, чем мощнее оставалась во всех отношениях, тем авторитетнее и ярче могла бы влиять на международное рабочее движение. Но его подход выстраивался в ключе объединения пролетариата всех народов России для освободительной борьбы против самодержавия. Достаточно противоречиво выглядело соединение в одной программе централистских начал в создании партии и декларирование прав наций на самоопределение. Последнее было необходимым для осознания народами России собственной уникальности и реализации надежд на независимость. Такая постановка вопроса усиливала доверие народов к большевикам. Но централизаторские основы формирования и деятельности партии большевиков оставались тем центристским вектором, который удерживал региональные организации в ареале её влияния.

Ленин последовательно проводил в жизнь тезис о праве на самоопределение. После долгого политического «небытия» в условиях нового революционного подъёма в сентябре 1913 г. на совещании ЦК РСДРП(б) в Поронино была принята написанная Лениным резолюция по на-

циональному вопросу, подтверждающая право на самоопределение. Предвкусение революции вновь обострило внимание к национальному вопросу, в методах решения которого большевики пока оставались последовательными.

Влияние Первой мировой войны на взгляды большевиков по национальному вопросу

Наиболее плодотворными в разработке национального вопроса для большевиков стали годы Первой мировой войны. Это было время, когда развал II Интернационала опроверг ленинскую концепцию преобладания классовых пролетарских чувств над национальными. Незадолго до начала войны Ленин утверждал: «Очевидно, что национальный вопрос выдвинулся в настоящее время на видное место среди вопросов общественной жизни России»¹. Ещё ряд факторов беспокоил Ленина. Сложность межэтнических отношений, имевших место на границах Российской империи, тяготение населения некоторых приграничных районов к соединению со своими сородичами по ту сторону границы в условиях, когда Россия оказалась в кризисном положении на фронте и в тылу, грозили потерей части территорий и населения. С другой стороны, в предвоенные и военные годы усилились враждебные настроения россиян к представителям немецкого, венгерского, австрийского, еврейского народов, проживавших в империи. Правительство издало ряд документов, ограничивавших права некоторых народов на территории России. На окраинах страны росла этнополитическая напряжённость, в ряде случаев провоцирующая сепаратистские настроения. Всё это содействовало росту революционных ожиданий большевиков. А их программа давала им определённые преимущества перед программами других партий.

¹ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 115.

Осложняло процесс выработки единого международного социал-демократического взгляда на решение национального вопроса расхождение мнений европейской и части российской социал-демократии с позицией большевиков. Это стало одной из причин распада II Интернационала. Борьась за идею мировой пролетарской революции, Ленин проявил недюжинную активность в пропаганде принципа самоопределения наций.

Среди множества работ, посвящённых национальному вопросу, следует особо выделить солидный обобщающий труд Ленина «О праве наций на самоопределение» (1914 г.). Анализ лозунга «самоопределение наций» предшествуют достаточно обоснованные с позиций марксистско-ленинской методологии взгляды на образование наций, закономерность связи национальных движений с образованием национальных государств. Автор обосновывает их историко-экономическими условиями капитализма, его особенностями в формировании рынка и его объединительными факторами. Далее, в соответствии с его позиций, происходит процесс жёсткого классового размежевания между буржуазией и пролетариатом внутри капиталистического государства. Он, в свою очередь, перерастает в «антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением»¹.

Ленин видел особенности национального вопроса в следующем: Россия – «государство с единым национальным центром, великорусским»; «иностранцы» составляют большинство населения, живут на окраинах страны, имеют сородичей по ту сторону границы, угнетаются гораздо сильнее, чем в соседних государствах; в ряде окраинных территорий уровень культуры выше, чем в центре государства². Из этого вытекала насущ-

ная потребность признания права наций на самоопределение за окраинными российскими народами, поскольку «великорусы в России нация угнетающая». И только русский пролетариат понимает это и готов к объединению с пролетариями разных народов для борьбы за освобождение³. Но в условиях самодержавия и на этапе капиталистического развития необходимо поддерживать «иностранцев» в их борьбе за «полное равноправие в отношении государственного строительства, т. е. права на самоопределение, на отделение», образование самостоятельного национального государства⁴. Лозунг самоопределения решал важную для большевиков задачу – привлекал на их сторону нерусское население страны, содействовал активизации его борьбы с самодержавием, облегчал большевикам завоевание власти.

Методология классового противостояния проявлялась у большевиков в разделении наций на угнетающие и угнетённые, что, по мнению Ленина, составляло суть империализма. Именно из этого разделения исходила необходимость права на самоопределение. Социал-демократы угнетающих наций должны требовать свободы отделения наций угнетённых. В противном случае нельзя говорить о равноправии наций и интернациональной солидарности рабочих⁵. При этом «общим местом» является утверждение Ленина, что вопрос о праве наций на самоопределение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации⁶. Вопрос должен решаться в зависимости от обстоятельств.

³ Ленин В. И. Письмо С.Г. Шаумяну // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 374.

⁴ Ленин В. И. Письмо С.Г. Шаумяну // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 319.

⁵ Ленин В. И. Резолюция летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 63.

⁶ Ленин В. И. Резолюция летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 59.

¹ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 264.

² Ленин В. И. Письмо С.Г. Шаумяну // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 271.

Первая мировая война подвела Ленина к более реалистичной оценке возможности одновременной мировой пролетарской революции. Известно, что революционер считал империализм последней стадией капитализма. Он писал: «Империализм есть эпоха прогрессирующего угнетения наций всего мира горсткой «великих» держав, а потому борьба за социалистическую интернациональную революцию против империализма невозможна без признания права наций на самоопределение»¹. Исходя из ситуации, был сделан вывод, что в период империализма страны развиваются неравномерно, поэтому пролетарская революция может произойти в отдельно взятой стране².

Большевистский лидер считал, что Россия является страной, в которой сосредоточены наибольшие противоречия эпохи, что даёт основания надеяться на скорейшую революцию в XX в. именно здесь. В этом вождь большевиков видел историческое призвание России, российского пролетариата и РСДРП(б): «Великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм»³.

Между тем ситуация в системе межнациональных отношений в России к 1917 г. стала крайне напряжённой. Её характеризовало сложнейшее соотношение сепаратизма, автономизма, федерализма и централизма [4, с. 68]. Февральские события 1917 г. в столице породили мощную волну создания новых, национальных по сути, органов местной власти. Это были национальные советы, гражданские, областные, окружные, сельские национальные

комитеты и множество инициативно создаваемых национальных органов власти. При этом важным представляется тот факт, что значительное большинство политических и общественных национальных организаций не проявляли желания выйти из состава России. Их требования сводились к вхождению их национально-административной территории в состав федеративного Российского государства [5, с. 89]. В идее федерации отразились настроения народов России. При этом в мусульманских регионах этно-культурный фактор стал доминировать даже над религиозным [2, с. 177]. Настолько велика была потребность в утверждении национальной культуры, языка, традиций. Большевики, делая ставку на национальный политический актив революции, не могли не обратить на это внимание.

Неожиданная для Ленина и его партии Февральская революция внесла некоторые перемены в их тактику рассмотрения и решения национального вопроса. Начиная с 1903 г. большевики не были сторонниками федеративного государственного устройства будущей свободной России. Ленин, будучи державником, выступал против различных вариантов дробления единого государства, за его унитарный тип устройства. Такая позиция формировалась под влиянием задач российской социалистической, а затем мировой революции, которые были невозможны без единения пролетариата сначала России, а затем всего мира. Во многих дореволюционных статьях и выступлениях Ленин подчёркивал неприемлемость федерации для России: «Мы против федерации... Мы в принципе против федерации – она ослабляет экономическую связь, негодный тип для государства»⁴.

В «Апрельских тезисах» вождь пролетариата, среди наиважнейших задач, стоявших перед партией большевиков, сформулировал несколько обновлённое видение национального вопроса. Оно за-

¹ Ленин В. И. Социализм и война // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 328–329.

² Ленин В. И. О лозунге Соединённых Штатов Европы // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354; Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 252.

³ Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 107–108.

⁴ Ленин В. И. Письмо С.Г. Шаумяну // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 235.

ключалось в полной свободе отделения от России всех наций и народностей, самой широкой местной и национальной автономии, создании крупного государства, «ибо оно выгодно для трудящихся, стремлении к сближению и дальнейшему слиянию наций на основе братского союза и трудящихся масс всех наций»¹. Здесь же автор поднял вопрос об «обновлении Интернационала», связывая национальный вопрос с подготовкой к мировой революции.

Предчувствие новой революции, выработка тактики на мирное развитие революционного процесса давали Ленину основания думать о форме государственного устройства будущего пролетарского государства. Ещё в 1913 г. он считал, что федерация требует общего согласия. Но при этом право одной стороны на согласие с ней другой стороны Ленин считал абсурдом². А уже в июне 1917 г. на Первом съезде Советов Ленин впервые поднял вопрос о важности федерации как союза равных: «Пусть Россия будет союзом свободных республик»³. Идея федерации была поставлена в порядок дня большевистской партии: «Когда социалистическая революция станет реальностью, тогда будет верен лозунг «прочь границы»⁴. Новые вызовы привели к смене парадигмы в решении национального вопроса.

Заключение

Анализ ленинских работ дореволюционного периода позволяет сделать вывод о том, что национальный вопрос занимал в его идейных и политических исканиях серьёзное место. Он всегда рассматривался в связке с задачами революции.

В одной из своих речей пролетарский вождь констатировал: «Каутский формулирует проблему эволюционно, а надо только революционно»⁵. Ещё одна доминанта марксизма лежала в основе решения национального вопроса в программе большевиков – абсолютизация экономических и материалистических факторов в историческом процессе. Они считали: «Чем ближе демократический строй государства к полной свободе отделения, тем реже и слабее будет стремление к отделению, поскольку крупные государства выгодны для всех с точки зрения экономического прогресса»⁶. Можно выделить главные рычаги решения национального вопроса в большевистском контексте – право на самоопределение, интернациональное объединение пролетариев в революционной борьбе для осуществления мировой революции, формирование единого мирового наднационального единения трудящихся.

Отдавая дань несомненному гению Ленина, можно усматривать определённую механистичность в подходе к решению ряда исторических задач. Этот факт имеет своё объяснение и в марксистской заманчиво чёткой формационной теории, и в особенностях идейных исканий социал-демократии конца XIX – начала XX вв., и в конкретности чаяний сложного живущего российского пролетария, и в особенностях характера и мировоззрения самого Ленина.

Революционная эпоха «заслонила» собой глубину и сложность системы межнациональных отношений и особенностей национальной жизни. Они не стали предметом интересов пролетарского вождя.

Известно, что этнические чувства являются одними из первых социальных чувств человечества, а потому они наиболее сильны. Этнические конфликты

¹ Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 167–168.

² Ленин В. И. Письмо С. Г. Шаумяну // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 235.

³ Ленин В. И. Речь о войне 9 (22) июня. I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 286.

⁴ Ленин В. И. Седьмая (Апрельская) конференция РСДРП(б). Речь по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 436.

⁵ Ленин В. И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 66.

⁶ Там же. С. 255–256.

были и остаются одной из древнейших и острейших форм социальной конфликтности, которая сопровождает всю человеческую историю [7, с. 387]. Особенно острым этот вопрос всегда был в России – стране, полиэтническое население которой выработало двойственное общественное самосознание: этнонациональное и общероссийское. При этом первое, в силу более длительного времени развития и как инструмент самосохранения, имело более глубокие корни. Постоянная борьба центробежных и центростремительных сил для нерусских народов страны всегда склонялась в пользу первых. Ленин же считал важнейшей вторую тенденцию, поскольку его мировоззрение базировалось на классовой основе. В ленинских подходах к национальному вопросу можно усмотреть определённую долю великодержавности. Она имела в своей основе величие страны, которая была призвана, по его мнению, стать во главе мирового революционного процесса.

Средой обитания партийного лидера всегда были партийные работники и идейные рабочие. Сама идея «внесения политического сознания» в рабочую среду, опора на сознательных рабочих подтверждает отсутствие рядовых граждан в системе общения Ленина¹. Будучи в значительной степени теоретиком, обладая блестящим даром публициста, нередко отвечая на вопрос о роде занятий – «литератор», – пролетарский вождь не часто бывал в рабочей среде, а тем более в инонациональной.

Узость восприятия национального вопроса ограничивалась у него революционными задачами. Чаше он оперировал понятием «национальный вопрос». Многомерная национальная политика,

сложности и особенности межнационального и внутринационального общения оставались «за скобками». В его работах по национальному вопросу можно заметить частое употребление понятий «народ», «национальность», «нация» без смысловых их оттенков, что говорит о ещё не сформированном теоретическом понятии об этих явлениях. По-видимому, эта задача была не столь важной для Ленина на фоне растущих революционных тенденций. Хотя Маркс уже определил понятие нации.

Ещё одну особенность можно заметить в работах и выступлениях вождя по национальному вопросу. В них постоянно повторяются несколько главных идей проблемы. Прагматик, рационалист, обладающий, по словам Маяковского, «азартом исторического делания», сосредоточенный на интересах дела, уверенный в человеческих возможностях, Ленин проявлял невероятное упорство в продвижении своих идей. Постоянные повторы главной мысли во всех его работах и выступлениях содействовали определённому нацеливанию на важную задачу, «кодированию» сознания читателей и слушателей. Почти как Марк Порций Катон с его идеей разрушения Карфагена.

Но определённая заданность революционного мировоззрения, порождённого эпохой, выстраивание политической позиции на методологии миссионерства политической партии, чёткое проявление во взглядах централистских тенденций и многое другое формировали стремление унифицировать национальные и межнациональные отношения. Сложная система национальной политики не была разработана Лениным до революции, что вызвало известные сложности в послереволюционные времена.

¹ Ленин В. И. Материалы к вопросу о борьбе внутри социал-демократической Думской фракции // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 94–95.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буховец О. Г. Национальная политика Российской империи и СССР: о противоречиях и их последствиях // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения : материалы конференции / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 337–342.
2. Ершов В. Ф. Русский мир и северокавказское зарубежье в XX – начале XXI века. М.: ИНФА-М, 2016. 420 с.
3. Кара-Мурза С. Г. Ленин. Алгоритм революции и образ будущего. М.: Академический проект, 2018. 295 с.
4. Красовицкая Т. Ю. От столыпинской к сталинской модернизации образовательного пространства России (1905 – конец 1920-х гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. М., 2014. С. 65–75.
5. Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920-х годах. СПб.: Владимир Даль, 2017. 483 с.
6. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.) / отв. ред. В. В. Журавлёв. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.
7. Суханова Н. И. Гражданская война 1917–1920 гг. на Северном Кавказе: социально-политический аспект: дис. ... док. ист. наук. Ставрополь, 2004. 524 с.

REFERENCES

1. Bukhovets O. G. [National policy of the Russian Empire and the USSR: on contradictions and their consequences]. In: Petrov Yu. A., ed. *Velikaya rossiiskaya revolyutsiya, 1917: sto let izucheniya* : materialy konferentsii [The Great Russian Revolution, 1917: A Hundred Years of Study : conference materials]. Moscow, IRI RAN Publ., 2017. P. 337–342.
2. Ershov V. F. *Russkiy mir i severokavkazskoye zarubezhye v XX – nachale XXI veka* [The Russian World and the North Caucasian Abroad in the 20th – early 21st century]. Moscow, INFА-M Publ., 2016. 420 p.
3. Kara-Murza S. G. Lenin. *Algoritm revolyutsii i obraz budushchego* [Lenin. The algorithm of the revolution and the image of the future]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018. 295 p.
4. Krasovitskaya T. Yu. [From Stolypin to Stalinist modernization of the educational space in Russia (1905 – late 1920s)]. In: *Sovetskiye natsii i natsionalnaya politika v 1920–1950-ye gody* [Soviet nations and national politics in the 1920–1950s]. Moscow, 2014. P. 65–75.
5. Lobanov V. B. *Terek i Dagestan v ogne Grazhdanskoi voiny: Religioznoe, voenno-politicheskoe i ideologicheskoe protivostoyanie v 1917–1920-kh godakh* [Terek and Dagestan in the fire of the Civil War: Religious, military-political and ideological confrontation in the 1917–1920s]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2017. 483 p.
6. Zhuravlev V. V., ed. *Patriotizm i natsionalizm kak faktory rossiiskoi istorii (konets XVIII – 1991 g.)* [Patriotism and nationalism as factors of Russian history (late 18th century – 1991)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015. 783 p.
7. Sukhanova N. I. *Grazhdanskaya voina 1917–1920 gg. na Severnom Kavkaze: sotsialno-politicheskii aspekt.: dis. ... dok. ist. nauk* [Civil War 1917–1920 in the North Caucasus: socio-political aspect: D. thesis in History]. Stavropol, 2004. 524 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суханова Наталья Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia I. Sukhanova – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Modern History of Russia, Moscow State University;
e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Суханова Н. И. Концепция «национального вопроса» в работах Ленина до 1917 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 160–172.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-160-172

FOR CITATION

Sukhanova N. I. The concept of the «national question» in the works of Lenin before 1917. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 160–172.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-160-172

УДК 327.3; 32:1

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-173-184

К РАЗЛИЧИЮ «ПАРТИЗАНА» И «ТЕРРОРИСТА» В ДВУХ ПАРАДИГМАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л.

*Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова
308012, Белгородская область, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определение понятий из места «партизана» и «террориста» в «всегда пространственном» (К. Шмитт) политическом порядке, представленном в тотально различных парадигмах «понятия политического» (К. Шмитт) и «экономической парадигме политического» (Дж. Агамбен).

Процедура и методы. Исследование нацелено на получение «радикального понятия», в котором совмещаются реальное понятие и действительное; последовательное удержание различия перспектив конструирования понятий является методологическим требованием, особенно в случаях, когда содержание различных понятий представляется наблюдателю неразличимым.

Результаты. В ходе работы, в горизонте двух парадигм политического западной политической онтологии, были выявлены области значения понятия партизана и террориста: «партизан» есть фигура политического пространства порядка суверенных государств, конститутивом для которого является суверен и суверенное решение; возможность «террориста» раскрывается исключительно в универсальном и глобальном политическом пространстве, началом порядка которого является «пустое место».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результатом исследования является последовательное различие двух фигур различным образом представленного политического порядка; установлено, что «террорист», в представлении политического в либеральной версии экономической парадигмы, есть «абсолютно чужой», непризнанный и незаконный внутренний враг, дисквалифицированный в преступника («правовая дисквалификация») и «злодея» («моральная дисквалификация»), против которого ведётся справедливая антитеррористическая война на уничтожение; «террорист» выступает как «другой» исключённого суверена, принимающий решение о тотальном («символическая стратегия»: Ж. Бодрийяр) разрушении глобального либерального политического порядка.

Ключевые слова: партизан, террорист, «новая война», парадигма политического, суверенное решение, «пустое место», «радикальное понятие»

ON DISTINCTION BETWEEN «GUERRILLAS» AND «TERRORISTS» IN TWO PARADIGMS OF THE POLITICAL

K. Maltsev, A. Maltseva, L. Lomako

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov

46 Kostyukova ul., Belgorod 308012, Belgorod region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the study is to define concepts from the place of «partisan» and «terrorist» in the «always spatial» (K. Schmitt) political order, presented in a totally different paradigm of the «concept of the political» (K. Schmitt) and the «economic paradigm of the political» (J. Agamben).

Methodology. The research is aimed at obtaining a «radical concept» in which the real and the actual concepts are combined; consistent retention of the difference in the prospects for constructing concepts is a methodological requirement, especially in cases where the content of different concepts seems indistinguishable to the observer.

Results. In the course of the work, in the horizon of two paradigms of the political Western political ontology, the areas of the concept of partisan and terrorist meaning were identified. «Partisan» is a figure of the political space of the order of sovereign states, the constitutive of which is sovereign and sovereign decision. The potential of a «terrorist» is revealed exclusively in a universal and global political space, the beginning of the order of which is «an empty space».

Research implications. The result of the study is a consistent distinction between two figures of differently represented political order. It was established that a «terrorist», in the representation of the political in the liberal version of the economic paradigm, is an «absolutely alien», unrecognized and unlawful internal enemy disqualified as a criminal («legal disqualification») and «villain» («moral disqualification») against whom a just anti-terrorist war of destruction is being waged. The «terrorist» acts as the «other» of the excluded sovereign, making a decision about the total («symbolic strategy»: J. Baudrillard) destruction of the global liberal political order.

Keywords: partisan, terrorist, «new war», political paradigm, sovereign decision, «empty space», «radical concept»

Введение

Книга К. Шмитта «Теория партизана» [26], опубликованная в 1963 г., ставит ясную задачу – представить *понятие* партизана, охватывающее все формы *действительности* этого политического феномена примерно за 200 лет, с момента первого *явления партизана* в Европе во время наполеоновских войн и до современных партизан революционно-освободительных войн в странах третьего мира. Но *имплицитно* рассматривает ещё один важнейший вопрос: в силу каких причин партизан политического порядка суверенных государств *становится террористом* – в глобальном политическом порядке. Хотя Шмиттом о *террористах* сказано всего несколько слов в интервью

[26, с. 145–178], данным им по поводу выхода его книги, именно *вопрос* о них имеет непосредственную политическую актуальность для нашего времени.

В представленной статье *демонстрируется*, что партизан есть *фигура* политического порядка, представленного в шмиттовской парадигме *понятия политического* [25]; *место террориста* – в представлении политического в *противоположной парадигме*: экономической парадигме политического (название дано Дж. Агамбеном [1]), – нет никакого *перехода* от партизана к террористу, и «совпадение характеристик» того и другого не имеет *существенного значения*. Методологическое требование – *разведение* двух *тотально различных* представлений по-

литического в двух названных парадигмах – должно неукоснительно *удерживаться*, особенно в случаях, когда между принадлежащими к ним феноменами обнаруживается *видимое сходство*, которое может ввести в заблуждение относительно *сущности* подобных феноменов. Нашей задачей является *разведение фигур* партизана и террориста в горизонте двух парадигм политического; исходной точкой анализа является *явное различие* между «теллурической природой партизана» и *изначально* «глобальной природой террориста»: партизан есть внутренний враг, который в случае международного признания (почти всегда со стороны других суверенных государств, как это было, например, к нескрываемому удивлению Р. Арона [4], при признании алжирских партизан США), приобретает статус «законного врага», – террорист есть всегда внутренний и всегда *непризнанный* враг, т. е. *преступник*.

«Теория партизана»: внутренний и внешний враг

К. Шмитт выделяет 4 характеристики партизана, образующих его понятие: «иррегулярность», «интенсивность политической вовлечённости», «повышенную мобильность» и «теллурический характер» [26].

«Иррегулярность» партизана – характеристика, во-первых, противоположная «регулярному солдату», который «носит форму» и «открыто носит оружие». С т. зр. «оберегаемой правом войны», порядок которых установился в Европе со времени Вестфальского мирного договора (1648 г.), партизан есть *гражданское лицо*, нарушившее важнейший принцип *исключения* гражданского населения из войны, т. е. незаконно взявшийся за оружие, и в этом отношении есть *преступник*, в отношении которого *не действуют* правила, установленные насчёт обращения с солдатами противника. Однако с самого начала партизанских движений можно наблюдать (это отмечает и

Шмитт, например, в работе «Номос земли» [23]), как иностранные государства не только *фактически* поддерживают партизан в государствах *противника*, но признают их *стороной вооруженного конфликта* в случае *гражданской войны* и вынуждают *законную власть* признать партизана в таком качестве, т. е. происходит *легитимация* и *легализация* партизана (разумеется, в ограниченном, определённом соотношении сил и интересов, смысле): партизанское восстание переходит в гражданскую войну, исход которой, как правило, определяет *окончательную оценку* партизанской войны. В период антиколониальных войн, США, будучи заинтересованными в ликвидации колониальной системы, мешавшей распространению их собственного глобального господства, часто *признавали партизан*, используя их как мощный фактор дестабилизации *мировой колониальной системы в своих интересах*. При этом признание/непризнание происходило вне каких-либо правил, но строго в соответствии с *интересами*.

«Интенсивная политическая вовлечённость», т. е. «идеологическая ангажированность», позволяет отличить партизана от *разбойника*, действующего в своих корыстных интересах. Шмитт утверждает, что это – «понятийный критерий политического характера» имеет «при точной инверсии ту же структуру, что и у пирата по отношению к международно-правовым нормам ведения войны на море» [26, с. 27]. Шмитт также указывает, что само слово «партизан» «происходит от слова “партия” и указывает на связь с каким-то образом борющейся, воюющей или политически действующей партией или группой». Партизан – боец революционной войны, что предполагает «принадлежность к революционной партии и тотальный охват» [26, с. 27]. Кризис суверенного государства европейского легалистского типа (этот тип государства – единственный «завершённый» в XX в.) обусловил то, что «в случае с со-

временным партизаном обе пары противоположностей (регулярно/нерегулярно, легально/нелегально) большей частью стираются и накладываются друг на друга» [19; 26, с. 30].

«Повышенная мобильность», «подвижность, быстрота и ошеломляющее чередования нападения и отступления, словом: повышенная мобильность даже и по сей день – отличительная черта партизана, и этот признак ещё усиливается благодаря внедрению техники и моторизации» [26, с. 30]; в наше время технический прогресс привёл к качественному скачку именно в этой области. Мартин ван Кревелд [10] тщательно проанализировал изменения, которые произошли в области ведения военных действий, уделив особое внимание эффективности именно того, что раньше называлось «партизанской тактикой», всё шире используемой в т. ч. и государствами [13; 19]. На это обращают внимание также М. Хардт и А. Негри [22], когда пишут о современных партизанах, настаивая на том, что их по-прежнему следует отличать от террористов. Как – особая тема, к которой мы ещё вернёмся.

Наконец, «теллурический характер партизана» – именно здесь ещё сам Шмитт заметил необходимость перехода от партизана «классической эпохи» к современному сначала «повстанцам» и затем «террористам»: «Несмотря на всю тактическую подвижность и маневренность, важно для принципиально оборонительной ситуации партизана, который изменяет свою сущность, если отождествляет себя с абсолютной агрессивностью идеологии мировой революции или технократической идеологии» [26, с. 35]. Кажется, именно это – переход от обороны к нападению – первое, что отличает партизана политического порядка суверенных государств от «глобального террориста». Шмитт обращает внимание на то, что происходит «размывание понятия»: «В некоторых случаях перетолковывание доходит до обобщённой символизации

и упразднения понятия. Тогда любой индивидуалист или нонконформист может быть в конечном счёте назван партизаном, независимо от того, думает ли он вообще взять в руки оружие» [26, с. 33]. Но дело в том, что он называется уже не партизаном, но террористом.

Итак, *только в порядке суверенных государств* есть место для «фигуры партизана», его некоторым образом *нет* в глобальном политическом порядке, вернее, оно вытесняется *на периферию* и *постепенно исчезает* по мере того, как глобальный порядок *становится планетарной действительностью* (в 1930-е гг. термин введён М. Хайдеггером [21, с. 306] для определения того, чем *является современность* как «завершающий период нового времени»), упраздняя суверенитеты и границы государств [16]. Об этом следует сказать подробнее.

Партизан определяется, в т. ч. через *участие* в освободительной войне (против иностранного государства-захватчика), в партизанской войне (за установление нового политического порядка в границах суверенного государства – война за суверенитет), в революционной войне (как правило, объединяющей 2 названные выше войны), в любом случае *конститутивным* является суверен и суверенитет. «Понятие политического» определяется Шмиттом через суверенное решение о противопоставлении «друга-врага» [24]; оно *нередуцируемо*; цель политики, во-первых, *опознание внутреннего врага* и *перевод* его *вовне* (например, Шмитт ссылается на «древнюю практику изгнания») и *признание* как «законного врага»; во-вторых, *опознание внешнего врага* как угрозы для существования данного политического порядка. Война в отношении «законного врага» есть «оберегаемая правом война»; *политический враг* – вне моральных оценок и не подлежит моральной и правовой дисквалификации в *преступника*; такая война есть способ выяснения «законных прав» и действительного «соотношения сил», и

заканчивается *миром*, т. е. «фиксацией» соотношения сил в новом *международном* политическом порядке.

«Новая война» и фигура террориста

Все теоретики «новой войны» (как условное название изменений, произошедших в *способе ведения современной войны* и её *целей*) – М. Кревельд [10], М. Калдор [9], Ф. Хоффман («гибридная война» [27], М. Шоу («вырожденная война» [29], Д. Мюллер («обломки войны») [28], в определенном смысле Г. Мюнклер [20] и Э. Люттвак [14] – обращают специальное внимание на то, что это – *асимметричная война*. Однако *существенное*, что делает её именно асимметричной, обычно *упускается*: внимание к *неравенству возможностей*, различию в оснащённости, в тактике и стратегии *заслоняет* главное: эта война – полицейская операция против *внутреннего*, с т. зр. глобального порядка, врага, т. е. принципиально – против *непризнанного* врага-преступника. *Принципиально анонимному* врагу (которым может быть *любой*) противостоит столь же *анонимный суверен*, которого, строго говоря, *не может быть* в политическом порядке, представленном в господствующей экономической парадигме политического в версии, определённой «либеральной метафизикой»: террорист есть враг не суверена (как партизан), но *самого политического порядка* как такового.

История «экономической парадигмы политического» написана Дж. Агамбенom [2]. Центром этого порядка изначально является *монарх* (она неоднократно, со ссылкой на Аристотеля, называется Агамбенom «монархической моделью»), в строго греческом значении этого слова – «единое и единственное начало». В средние века названная парадигма окончательно кристаллизовалась. Установленный богом раз и навсегда порядок, в котором ничего нельзя изменить и в который бог «не вмешивается» непосредственно, но только через «земную иерархию», цель

которой – поддержание функционирования «вечного порядка»; монарх здесь занимает *отражение* «божественного места», которому подобает *auctoritas* («слава», и покой), *potestas* («управление») есть дело «земной иерархии». После того как в новом времени бог оказался «упразднённым», стал ненужным и невозможным суверен (в политическом порядке *отсутствует место* для него), центром политического порядка оказалось «пустое место». Шмитт указывал, что правовые и политические понятия европейского нового (и новейшего) времени – «калька» понятий теологии [24]; «пустое место» – онто-теологическое понятие, и в «порядке пустого места» «вечный закон» есть *принцип верховенства права* как *исключение суверенного решения*. В отношении к предмету нашего исследования не имеет значения, как мыслится организация пустого места: как *понятие* «область аномии» и *действительность* лагеря (Дж. Агамбен) или как «суверен-ребенок», которому не принадлежит решение, но подобает забота (Ф. Р. Анкерсмит) [2; 3; 17]. Важно то, что такой порядок *единственный и единственный*, универсальный и глобальный; граница здесь – перемещающийся *фронтир*, за которым *ничего нет*, т. е. «абсолютно чужой» (Боянич в своём исследовании насилия [7] определил, что мыслится под ним в горизонте гегелевской философии, «обработанной» новейшим постмодернизмом). Итак, *представление* политического в парадигме «понятия политического» удерживает границу как конститутив «всегда *про-странственного*» политического порядка, в экономической парадигме политического универсальный политический порядок представлен как гомогенный, *без границ*.

Релевантно в отношении нашего предмета то, как *представляют* пустое место теоретики «новой войны»: М. Кревельд [10] утверждает, что новая война есть феномен именно области аномии (Африка, где государство так и не сфор-

мировалось); М. Калдор [9] настаивает, что такой областью для новой войны, которая тоже определяется через аномию, являются «глокальности», из которых исходит вызов *мировому порядку* (о значении глокальностей [18]). Но и в том, и в другом случае существенно именно то, что война ведётся *помимо/поверх отсутствующих суверенов, но от имени анонимного «мирового сообщества»* и против террористов как врагов мирового политического порядка. Причём такая внутренняя война – полицейская операция – объявляется *справедливой*, т. е. ведётся она от имени добра и против зла, и это уже не «политическое», а «моральное» *представление* войны [15].

В этой *справедливой* войне определяется *статус* внутреннего врага – террориста как *преступника*, свободная воля которого *самоопределилась к злу* (здесь возникает отсылка к И. Канту, различающему «несовершеннолетних», «неразумных» и собственно «злых»), который тем самым *виноват* и сам поставил себя вне «правовой формы» политического порядка, стал «чужим» и должен быть *уничтожен*; такая война не предполагает мира. М. Хардт и А. Негри [22] делают вывод, что это – *перманентная война*, во всяком случае, добавим мы, настолько, насколько сохраняется возможность самоопределения автономной воли «к злу». Так – *в перспективе* глобального политического порядка.

Но таким образом обнаружена лишь *одна сторона* данного *представления*; другая сторона выявляется «с точки зрения» того, кто объявлен террористом. Многие исследователи (например, С. Жижек [8]) отмечали *субъективную уверенность* террористов в том, что они выступают на стороне добра; это объясняют «фанатизмом», «фундаментализмом», «рессентиментом», следствием «разрыва сознания» (в результате разрушения глобализацией «привычного сельского мира» [11]). Эти объяснения *не имеют значения* в том случае, если «слово» пре-

доставляется «самому террористу» (заметим также, что с «террористами не ведут переговоров» и «слова» им «не дают»: аксиома «либерального фундаментализма»). Более того, все подобные объяснения *вторичны*; в первую очередь *имеют значение* только те, которые *исходят из места локализации* терроризма в *представленном* в либеральной версии экономической парадигмы политического *политическом порядке*. Относительно этого места в современной западной политической философии мы обнаруживаем *два дискурса*: один выработан М. Хардтом и А. Негри [21] и нацелен на сохранение «фигуры партизана» и недопущение его «оборачивания террористом»; второй – дискурс «символической стратегии сопротивления» Ж. Бодрийяра [6].

Дискурсы «партизана» и «террориста» в экономической парадигме политического

Согласно концепции М. Хардта и А. Негри «новой социальной реальностью» является «множество», политическая форма которого – «абсолютная демократия множества». Однако современный *устаревший* глобальный политический порядок организован как «глобальная империя», находящийся в состоянии «перманентной войны» (анти-террористической войны), которая является «единственным способом его легитимации» в «дискурсе безопасности». В этом смысле «партизанское сопротивление» глобальной империи – один из способов *снятия* имперской репрессивной формы и перехода к «абсолютной демократии множества». Принципиальным отличием современных партизан является то, что они борются не за *суверенный порядок*, т. к. множество – вне любых (тоже «устаревших») *представлений* суверенитета: «Сегодня становление множества, распространение его побегов в сетях и его общая способность принимать решения впервые открывают путь к подлинной демократии. Политический

суверенитет и власть одного, всегда под- рывавшие всякое реальное понятие де- моκραтии, как постепенно выясняется, не только не являются необходимостью, но и абсолютно нереализуемы». Множество «просто изгоняет суверенитет из поли- тики. Когда множество, наконец, стано- вится способным владеть собою, тогда и открывается шанс для демократии» [22, с. 410].

Самоорганизация, «креативность», «непосредственное биополитическое производство реальности» – всему это- му соответствует «сетевая форма орга- низации» не только самого «множества», но и «партизанской борьбы»: М. Хардт и А. Негри утверждают, что «мы» находим- ся в новом «глобальном цикле борьбы» [22, с. 271]; борьба против глобального имперского репрессивного порядка ве- дётся множеством, в котором происходит его самореализация; эта борьба харак- теризуется как «мобилизация общего» и «принимает вид открытой, распределе- тельной сети, в которой нет контролиру- ющего центра, а все узлы свободно про- являют себя» [22, с. 271].

Партизанская борьба в этой перспек- тиве ориентирована таким образом, что «центр её внимания всё больше направ- лен вовнутрь – она производит новые субъекты и новые склонные к экспансии жизненные формы в недрах собственной организации» [22, с. 111]. Современные формы сопротивления и гражданской войны «развивались сначала от отдель- ных партизанских восстаний и бунтов к унифицированной модели народной армии; затем – от централизованной во- енной структуры к партизанской армии с множеством центров; и, наконец, от по- лицентричной модели к распределённой, или полноматричной, сетевой структуре. Такова история, оставшаяся у нас за спи- ной» [22, с. 117].

Традиционные формы сопротивления эпохи модерна, прежде всего, партизан- ские войны [26] также встраиваются в сеть сопротивления множества; они по-

прежнему характерны для «периферий- ных регионов» имперского пространства и в силу специфики местных условий по-прежнему могут быть эффективной формой организации сопротивления. Однако их встроенность в сеть, а также изменения, связанные с тем, что биопо- литический процесс универсален (т. е. периферия империи не исключена из него), природа партизанской войны пре- терпели существенные изменения. Наи- более очевидное изменение в характере партизанской войны Хардт–Негри связы- вают с тем, что «партизанские движения начали перетекать из деревни в город», из открытых пространств в закрытые» [22, с. 108]. Партизанская тактика адап- тировалась к новым условиям с учётом применения «информационных систем и сетевых структур. Наконец, по мере того, как партизанская война воспринимала черты биополитического производства и распространялась по всем тканям обще- ства, она стала непосредственно выдви- гать в качестве своей цели производство субъективного начала, причём имеющего черты экономические и культурные, ма- териальные и нематериальные». В «не- драх такого процесса различима тенден- ция к выходу за пределы современной партизанской модели к более демокра- тичным сетевым формам организации» [22, с. 108].

Собственно говоря, то, что М. Хардт и А. Негри называют *партизаном*, в гори- зонте либерального имперского порядка называется *террористом*: в направле- нии анализа, выбранной этими автора- ми, различить их невозможно иначе, чем в *перспективе утопии* «абсолютной де- мократии множества»: *понятие* здесь *одно (essentia)*, различие – только в *дей- ствительности (existentia)*, причём, по- вторим, *действительностью* здесь пред- ставляется *утопия*.

Противоположным образом выстро- ен «дискурс терроризма» Ж. Бодрий- яром [5]. Если не принимать «утопию множества» («новую социальную реаль-

ность») и полагать, что действительно не «множество», но «масса», в которую «выродился народ», то террорист в политическом порядке «симулякров третьего уровня» *представится* иначе: как «двойник суверена» (на это обстоятельство указывает также и Дж. Агамбен [2], утверждающий, что *homo sacer*, «абсолютно исключённый», есть *одновременно* и «двойник-антипод» суверена). Тогда: если «система должна быть разгромлена» [6, с. 161], то «здесь возможна лишь катастрофическая, а вовсе не диалектическая стратегия. Приходится доводить всё до предела, и тогда-то оно само собой обращается в свою противоположность и рушится... Следует обратить смерть против смерти – этакая радикальная тавтология. Сделать из собственной логики системы неотразимое оружие против неё. Против тавтологической системы единственно действенной будет стратегия своего рода патафизики, «науки о воображаемых решениях», т. е. научной фантастики на тему обращения системы против неё самой в высшей точке симуляции, стратегия обратимой симуляции в рамках гиперлогики разрушения и смерти» [6, с. 48]. Стратегия, учитывающая «положение вещей», «революционная интуиция – догадка о том, что глубинная идеология функционирует теперь не на уровне политических означаемых, а на уровне означающих, и что с этой стороны система наиболее уязвима», полагается им единственной имеющей шанс: «Неудача выступлений 1970 г. привела к спаду традиционной политической активности, зато к радикализации бунта на подлинно стратегическом направлении в области тотального манипулирования кодами и значениями» [6, с. 161]. Стратегия «истребления ценности», «символическая стратегия» является единственно возможной; она и есть то, что получило название «терроризм»: реально посягают на господство «лишь такие поступки, которые происходят в поле радикальной недетерминированности», поэтому необ-

ходимо «перенести всё в сферу символического, где действует закон вызова, обращения, увеличения ставок. Такого, что и на смерть можно ответить только другой, равной или большей, смертью. Здесь нет реального насилия или же реальных сил, есть только вызов и символическая логика» [6, с. 97–98].

Сувереном является тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении [24], – такое решение в современном политическом порядке *принимает террорист*: требуется жертвоприношение, «единственным выходом оказывается обратить против системы сам же принцип её власти: невозможность ответа и возражения. Бросить системе такой вызов, на который она не сможет ответить ничем, кроме своей гибели и крушения»; «пускай система сама убьёт себя, отвечая на многократный вызов смерти и самоубийства» [6, с. 99; 12].

Заключение

Итак, в процессе нашего анализа мы пришли к выводам:

1. Политический порядок всегда «пространственный порядок»; *сущность партизана*, как и террориста, *определяется местом*, к которому они относятся в таком пространстве; для каждого из них – это *собственное место* в *тотально различающихся представлениях* политического в двух *различных* парадигмах политического. Главное различие между парадигмой «понятия политического» и «экономической парадигмой политического» состоит в том, что является для них *архѣ*: в первом случае – суверен и суверенное решение, во втором – «пустое место»;

2. *Понятие партизана* определяется в отношении к *суверену* и для *суверенного политического порядка*: партизаном называется тот, кто бросил вызов *суверену* и борется за суверенитет/учреждение нового/восстановление старого политического порядка. *Партизан* возможен только в *политическом порядке суверенных государств*; он – участник войны как

способа отношений между суверенными государствами; гражданская война всегда *предполагает горизонт внешнего*; фигура партизана *погранична* и его *возможность* раскрывается *исключительно в перспективе различия* «внутреннее/внешнее»;

3. Современный глобальный порядок, представленный в экономической парадигме политического, выстраивается в перспективе *принципиальной невозможности различия внутреннего и внешнего*. Враг не может быть «экстерриторизирован», не может стать «внешним врагом», а значит: *непризнан, незаконен, он есть преступник*. Террорист есть фигура «новой войны»: справедливой, тотальной, перманентной, без возможности мира, «внутренней войны» как полицейской операции;

4. Распространённое мнение о том, что «старый партизан» в новых условиях «становится террористом» является следствием *неразличения представлений* политического порядка в различных парадигмах политического. То, что один

«во времени» следует за другим и что на смену одному порядку суверенных государств, приходит другой – глобальный порядок, – *не означает* наличия причинной (и любой «преемственной») связи между ними. «Совпадение характеристик», очевидное в «дискурсе партизана» и «дискурсе террориста», вводит в заблуждение; *понятие партизана* и *понятие террориста* – различны.

Последовательное *удержание различия* между партизаном и террористом является первым и необходимым условием преодоления той *часто умышленной путаницы*, с помощью которой *либеральная идеология политически, морально и юридически дисквалифицирует своих противников*, объявляя их *преступниками-террористами*, устраняя препятствия к *завершающему совпадению* реальности понятия единого глобального политического порядка и его *становление как действительного*.

Статья поступила в редакцию 26.04.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.: СПб., 2018. 552 с.
2. Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
3. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М., 2014. 432 с.
4. Арон Р. Мир и война между народами. М.: Nota Bene, 2000. 880 с.
5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000. 96 с.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2006. 389 с.
7. Боянич П. Насилие и мессианиззм. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. 224 с.
8. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
9. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
10. Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
11. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
12. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная, война // PolitBook. 2020. № 3. С. 80–97.
13. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 70–80.
14. Люттвак Э. Н. Стратегия. Логика войны и мира. М.: Институт Дмитрия Пожарского, 2017. 381 с.
15. Мальцев К. Г. Понятие политического и мировой беспорядок: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка. Кн. 2. Белгород, 2020. 752 с.
16. Мальцев К. Г., Ломако Л. Л. Кризис государства-нации как проблема социально-политической

- философии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2020. № 1. С. 55–64.
17. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Пустое место» как «средостение» политического порядка в экономической парадигме политического // Общество и власть: социально-экономические аспекты и публичная политика / под ред. Е. Н. Чижовой. Белгород, 2020. С. 21–58.
18. Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. Глобализация и вестернизация: горизонты «отождествления» и «различения». Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 5. С. 106–114.
19. Мальцева А. В., Ломако Л. Л. Враг, партизан, террорист: к вопросу о социально-философском конструировании понятия «терроризм» // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С. 245–256.
20. Мюнклер Г. Осколки войны: эволюция насилия в XX и XXI веках. М.: Кучково поле, 2018. 381 с.
21. Хайдеггер М. Размышления XII–XV (Чёрные тетради 1939–1941). М., 2020. 344 с.
22. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
23. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 669 с.
24. Шмитт К. Политическая теология. СПб.: Наука, 2016. 336 с.
25. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
26. Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007. 301 с.
27. Hoffman F. G. Conflict in the 21st century. The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for policy studies, 2007. 72 p.
28. Mueller J. The remnants of war. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2007. 272 p.
29. Shaw M. War and globality: the role and character of war in the global transition // Ho-Won Jeong, ed. The New Agenda for Peace Research. Ashgate, 1999. P. 61–80.

REFERENCES

1. Agamben J. *Tsarstvo i slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniya* [The Kingdom and the Glory: Theological Genealogy of Economy and Government]. Moscow; St. Petersburg, 2018. 552 p.
2. Agamben J. *Homo sacer. Chrezvychainoe polozhenie* [Homo sacer. State of exceptioncy]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 148 p.
3. Ankersmit F. R. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic Politics. Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Moscow, 2014. 432 p.
4. Aron R. *Mir i voyna mezhdu narodami* [Aaron peace and war between nations]. Moscow, Nota Bene Publ., 2000. 880 p.
5. Baudrillard J. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konets sotsial'nogo* [In the shadow of the silent majorities or the end of the social]. Ekaterinburg, 2000. 96 p.
6. Baudrillard J. *Simvolicheskii obmen i smert* [Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2006. 389 p.
7. Boyanich P. *Nasilie i messianizm* [Violence and Messianism]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2018. 224 p.
8. Zhizhek S. *O nasilii* [On violence]. Moscow, Evropa Publ., 2010. 184 p.
9. Kaldor M. *Novye i starye voyny: organizovannoe nasilie v globalnuyu epokhu* [New and old wars: organized violence in the global era]. Moscow, Institut Gaidara Publ., 2015. 416 p.
10. Kreveld M. *Transformatsiya voyny* [War transformation]. Moscow, Alpina Biznes Buks Publ., 2005. 344 p.
11. Lal D. *Pokhvala imperii: Globalizatsiya i poryadok* [In Praise of Empires. Globalization and Order]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2010. 364 p.
12. Lomako L. L., Maltsev K. G. [Discourse of «anti-terrorist war» and just, that is, total, war]. In: *Polit-Book*, 2020, no. 3, pp. 80–97.
13. Lomako L. L., Maltsev K. G. [A few comments on the «novelty» of the «new war» discourse: «innovation» and tradition]. In: *Intelлект. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments], 2020, no. 4, pp. 70–80.
14. Lutvak E. N. *Strategiya. Logika voyny i mira* [Strategy: the logic of war and peace]. Moscow, Unstitut Dmitriya Pozharskogo Publ., 2017. 381 p.

15. Maltsev K. G. *Ponyatie politicheskogo i mirovoi besporyadok: perspektivy soglasiya, voiny i globalnogo imperskogo poryadka. Kniga 2* [The concept of political and world disorder: perspectives of harmony, war and global imperial order. Book 2]. Belgorod, 2020. 752 p.
16. Maltsev K. G., Lomako L. L. [The crisis of the nation-state as a problem of socio-political philosophy]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2020, no. 1, pp. 55–64.
17. Maltsev K. G., Maltseva A. V. [«Empty place» as a «mediastinum» of the political order in the economic paradigm of the political]. In: Chizhova E. N., ed. *Obshchestvo i vlast: sotsialno-ekonomicheskie aspekty i publichnaya politika* [Society and power: socio-economic aspects and public policy]. Belgorod, 2020. P. 21–58.
18. Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. [Globalization and Westernization: horizons of «identification» and «discrimination»]. In: *Sotsialno-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], 2020, vol. 10, no. 5, pp. 106–114.
19. Maltseva A. V., Lomako L. L. [Enemy, partisan, terrorist: on the question of the socio-philosophical construction of the concept of «terrorism»]. In: *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2019, no. 6, pp. 245–256.
20. Мьнклер Г. *Oskolki voiny: evolyutsiya nasiliya v XX i XXI vekakh* [War Remnants: evolution of violence in the 20th and 21st centuries]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2018. 381 p.
21. Khaidegger M. *Razmyshleniya XII–XV (Chernye tetradi 1939–1941)* [Ponderings 12–15. Black Notebooks 1939–1941]. Moscow, 2020. 344 p.
22. Khardt M., Negri A. *Mnozhestvo: voina i demokratiya v epokhu imperii* [Multitude: war and democracy in the age of empire]. Moscow, Kulturnaya revolyutsiya Publ., 2006. 559 p.
23. Schmitt C. *Nomos Zemli v prave narodov Jus publicum Europaeum* [Nomos of the Earth in the law of peoples Jus publicum Europaeum]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2008. 669 p.
24. Schmitt C. *Politicheskaya teologiya* [Political theology] In: *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. 336 p.
25. Schmitt C. [The concept of the political] In: *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. 567 p.
26. Schmitt C. *Teoriya partizana* [Theory of the Partisan]. Moscow, Praxis Publ., 2007. 301 p.
27. Hoffman F. G. *Conflict in the 21st century. The rise of hybrid wars*. Arlington, Potomac Institute for policy studies, 2007. 72 p.
28. Mueller J. *The remnants of war*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 2007. 272 p.
29. Shaw M. *War and globality: the role and character of war in the global transition*. In: Ho-Won Jeong, ed. *The New Agenda for Peace Research*. Ashgate, 1999. P. 61–80.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мальцев Константин Геннадьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета имени В. Г. Шухова;
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Мальцева Анна Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета имени В. Г. Шухова;
e-mail: pavic69@mail.ru

Ломако Леонид Леонидович – старший преподаватель кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета имени В. Г. Шухова;
e-mail: parmend@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin G. Maltsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov;
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Anna V. Maltseva – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov;
e-mail: pavic69@mail.ru

Leonid L. Lomako – senior lecturer, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University;
e-mail: parmend@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. К различению «партизана» и «террориста» в двух парадигмах политического // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 173–184.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-173-184

FOR CITATION

Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. On distinction between «guerrillas» and «terrorists» in two paradigms of political. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 173–184.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-173-184

УДК 327.56

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-185-198

РОССИЙСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ: АНАЛИЗ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Петросян Э. Б.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ причин истоков и последствий армяно-азербайджанского вооруженного конфликта, роли России в его прекращении, обоснование правомерности и необходимости присутствия России в Нагорном Карабахе.

Процедура и методы. Используются конкретно-исторический и системный подходы, сравнительный анализ и формально-логический метод.

Результаты. В статье рассмотрены и выявлены основные тенденции и противоречия современного этапа армяно-азербайджанских отношений, показана негативная роль Турции в разжигании конфликта, обоснована правомерность и необходимость постоянного присутствия России в Нагорном Карабахе как основного гаранта стабильности и безопасности.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе обоснованно сформулировано положение о том, что неурегулированность проблемы вокруг Нагорного Карабаха является дестабилизирующим фактором на Южном Кавказе, что непосредственно затрагивает национальные интересы России в регионе. Обобщенные выводы исследования могут быть использованы для выработки программы нормализации и развития армяно-азербайджанских отношений. Материалы работы также могут быть полезны при анализе ситуации в Кавказском регионе и использованы в учебном процессе при изучении дисциплин по международным отношениям.

Ключевые слова: геополитика, Россия, Армения, Нагорный Карабах, Арцах, Азербайджан, Турция, конфликт

RUSSIA'S PRESENCE IN NAGORNO-KARABAKH: ANALYSIS OF GEOPOLITICAL SITUATION

E. Petrosyan*Moscow State Regional University**24 Vry Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the causes of the origins and consequences of the Armenian-Azerbaijani armed conflict, the decisive role of Russia in its termination, and the justification of the legality and necessity of Russia's permanent presence in Nagorno-Karabakh.

Methodology. A concrete historical and systematic approach, comparative analysis, and a formal logical method are used.

Results. The article considers and identifies the main trends and contradictions of the modern stage of Armenian-Azerbaijani relations, shows the negative role of Turkey in fuelling the conflict, justifies

the legality and necessity of Russia's permanent presence in Nagorno-Karabakh as the main guarantor of stability and security.

Research implications. The paper justifiably states that the unresolved problem around Nagorno-Karabakh is a destabilizing factor in the South Caucasus, which directly affects the national interests of Russia in the region. The summarized conclusions of the study can be used to develop a program of normalization and development of Armenian-Azerbaijani relations. The materials of the work can also be useful in analyzing the situation in the Caucasus region and used in the educational process in studying disciplines on international relations.

Keywords: geopolitics, Russia, Armenia, Nagorno-Karabakh, Artsakh, Azerbaijan, Turkey, conflict

Введение

Для России с учётом геополитических интересов и исторических связей с закавказскими народами очень важно всесторонне проанализировать характер вооруженного конфликта между Арменией и Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха (НК) и выработать конкретные и корректные действия на кавказском направлении.

Для своих территориальных притязаний на Карабах и азербайджанцы, и армяне приводят разные исторические аргументы. Первые утверждают, что этот регион всегда находился под властью азербайджанцев. В ответ на это армяне заявляют, что в Карабахе всегда жили армяне, а правление азербайджанцев считают незаконным. По азербайджанской версии древний Карабах был частью Албании, а по армянской – входил в состав Великой Армении [11, с. 212]. Население Карабаха, а также Армении считает, что проживающий в республике народ имеет полное право на самоопределение, поскольку включение этой территории в состав Азербайджана осуществлялось без учёта этнического состава.

Нагорно-Карабахская автономная область (НКАО) с преимущественно армянским населением была образована в составе Азербайджанской ССР в 1923 г. В Армении и НКАО периодически обсуждались вопросы объединения. Но географически территория НКАО была отделена от Армянской ССР узкой полосой азербайджанской территории, прилегавшей к Лачину (Лачинский коридор). У Азербайджанской ССР был свой анклав

– Нахичеванская АССР, отделённая от основной части республики территорией, относящейся к Армении [10, с. 70]. Москва неоднократно предпринимала шаги в деле урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Несколько раз были организованы трёхсторонние встречи с руководством Армении и Азербайджана. Однако кроме констатаций того, что при содействии России создана серьёзная база для продвижения, конкретных результатов не последовало.

Конфликт между Арменией и Азербайджаном следует рассматривать не только как государственный или региональный конфликт, но и в более широком геополитическом контексте.

Итак, в данной работе мы рассмотрим причины обострения конфликта в Нагорном Карабахе, оценим его влияние на ситуацию в регионе и реакцию враждующих сторон на различные миротворческие инициативы. Среди задач исследования важнейшими являются: изучение ключевых аспектов геополитического содержания этого конфликта, его влияние на положение России и на ситуацию в регионе в целом.

Обострению напряжённости между Арменией и Азербайджаном, связанной с проблемой вокруг Нагорного Карабаха и вылившейся в крупное вооружённое столкновение в конце сентября 2020 г., посвящён ряд публикаций и статей отечественных исследователей. Среди них можно выделить работы Карасина Г., Саркисяна О. Л., Федорченко С. Н., Найдено В. Н., Агазаде М. О., Зинупова Р. Н. Отдельные работы рассматривают армя-

но-азербайджанский конфликт в контексте национальной безопасности России, другие – оценивают возможные пути восстановления доверия и совместного сотрудничества во благо своих народов. В данном контексте следует отметить работы Арбатовой Н. К. [1], Агазаде М. М. О. [2], Дудайти А. К., Ситхова А. Р. [6], Фененко А. В. [10], Федорченко С. Н. [11], Хачатряна А. [12], Широкограда А. Б. [13], Храмчихина А. А.¹

Обострение конфликта вокруг Нагорного Карабаха и его последствия

В очередной раз, благодаря России, разгоревшийся вооружённый конфликт в Нагорном Карабахе с катастрофическими последствиями для армян остановлен. История неоднократно подтверждала неоспоримый факт: стабильность и мир на Кавказе наступали тогда, когда здесь появлялись российские миротворцы. Население Нагорного Карабаха смогло вновь убедиться на своём горьком опыте, что Россия и сегодня, как это было всегда, является общепризнанным и надёжным гарантом политической стабильности в этом стратегически важном регионе.

Недружественная по отношению к России прозападная политика руководства Армении не оправдала возлагаемых на неё надежд. По существу Армения повторила путь Грузии и Украины, которые тоже ждали помощи НАТО, да не дождались. Западные державы, к которым Пашинян относился с подобострастием, не только не поддержали Ереван в ходе вооружённой агрессии Азербайджана, но и спокойно молчали, когда в Нагорном Карабахе разворачивалась гуманитарная катастрофа, когда десятки тысяч армян в ходе обстрелов и разрушений покидали свои дома, опасаясь очередного геноцида новых властей.

Кровопролитной вспышки насилия в Нагорном Карабахе можно было избе-

жать, если бы конфликтующие стороны настроились на конструктивное ведение переговоров, выстраивание доброжелательных отношений, попытались бы дипломатическими средствами решить судьбу семи азербайджанских районов, занятых армянскими войсками в первой Карабахской войне. С другой стороны, необходимо было создавать мощные оборонительные сооружения на подступах к Нагорному Карабаху, перевооружать армию, а не почивать на лаврах после одержанной победы в начале 1990-х гг. Но глубокой линии обороны не было создано, руководство Армении недооценило возможности и решимость Азербайджана начать полномасштабные боевые действия. Время было упущено, и расплата не заставила себя долго ждать.

Сегодня, когда Армения переживает тяжелейший политический кризис и возможную смену власти, армянский народ должен подняться с колен, восстановиться, вернуть себе силу и веру, чтобы защитить свою жизнь и достоинство. Необходимо в кратчайшие сроки возродить экономику, перевооружить разгромленную армию. К сожалению, в настоящее время в армянском обществе не наблюдается национального харизматического лидера, способного сплотить вокруг себя народ, чтобы вытащить страну из глубокого кризиса после унижительного военного поражения.

Что касается Азербайджана, то он стал победителем в конфликте. Баку вернул себе значительную часть территории, ранее находившейся под контролем армянской стороны, в результате уверенной военной победы. Это 7 районов Азербайджана, а также значительная часть территории самого Нагорного Карабаха с г. Шуша.

Баку, в отличие от Армении, на протяжении почти 30 лет целенаправленно и настойчиво готовился взять реванш за проигранную первую Карабахскую войну. Он был уверен в успехе, полагаясь на своё преимущество над Арменией в

¹ Храмчихин А. Армения–Азербайджан: 26 лет спустя // Независимое военное обозрение. 27 ноября–3 декабря. 2020 № 43.

военном, экономическом отношениях. К тому же Азербайджан – богатая нефтяная и газовая страна. Это давало ему возможность в достаточном количестве приобретать современные вооружения, беспилотники, высокоточные ракеты и добиться превосходства на поле боя, как в воздухе, так и на земле.

Значительный вклад в разжигание Карабахского конфликта внесла Турция, стремясь радикально усилить своё влияние в Закавказье. Как известно, незадолго до вооружённого конфликта на территории Азербайджана проходили военные учения с привлечением турецких войск. После их завершения Турция оставила Баку несколько истребителей F-16 и более полутысячи военных специалистов, которые обучали азербайджанскую армию, помогали осваивать поставленную военную технику и вооружение. Сам президент Азербайджана И. Алиев подтвердил переброску Турецких истребителей на территорию своей страны, назвав их присутствие «военными учениями» [6, с. 2]. Но роль Турции в разжигании войны между Арменией и Азербайджаном не ограничилась этим и стала постепенно приобретать широкий размах.

Турция переправила 4 тысячи боевиков-террористов из Сирии в район боевых действий, оказывала сильное давление на Азербайджан, чтобы та продолжала войну до победного конца. Было установлено и присутствие турецких военных специалистов как в планировании операций, так и в составе азербайджанских воинских подразделений на различных уровнях [6, с. 2].

Существенную поддержку Азербайджану оказал Израиль, обеспечив более 61% всего импорта его вооружения¹. Причём основные поставки пришлось на кассетные бомбы, беспилотные летательные аппараты. В обмен на такую

щедрость Азербайджан согласился предоставить свою территорию в случае нанесения ударов по Ирану.

С геополитической точки зрения, Армения, страна древнейшей христианской культуры, находится во враждебном окружении. Она отрезана от России Грузией, полностью враждебной России, и Азербайджаном в союзнничестве с Турцией традиционно враждебными Армении. Надежды на выживание у Армении исторически были связаны с Россией. Армения, добровольно отрезав себя от России, резко осложнила своё геополитическое положение. По-иному и быть не могло. Она и по сегодняшний день продолжает платить очень высокую цену за независимость и многовекторность. Очевидно, что в данной ситуации один из немногих военных объектов – 102 военная база, расположенная в 7 км от границы с Турцией, является единственным надёжным гарантом и спасением Армении.

В 2010 г. президентами России и Армении был подписан дополнительный протокол № 5, регламентирующий порядок функционирования военной базы до 2044 г. В настоящее время на базе размещено более 5 тыс. военнослужащих [8, с. 95–96].

Армянские власти должны это прекрасно осознавать и держаться за Россию как за единственный спасательный щит. Однако в определённой части армянского общества отношение к пребыванию российских военных неоднозначное. Как изнутри, так и за рубежом различными методами и средствами очень активно разжигаются антироссийские настроения. Даже в условиях тяжёлых военных поражений армянское правительство вело себя неадекватно, продолжая по-прежнему поглядывать на Запад. В разгар вооружённого конфликта 21 октября 2021 г. армянская делегация во главе с Пашиняном вылетела в США, где встречалась с госсекретарем М. Помпео [13, с. 340]. Пашинян и его окружение, избрав для Армении пути вступления в

¹ Костин С. Нагорный Карабах – время поднимать и подвести вооружение // Военно-политический курьер : [сайт]. URL: <https://vpk-news.ru/articles/59077> (дата обращения: 03.08.2021).

структуры Европы, пытаются предстать перед ней как самые преданные клиенты, изображая самостоятельность и уверенность. И всё это они называют многовековой традицией во внешней политике.

Роль России в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе

Являясь одним из сопредседателей Минской группы ОБСЕ, Россия выдвигала свои планы урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе. Этот план предусматривал самые различные виды компромиссов: территориальную целостность Азербайджана в обмен на предоставление Нагорному Карабаху самой высокой степени самоуправления (вплоть до конфедерации) и гарантий обеспечения безопасности региона; предоставление Армении Лачинского коридора и Нагорного Карабаха в обмен на передачу Азербайджану Мегринского района.

Базовые принципы мирного разрешения конфликта получили название Мадридские принципы. Следует подчеркнуть, что на всём протяжении 2000-х гг. российское руководство продолжало свою посредническую деятельность в регулировании конфликта в рамках трёхсторонних встреч Армении, Азербайджана и России. Так, в ноябре 2008 г. в подмосковном замке Маендорф руководители Армении и Азербайджана подписали декларацию, в которой обязались продолжать поиск компромиссных решений на высшем уровне исключительно политическим путём без применения силы или угроз [5, с. 218]. Уязвимым местом подписанного соглашения следует признать отказ азербайджанской стороны от привлечения к подписанию соглашения представителей Нагорного Карабаха.

В последующем, благодаря опять же активным посредническим усилиям России в 2010–2011 гг., состоялось несколько встреч глав Азербайджана и Армении, когда конфликтующие стороны значительно приблизились к реальному урегу-

лированию конфликта. На данном этапе были озвучены Мадридские принципы, которые предполагали организацию и проведение международной миротворческой операции, передачу Азербайджану так называемого «пояса безопасности» в обмен на предоставление промежуточного статуса Нагорному Карабаху с последующим урегулированием правового статуса на основе референдума.

Армения должна была возвращать Азербайджану 6 районов вокруг Нагорного Карабаха и 13 деревень в Лачинском районе, который оставался связующим коридором между Арменией и Нагорным Карабахом. Безусловно, одним из центральных пунктов мирного урегулирования должен был стать формат миротворческой операции в зоне конфликта. Однако данный план был сорван новыми предложениями Азербайджана, не согласованными ранее с Арменией [1, с. 96]. В итоге обе страны оказались как бы в замкнутом пространстве, обвиняя друг друга в срыве переговоров. Да и все последующие осложнения и обострения отношений между двумя республиками, которые возникали регулярно, решались именно усилиями России за столом переговоров.

Даже в разгар военных действий, когда Шуши (древняя столица Карабаха) ещё находилась в руках армян, Москва договорилась с Азербайджаном о передаче ему 5 и 2 районов с обеспечением определённого режима зоны Карабаха, взаимодействия с Арменией и ввода российских миротворцев в зону конфликта. Однако теперь уже армянское руководство не согласилось с таким планом. В итоге под контроль Азербайджана в результате военной победы перешли не только районы, образовавшие так называемый пояс безопасности для Карабаха, но и часть карабахских земель, включая Шушу.

Более того, Москва настойчиво советовала армянской стороне пойти на взаимные уступки и путём переговоров с противником добиться подписания

долгосрочного взаимоприемлемого мирного договора. Тем более пришлось бы уступить Азербайджану те 7 районов, которые армянские войска захватили после первой Карабахской войны в начале 1990-х гг. И никто не утверждал, что это тоже исконные Карабахские земли. И рано или поздно эти земли придётся вернуть. Если бы это произошло, то было бы с большим одобрением встречено обеими народами и мировым сообществом. Армянские власти должны были предвидеть возможное обострение ситуации вокруг Карабаха. Ведь трудно себе представить, чтобы какая-либо страна могла мириться с потерей до 20% своей территории бесконечно [2, с. 1404].

Стремление участвовать в урегулировании конфликта вокруг Нагорного Карабаха предпринимали и армянские диаспоры, проживающие за пределами своей страны. По оценкам различных экспертов и социологических центров, в мире проживает около 10 млн армян, из них около 3 млн – в Армении и 7 млн – в остальном мире [12, с. 173]. Однако, несмотря на огромный потенциал армянской диаспоры, отсутствие единой координирующей структуры не позволяет достаточно эффективно использовать их влияние и возможности в проблеме урегулирования Карабахского конфликта. Поэтому возмущение некоторых армянских политиков и тех армян, которые живут вне Армении, тем, что Россия «опоздала», не вмешалась сразу, не ввела войска в Карабах, не помогла своему союзнику, и не взяла нас под защиту, как Ю. Осетию и Абхазию, несправедливы и не имеют под собой никаких оснований. Как Москва могла вмешаться и использовать силу в защиту Арцаха, если сама Армения не признала и не признаёт и сейчас его статус? Россия в сложившейся ситуации действовала адекватно. По совместному договору она всегда гарантировала безопасность границ Армении в рамках её международно признанных границ. Более того, с началом вооружённого кон-

фликта Россия сразу предупредила Баку и Анкару, что если боевые действия затронут территорию Армении, то она обязательно выполнит свои обязательства, вытекающие из ОДКБ.

Что касается позиции России, то именно её вмешательство предотвратило ещё большие жертвы среди военноружащих и мирных жителей Карабаха. Поэтому армянское общество должно возложить вину за военное поражение и капитуляцию полностью на свое национальное руководство. Это, прежде всего, т. н. «карабахский клан», который за более чем 20 лет мало что сделал для реформирования Армении, укрепления обороны Карабаха, для диалога и мирного урегулирования вокруг спорных азербайджанских территорий, занятых армянами. Безусловно, немалая доля ответственности лежит и на пришедших к власти в результате государственного переворота в 2018 г. прозападных политических силах во главе с Пашиняном, который также за 2 года ничего не сделал для укрепления Карабаха, хотя и обещал, что обязательно решит вопрос Арцаха. Вместо решения серьёзных внутренних проблем он с первых дней своего правления начал растаптывать исторически сложившиеся вековые отношения с Россией, одновременно стремясь показать себя услужливым клиентом Запада.

А ведь пришедшие к власти политические силы во главе с Пашиняном на словах демонстрировали стремление на дальнейшее укрепление союзнических отношений с Россией. Это подтверждается и программными документами. Например, в утверждённой 14 февраля 2019 г. Национальным собранием Армении программе правительства на 2019–2023 гг. зафиксировано стремление «развивать стратегический союз с Российской Федерацией в различных областях, рассматривать эту цель среди высоких приоритетов» [7, с. 19].

В Армении при активном участии властей стали открыто происходить анти-

российские акции. Аресту стали подвергаться те политические деятели, которые выступали за тесные всесторонние связи с Россией. В Ереване происходили антироссийские сборища у посольства России с сожжением российского флага. После поздравления В. Путиным бывшего президента Армении Р. Кочаряна на него сразу же было заведено уголовное дело и далее арест. А как расценить поведение Пашиняна, когда он лично встречал в ереванском аэропорту глав государств, но не поехал встречать президента России?

В Армении за последнее время всё активнее и безнаказанно действуют сторонники прозападной ориентации, наблюдается нагнетание антироссийских настроений, которые поддерживаются определённой частью армянского общества. На её территории к настоящему времени действуют более 300 американских НКО и около 10 биологических лабораторий. Причём США имеют здесь одно из самых больших по численности посольств в мире¹.

Недружественные, антироссийские, русофобские акции армянских властей, если будут продолжаться и дальше, приведут к закрытию российской военной базы. Для Армении это может означать только самоубийство. Нельзя не согласиться с мнением заместителя директора института политического и военного анализа А. А. Храмчихина: «если будет продолжаться так называемая политика многовекторности и отрыв от России, то Армения получит азербайджанские войска не только в Степанакерте, но и турецкие – в Ереване, а члены НАТО по этому поводу выразят озабоченность и призовут стороны к решению проблем мирным путём»².

¹ Петросян Э. Между Азией и Европой [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. 2019. № 20. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2019-06-13/1_6_7_1048_geopolititca.html (дата обращения: 03.08.2021).

² Храмчихин А. Армения-Азербайджан: 26 лет спустя // Независимое военное обозрение. 2020. № 43.

Армянской власти во главе со своим политическим изгоем не следует забывать некоторые не столь отдалённые факты и события международной жизни. В своё время Саакашвили, став президентом Грузии, взял курс на свёртывание отношений с Россией, одновременно активизировав всесторонние связи с США и странами НАТО, ЕС, а в перспективе и вступление в эти структуры. Усилия грузинского руководства под давлением извне были направлены на ослабление и выдавливание России из региона. Итог: окончательная, бесповоротная потеря Южной Осетии и Абхазии и превращение Грузии в американский протекторат. А ведь Саакашвили, развязывая военную агрессию против южноосетинского народа, очень надеялся на прямую военную помощь НАТО.

На Украине после кровавого государственного переворота в 2014 г., устроенного при активном участии ведущих стран НАТО, к власти пришли представители националистических сил. Сделав русофобию своим доктринальным принципом, они взяли курс на полное отчуждение от России, ориентацию на США и вступление в НАТО. Такой антироссийский курс выступал как плата, чтобы заручиться поддержкой и финансовой помощью со стороны более могущественных западноевропейских стран. Итог: Украина попала под внешнее правление, лишилась Крыма. Донбасс и Луганск находятся в процессе возвращения в Россию.

Нынешняя армянская власть, установившаяся после государственного переворота, стала сразу демонстрировать прозападный вектор в своей внешней политике, хотя логичнее было бы укреплять и развивать исторически сложившиеся связи с Россией.

Итог: по истечении полуторамесячной войны Армения, потерпевшая позорное поражение, вынуждена была пойти на подписание унизительной капитуляции, потеряла большую часть тех территорий, которые приобрела в ходе первой

войны за Нагорный Карабах, получила сильнейший удар по национальному самлюбию.

В ходе войны правительство Пашиняна практически ничего не сделало, чтобы отправить армянскую армию на помощь обороняющим Арцах, и даже оружием добровольцев не обеспечило. И вполне справедливо звучат обвинения в адрес Пашиняна в армянском обществе, что он сдал Арцах и Армению, т. е. является предателем национальных интересов армянского народа.

И именно Россия предотвратила полный разгром и тотальную утрату контроля над регионом. Армянский народ должен осознать и помнить, что Москва спасла Арцах от окончательной катастрофы. Прибытие в Карабах российских миротворцев стало единственным шансом для населения региона на выживание. И в настоящее время они же продолжают оказывать помощь в восстановлении разрушенных домов и социальных объектов, обеспечивать безопасность дорожного движения. Уже более 50 тыс. беженцев вернулись назад, к родным очагам, под надёжным прикрытием российских военнослужащих (до войны там проживало 150 тыс. человек)¹.

В нынешней трагической ситуации, в которой оказалась Армения, виноват сам мононациональный армянский народ. Более 97% населения республики – армяне. Трудно понять тот самоубийственный шаг, который он совершил, поддавшись националистическому угару, более 99% населения на референдуме 1991 г. высказались за независимость [9, с. 54].

Мы, старшее поколение, хорошо помним, как Армения наряду с Грузией и Азербайджаном наиболее активно и напористо требовала независимости, свободы от «советской империи». Большая часть политических сил Армении в тот период была уверена, что им удастся выйти из тупика и превратить Армению в

оживлённый международный перекрёсток. Даже, несмотря на наличие множества нерешённых проблем вековой давности, Турция рассматривалась Арменией как окно на Запад и возможность ослабить свою зависимость от России [4, с. 149]. И чего же добилась «свободная», «самостоятельная» и «демократическая» Армения?

Результат: независимое суверенное государство оказалось на грани экономического краха. Республика, не располагая природными ресурсами, находится в транспортной блокаде, не имеет выхода к морю, что изолирует её не только от мирового, но и регионального развития. В этих сложных, невыносимых условиях подавляющая часть трудоспособного населения, в т. ч. высококвалифицированных специалистов, эмигрировала, что привело к невосполнимым потерям. За время обретения «свободы» население уменьшилось с 3,8 до 2,9 млн человек. Даже со 150 тыс. в НКР это меньше 1/3 населения Азербайджана². И, наконец, Армения потерпела тяжёлое поражение в кровопролитной войне. Вот что получила Армения после обретения т. н. свободы, выйдя из-под покровительства своего единственного спасителя и надёжного защитника – России.

Несмотря на сложившееся катастрофическое положение Армении, которое является следствием проявленного волеизъявления армянского народа, Россия продолжает оставаться единственной страной, оказывающей Армении всестороннюю помощь и поддержку. Россия, по существу, взяла на себя обязательство гарантировать безопасность, сохранить целостность армянского народа и государства, что она и делала на протяжении ряда столетий. Не случайно многие армянские мыслители – поэт О. Туманян (1869–1923), католикос всех армян с 1912 г.,

¹ Якунин И. Наш человек с ружьем // Еженедельник Звезда. 2020. № 42 (282). С. 6

² Шария В. Уроки Армении и абхазо-карабахские параллели // Эхо Кавказа : [сайт]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30953237.html> (дата обращения: 03.08.2021).

Г. Сурияц (1847–1930), писатель Раффи (М. Акопян) (1835–1888), общественный деятель Л. Атабекян (1875–1918) и др., умудрённые жизненным опытом, – всем ходом многовековой трагической истории армянского народа в лице России, а не европейских держав видели ту единственную силу, которая может спасти армянский народ. Они призывали народ Армении быть всегда плечом к плечу вместе с великим русским народом и в едином строю с храбрыми русскими воинами бороться против общего врага¹.

Именно с Русью связано освобождение армян в конце XV в. от Османского и Персидского ига².

Россия должна оставаться в Нагорном Карабахе навсегда

В настоящее время Армения без мощной российской военной и политической поддержки существовать не может. Обеспечивать на Кавказе прочный мир и безопасность, кроме России, некому. Реальные геополитические процессы, которые здесь разворачиваются, только подтверждают незыблемую истину: российские воины появляются, чтобы оборонять беззащитных. Не внедрять демократические ценности, не восстанавливать конституционный строй. Наши воины приходят для спасения стариков, женщин, детей и дарят им надежду на безопасную и мирную жизнь.

Российские миротворцы пришли и остановили кровопролитную войну, предотвратили массовую гибель людей, масштабную трагедию армян, понесённую, к сожалению, потери среди своих военнослужащих и боевой техники, и они должны здесь оставаться навсегда. Даже после прекращения боевых действий огромную работу по восстановлению разрушенной во время боевых действий инфраструктуры взяла на себя только Россия.

И только из российского бюджета будет финансироваться пребывание наших миротворцев в конфликтной зоне по недопущению возобновления военных действий. А это по приблизительным подсчётам будет стоить России около 50 млн долл. ежегодно³.

Несмотря на то, что мандат российских миротворцев в соответствии с трёхсторонним соглашением определён в 5 лет и даже возможно его продление ещё на 1 срок (в зависимости от складывающейся обстановки), Москва не может считать, что её миссия должна ограничиваться в Карабахе временными рамками, и по истечении обозначенного срока она должна свернуть своё присутствие. Разразившийся вооружённый конфликт произошёл в непосредственной близости у южных границ РФ и прямо затронул наши стратегические интересы. Россия, сыграв решающую роль в прекращении кровопролитного вооружённого столкновения двух кавказских республик, сохранила свою ключевую роль в регионе.

От принципиальной позиции Москвы в значительной степени зависит и последующее решение таких ключевых проблем, как статус Карабаха, миссия российских миротворцев, демаркация границ, разблокирование экономических и транспортных узлов и др. Москва в своей кавказской политике должна прежде всего исходить из своих национальных интересов: не позволить вытеснить себя с Кавказа, а в будущем и с евразийского пространства, не допустить превращения южного пограничья России в постоянно действующую военно-политическую угрозу её безопасности. Надо всем дать чётко понять: Россия ни на йоту не поступится своими интересами.

Нельзя повторять ошибки прошлого, когда в ходе Семилетней войны Рос-

¹ Армянский вопрос. Энциклопедия / отв. ред. К. С. Худавердян и др. 1991. С. 43, 66, 108, 318.

² Армения-Россия: диалог культур (очерки) / М. Н. Бутырский и др. М., 2006. С. 18.

³ Сигов Ю. Кто оплатит миротворческую операцию в Карабахе? [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. 2020. https://nvo.ng.ru/kartblansh/2020-11-17/3_8016_kartblansh.html (дата обращения: 03.08.2021).

сия нанесла сокрушительное поражение непобедимой армии прусского короля Фридриха II и впервые вошла в Берлин. Однако вследствие антинациональной политики Россия изменила свою позицию, заключила мир с Пруссией и вернула ей все завоёванные территории. Проявленный героизм и принесённые жертвы русских солдат оказались напрасными. Россия должна прекратить приносить жертвы во имя интересов чужих стран и народов.

Новая геополитическая обстановка в регионе убедительно свидетельствует, что Москва не только восстановила мир в Карабахе, но и является единственным гарантом существования самой Армении. Это должны чётко и ясно понимать армянские политики, которые во главе со своим прозападным премьером привели свою страну и народ к геополитической катастрофе. Стране нужна не пресловутая многовекторность, а тесный всесторонний союз с Россией как с единственным надёжным союзником и защитником интересов армянского народа. Российские гарантии безопасности дорогого стоят. Это подтвердит каждый житель Карабаха. Одержав убедительную военную победу, Азербайджан вернул себе ранее потерянные земли в первой Карабахской войне, которые составляли так называемый пояс безопасности вокруг непризнанной республики.

Однако в своём желании и стремлении восстановить контроль над остальной спорной территорией, где проживают армяне, Баку должен учитывать и считаться с объективными стратегическими интересами России, а они заключаются в сохранении Арцаха как самостоятельной территориальной величины. Неоспорим тот факт, что ещё до возобновления военных действий эта территория была заселена армянами. После прекращения войны Карабах сохранил свою самостоятельность (не был завоёван азербайджанскими войсками), а значит, и свою неподконтрольность Баку.

В соответствии с требованиями ПДПЧ – плану действий по членству в НАТО – государства, намеривающиеся вступать в альянс, должны решить все территориальные споры с соседями. Серьёзным препятствием в предоставлении ПДПЧ Баку является Нагорный Карабах. И если Азербайджану удастся установить контроль над всей спорной Карабахской территорией, то его вступление в Североатлантический блок станет очевидным и вполне реализуемым шагом. И нет никакого сомнения, что НАТО с радостью пойдёт навстречу Баку, поможет ему закрепить нерушимость вновь обрётённых границ западными военными гарантиями.

Сохранение Нагорного Карабаха как самостоятельной неконтролируемой из Баку территории – важная гарантия того, что вне зависимости от любой власти Азербайджан не сможет вступить в НАТО, а сам военный альянс будет лишён возможности выйти к Каспийскому морю и к границам двух потенциальных противников, какими они считают Россию и Иран.

Известный своими русофобскими высказываниями З. Бжезинский после уничтожения СССР говорил, что «независимый Азербайджан может стать коридором для доступа Запада к богатому энергетическими ресурсами бассейну Каспийского моря и Средней Азии» [3, с. 146]. Эта точка зрения предопределила политику европейских держав – членов НАТО к Баку.

На первом этапе заокеанские атлантисты будут способствовать проведению необходимых преобразований в стране для вступления в НАТО. Тем более что определённый путь уже пройден. Азербайджан принимает активное участие в различных военных учениях в НАТО. Он уже был членом программы «Партнёрство ради мира», плавно перешедший к следующей стадии – к индивидуальному партнёрству.

Сохранение самостоятельности Арцаха, его автономности от Азербайджана

исключительно важно для России, т. к. укрепляет её позиции в области обеспечения геостратегических интересов на Кавказе.

Заключение

Современный кризис во взаимоотношениях между Арменией и Азербайджаном, связанный с конфликтом вокруг Нагорного Карабаха, оказывает дестабилизирующее влияние на обстановку в регионе. Его неурегулированность и сегодня остаётся очагом напряженности на Кавказе.

Особенность Карабахского конфликта – в его интернационализации. В этом, строго говоря, нет ничего оригинального и нового. Как правило, на обломках разрушившихся империй всегда возникали этнорелигиозные и территориальные конфликты, в которые стремились вмешаться внешние силы за имперское наследство.

С начала военных действий между Арменией и Азербайджаном в конфликт были вовлечены Россия и Турция. Турция самым активным образом подталкивала Азербайджан на разжигание конфликта, рассчитывая радикально усилить своё влияние в Закавказье. Миссию же посредника и миротворца взяла на себя Россия. Именно Россия остановила войну в Нагорном Карабахе, ввела свои миротворческие силы и стала гарантом стабильности и безопасности на Южном Кавказе. Удалось не допустить и резкого усиления влияния Турции. Анкара, выступая в роли поджигателя войны, претендовала и на то, чтобы выступить гарантом её прекращения на своих условиях.

Добившись подписания трёхстороннего мирного договора, Россия спасла Армению от окончательной военно-политической катастрофы, избежать которой у Еревана и Степанакерта не было ни малейших шансов. Этот факт в очередной раз подтвердил, что подлинным и надёжным гарантом стабильности и про-

цветания на Кавказе может быть только Россия, связи с которой имеют давний и прочный характер.

Подведём некоторые итоги нашего небольшого исследования.

Во-первых, карабахский конфликт между Арменией и Азербайджаном не урегулирован полностью и продолжает оставаться источником серьёзной опасности на Южном Кавказе, который может стать прологом масштабных военных действий со всеми вытекающими последствиями. Армения и Азербайджан должны окончательно урегулировать между собой затянувшийся конфликт путём диалога и мирных переговоров во имя предотвращения новых людских жертв, восстановления добрососедских отношений для блага своих народов.

Только путь терпеливого мирного диалога представляется единственно верным. Требование же национального реванша и сведения исторических счётов – это своеобразный политический наркотик, который может дать мгновенное острое удовлетворение, но в долгосрочной перспективе – лишь катастрофу.

Во-вторых, исходя из сложившейся ситуации, российскому руководству необходимо чётко сформулировать свои коренные национальные интересы и на этой основе разработать обоснованную внешнюю политику страны на Кавказском направлении. Следует сохранить здесь сложившийся за долгие годы баланс сил, не допускать появления военных структур нерегиональных интересантов у южной российской границы, а также региональной военной организации без участия России. Важным является создание действенной системы региональной безопасности и сотрудничества закавказских государств, содействие развитию взаимовыгодных экономических, культурных и дружественных связей между странами региона.

В-третьих, России и Кавказу никуда не деться друг от друга. Глобальный политический интерес России в Закавказье

зье – достижение такой политической стабильности, при которой полноценно используются потенциальные возможности региона как связующего звена между Россией и азиатскими странами. С учётом именно этого глобального политического интереса и своих исторических связей с закавказскими народами Россия активно участвует в решении одной из главных международных проблем современности – урегулировании конфликтов между государствами региона.

В-четвёртых, Россия и Армения связаны общностью судеб побед и неудач. Россия остаётся единственной великой державой, которая в стратегическом плане является союзницей Армении, какие бы сложные повороты ни встречались на их пути. После тяжёлого поражения в последней Карабахской войне (с 27 сентября по 9 ноября 2020 г.) перед республикой встало множество проблем внутривосточного и внешнеполитического характера.

В условиях недружественного окружения (экономическая блокада и военно-политический вызов) со стороны Азербайджана и Турции неурегулированность Карабахской проблемы объективно обрекает Армению на укрепление сотрудничества с Россией и выступает своего рода препятствием для полномасштабного внедрения в регион США и Турции.

В-пятых, исторический опыт учит, что Турция в силу своего географического положения была и остаётся естественным союзником западных держав, а с XX в. и США. Несмотря на затянувшуюся показную «дружбу» России с Анкарой, мы как были, так и остаёмся противниками. Наши интересы противоположны везде – на Кавказе, Украине, в Ливии, Сирии, Крыму. Такими они были в течение нескольких веков, таковыми они остаются и сегодня. России необходимо пересмотреть свою политику в отношении Турции. Турция никогда не была и не будет дружественной страной для нашего государства.

В-шестых, с Азербайджаном нам в целом делить нечего. Во внешней политике он следует принципу многовекторности, но при этом подчёркивает особое отношение с Турцией. При этом эти отношения всё больше приобретают контуры геополитического военного союза. Азербайджан, разумеется, не является союзником РФ. Он однозначно будет ориентироваться на Анкару, даже если формально и сохранит «добропорядочные» отношения с Россией. С Азербайджаном вполне можно и нужно строить прагматичные взаимовыгодные деловые отношения. Правда, только в том случае, если Баку не будет слишком сильно втягиваться в антироссийские игры.

В-седьмых, опыт Карабахской войны настоятельно диктует России окончательно определиться в отношениях с союзниками. Например, в рамках ОДКБ Россия автоматически защищает всех, причём за свой счёт, а союзники даже не рассматривают возможности чем-то нам помочь. А помогать обязаны в рамках союзнического договора. Хотя бы тем, что официально признать принадлежность Крыма к России, независимость Южной Осетии и Абхазии, не говоря уже о каком-то минимальном участии в Сирии. Дружба, союзничество должны быть исключительно взаимными и двусторонними.

Кавказ и Закавказье в его составе на протяжении столетий являлись естественно-оборонительным рубежом России, её окном в Азию, связующим звеном с ведущими странами азиатского региона. Отвернуться от Арцаха Россия не может и не должна ни в коем случае. Россия должна обеспечить в регионе мир и затишье на длительный период, чтобы защитить жителей Нагорного Карабаха, чтобы не допустить выхода НАТО к нашим южным границам. Мы должны сохранить здесь свои стратегические интересы, значительно укрепить и прочно обеспечить своё геополитическое присутствие на Кавказе.

Статья поступила в редакцию 12.02.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбатова Н. Три измерения постсоветских «замороженных» конфликтов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 62. № 5. С. 88–100.
2. Агазаде М. М. О. Нагорно-Карабахский конфликт в рамках национальных интересов Ирана // *Постсоветские исследования*. 2019. Т. 2. № 6. С. 1402–1410.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2021. 256 с.
4. Демьянов Г. Внешняя политика Турции и Карабахский конфликт: историко-сравнительный анализ. Ереван, 2013. 492 с.
5. Гасанова А. А. Роль России в Урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе // *Политические исследования*. 2018. Т. 1. № 2. С. 217–220.
6. Дудайти А. К., Ситохова А. Р. Проблема Нагорного Карабаха во взаимодействии России с западными странами в рамках Минской группы ОБСЕ (90-е гг. XX в.) // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. 2016. № 1. С. 29–34.
7. Карасин Г. Россия и постсоветское пространство: партнеры и соперники? // *Международная жизнь*. 2019. № 4. С. 4–19.
8. Манукян А. Российско-армянские отношения в новых исторических условиях // *Международная жизнь*. 2018. № 6. С. 94–104.
9. Саркисян О. Л., Дунамян Н. А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 2. С. 53–70.
10. Фененко А. В. Современная история международных отношений: 1991–2016. М.: Аспект-Пресс, 2017. 432 с.
11. Федорченко С. Н. Нагорный Карабах в ракурсе информационных войн // *Постсоветские исследования*. 2018. Т. 1. № 2. С. 211–218
12. Хачатрян Л. Роль и место армянской диаспоры в урегулировании и развитие союзнических и стратегических отношений между Россией и Арменией // *Международная жизнь*. 2019. № 3. С. 171–175.
13. Широкоград А. Б Карабах. Тысячелетняя война на древней земле. М.: Вече, 2021. 352 с.

REFERENCES

1. Arbatova N. [Three dimensions of post-Soviet «frozen» conflicts]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2019, vol. 62, no. 5, pp. 88–100.
2. Agazade M. M. O. [Nagorno-Karabakh conflict within the framework of Iran's national interest]. In: *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet studies], 2019, vol. 2, no. 6, pp. 1402–1410.
3. Bzhezinsky Z. *Velikaya shakmatnaya doska* [The Grand chessboard]. Moscow, AST Publ., 2021. 256 p.
4. Demyanov G. *Vneshnyaya politika Turtsii i Karabakhskii konflikt: istoriko-sravnitelnyi analiz* [Turkish Foreign Policy and Karabakh Conflict: Historical and Comparative Analysis]. Yerevan, 2013. 492 p.
5. Gasanova A. A. [The role of Russia in the resolution of the conflict in Nagorno-Karabakh]. In: *Politicheskie issledovaniya* [Post-Soviet studies], 2018, vol. 1, no. 2, pp. 217–220.
6. Dudaiti A. K., Sitokhova A. R. [The problem of Nagorno-Karabakh in Russia]. In: *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova* [Bulletin of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov], 2016, no. 1, pp. 29–34.
7. Karasin G. [Russia and the Post-Soviet Space: Partners and Rivals?]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn* [The International Affairs], 2019, no. 4, pp. 4–19.
8. Manukyan A. [Russian-Armenian relations in new historical conditions]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn* [The International Affairs], 2018, no. 6, pp. 94–104.
9. Sarkisyan O. L., Dunamalyan N. A. [Dynamics of civic identity transformation of in modern Armenia: factors and subjects]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 2020, no. 2, pp. 53–70.
10. Fenenko A. V. *Sovremennaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: 1991–2016* [Contemporary history of international relations: 1991–2016]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2017. 432 p.
11. Fedorchenko S. N. [Nagorno-Karabakh from the perspective of information wars]. In: *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet studies], 2018, vol. 1, no. 2, pp. 211–218.

12. Khachatryan L. [The role and place of the Armenian diaspora in the settlement and development of allied and strategic relations between Russia and Armenia]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn* [The International Affairs], 2019, no. 3, pp. 171–175.
13. Shirokorad A. B *Karabakh. Tsyacheletnyaya voyna na drevnei zemle* [Karabakh. A millennium war on an ancient land]. Moscow, Veche Publ., 2021. 352 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петросян Эрнест Богатурович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-pprava@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ernest B. Petrosyan – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University;
e-mail: kaf-pprava@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Петросян Э. Б. Российское присутствие в Нагорном Карабахе: анализ геополитической ситуации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 185–198.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-185-198

FOR CITATION

Petrosyan E. B. Russia's presence in Nagorno-Karabakh: analysis of geopolitical situation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 185–198.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-185-198

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2021. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик Н. Г. Юрышева
Корректор А. А. Глазунова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101);
е-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 15,5, усл. пл. 12,5.

Подписано в печать: 15.10.2021. Выход в свет: 19.10.2021. Заказ № 2021/10-03.

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А